

**И Г О Р Ъ
ГОЛОСОВСКИЙ**

**В ШЕСТНАДЦАТЬ
МАЛЬЧИШЕСКИХ
ЛЕТ**

Военный роман (Вече)

Игорь Голосовский

В шестнадцать мальчишеских лет

«ВЕЧЕ»

1957

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Голосовский И. М.

В шестнадцать мальчишеских лет / И. М. Голосовский —
«ВЕЧЕ», 1957 — (Военный роман (Вече))

ISBN 978-5-4484-6090-6

Используя материалы судебного процесса над изменником Родины Д. Ивановым, автор рассказывает о действиях в городе Людиново Калужской области в годы немецко-фашистской оккупации подпольной комсомольско-молодежной группы, руководимой Алексеем Шумавцовым. Героические подвиги юных патриотов послужили основой для создания этого романа о мужестве и стойкости советской молодежи в годы суровых испытаний.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-6090-6

© Голосовский И. М., 1957
© ВЕЧЕ, 1957

Содержание

Пролог	8
Первая глава	23
Вторая глава	27
Третья глава	32
Четвертая глава	39
Пятая глава	44
Шестая глава	50
Седьмая глава	60
Восьмая глава	64
Девятая глава	68
Десятая глава	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Игорь Голосовский

В шестнадцать мальчишеских лет

*Памяти Героя Советского Союза
Алексея Семеновича Шумавцова и его боевых друзей, лудиновских
комсомольцев, посвящается эта книга*

Игорь Голосовский

(1927–1975)

Текст печатается по изданию:

Голосовский И. В шестнадцать мальчишеских лет.
М.: Воениздат, 1959.

© Голосовский И.М., наследники, 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

Пролог

Казалось, вахтеру очень не хочется открывать калитку. Пожилой, с седыми усами, в зеленом кителе, он двигался словно в полусне. Коричневые от махорки пальцы неловко скользили по блестящей стальной щеколде. Наконец тяжелая калитка, скрипнув, приоткрылась. Но вахтер придержал ее ногой, обутой в пыльный брезентовый сапог. Его усы дрогнули, Аксенов скорее угадал, чем услышал:

– Документ.

Он поспешно полез за пазуху, вытащил потертый клеенчатый бумажник, достал лоснящийся, хрустящий бланк с лиловой печатью и протянул вахтеру, нетерпеливо думая: «Скорее! Ведь знаешь же, что все в порядке!» Вахтер, выразив на лице сомнение, поднес справку к глазам и медленно зашевелил губами. Он долго поглаживал и ощупывал бумажку, точно не в силах был с нею расстаться. Аксенов даже начал тревожиться. В конце концов вахтер вернул бумажку и, тяжело вздохнув, словно пожалев, что священнодействие так быстро окончилось, толкнул скрипнувшую калитку. И если бы Аксенов взглянул на него в эту минуту, он увидел бы, что физиономия вахтера расплылась в добродушной, сочувственной улыбке. Но Аксенов не обернулся, он жадно смотрел вперед. Перед ним были чисто вымытое крыльцо, посыпанная желтым песком дорожка и полосатый шлагбаум. Он нерешительно, точно боясь, что его остановят, опустил ногу на ступеньку и отшатнулся, ослепленный ярким весенним солнцем. Вахтер ворчливо сказал:

– Куда? Ишь, какой быстрый! А Петрова разве не будешь дожидаться?

«Ах да! Петров!» – вспомнил Аксенов. Дело в том, что вместе с ним сегодня освобождается Петров, всегда чем-то недовольный, замкнутый мужчина, постоянно выглядевший так, будто он голоден и не выспался. Нечего сказать, приятная компания! Впрочем, раз нужно подождать, Аксенов ничего не имеет против. Да и Петров, наверно, в такой день, как сегодня, будет веселей.

– А скоро он? – все-таки спросил Аксенов у вахтера.

– Восемь лет терпел, потерпи еще пять минут! – строго ответил тот и отвернулся, пряча понимающую усмешку. Каждый день он наблюдал, как ведут себя люди, отпущенные домой. Этот еще ничего. Другие, бывало, словно ослепнув, крутятся в проходной будке и не знают, куда идти.

Очутившись за воротами, Аксенов присел на пенек и тихонько засмеялся. Да, вот он терпел восемь лет, а теперь все кончилось. Плохое осталось позади, его ждет прекрасная, счастливая жизнь! Он свободен! Он может сесть на поезд и поехать куда угодно. Имеет право поступить на работу, которая ему нравится. Теперь уже совсем скоро увидит жену и сына, который восемь лет тому назад еще не умел ходить, а ныне учится во втором классе!

Аксенову не сиделось на месте. Он взвалил на плечо рюкзак и побрел вдоль забора, с любопытством разглядывая вбитые глубоко в землю толстые бревна. Он ведь ни разу не видел их с этой стороны! Поверху забор был оплетен колючей проволокой, звеневшей под ударами ветра. Через каждые сто метров чернели вышки, накрытые круглыми зонтами, чем-то напоминающие нахохлившихся птиц. Виднелись игрушечные фигурки часовых. На обширной площади, огороженной забором, разместился целый городок. Там были одноэтажные и двухэтажные дома, больница, спортивная площадка и даже небольшой сквер с аккуратно подстриженными деревьями. Снаружи к городку подступала тайга, тянувшаяся до самого горизонта. Стройные, словно по линейке выстроганные сосны почти вплотную прижимались друг к другу. Вдалеке голубели сопки, временами трудно отличимые от облаков. Между деревьями петляла дорога, которая вела на станцию. Даже в самый яркий полдень на дороге было сумрачно. Густые кроны сплетались, образуя сплошную зеленую крышу.

Когда Аксенова привезли сюда, он долго чувствовал себя подавленным. Тайга была слишком величава, ею нельзя было любоваться, как красивым пейзажем. Она угрюмо выжидала, похожая на могучего зверя, раздраженного нашествием пигмеев... Но сегодня тайга ласково улыбалась Аксенову. Так и тянуло войти в густую коричневато-зеленую тень, под стройные сосны.

...Сзади хрустнула ветка. Обернувшись, Аксенов увидел сутулую фигуру с узлом за спиной. Это был Петров. Он, не оглядываясь, шел к лесу. Старую, выцветшую кепку он скомкал в руке. Петров успел далеко отойти от ворот. «Почему он меня не позвал? – подумал Аксенов. – А я-то его ждал!»

Аксенов был слегка раздосадован поведением Петрова и выругал себя за то, что зря потерял время. Ему вспомнилось, как Петров вел себя в лагере. Он сторонился людей. Вернувшись с работы и поужинав, усаживался в безлюдном уголке и словно дремал с открытыми глазами. Если его в это время окликали, он вздрагивал и изумленно озирался, как будто и вправду крепко спал. Заключение уже привыкли к тому, что Петров – человек со странностями, и не обращали на него внимания. Это, кажется, его вполне устраивало. Он и не нуждался в обществе. Всегда настороженный, колючий, он работал, ел и спал автоматически, как заведенная машина. Молчал, стиснув зубы, целыми днями, месяцами. Впрочем, иногда его тусклые глаза вспыхивали, огромные узловатые кулаки сжимались, плоское, словно утюгом выглаженное лицо становилось злым. Это происходило очень редко, только в тех случаях, когда кто-нибудь пробовал его подразнить. Он свирепо охранял свое одиночество.

Заключенные, отбывавшие наказание в исправительно-трудовом лагере, работали в тайге, строили узкоколейную железную дорогу. Петрову повезло. Он не валил деревья, не долбил киркой камни, не укладывал тяжелые рельсы. Все восемь лет он проработал в кухне хлебоборезом. Он жил не в общем бараке, а в отдельной маленькой комнатке. У него имелись мягкая подушка и более теплое одеяло, чем у других. Никто не знал, за что осудили Петрова. Никто его не расспрашивал. Это было не принято. Но сегодня в конторе, где оформляли документы им двоим, Аксенов случайно заглянул в личное дело Петрова и убедился, что в прошлом этого человека не было ничего таинственного, такого, что оправдывало или хотя бы объясняло его странное поведение. Демобилизованный из армии, Петров работал агентом по снабжению в артели, попытался присвоить десять тысяч рублей и был задержан в тот момент, когда садился в поезд.

Судьи отнеслись к нему сравнительно мягко. Было принято во внимание, что подсудимый, которому в то время исполнилось двадцать семь лет, участвовал в Великой Отечественной войне и был награжден двумя орденами. Аксенову, как и другим заключенным, было известно, что за восемь лет Петров не получил ни одного письма. Вспомнив теперь об этом, он подумал, что, вероятно, этот человек пережил большое горе. Может быть, во время войны у него погибла семья? Сам Аксенов был очень привязан к жене и ребенку, ему стало жаль Петрова. «Надо все же его догнать! – подумал Аксенов. – Совсем человек один – поди, переживает!»

Услышав за спиной шаги, Петров обернулся. Аксенов увидел сдвинутые черные брови, глубокие, словно вырубленные в камне морщины. Блеснули карие глаза, которые выражали непонятно что – не то удивление, не то неприязнь.

– Ты почему же, земляк, от меня убежал? – внезапно оробев, с наигранной бодростью спросил Аксенов. – А я-то тебя ждал-ждал!.. Разве вахтер не предупредил?

Петров, не ответив, продолжал путь. Аксенов уже понял, что напрасно пожалел спутника, нарушил его одиночество. Ясно, что душевного разговора не получится. Нечего рассчитывать, что удастся вызвать Петрова на откровенность. И все же он продолжал говорить:

– Отслужили мы, брат, от звонка до звонка! Пора и честь знать! Все-таки дожили до счастливой минутки, верно, Петров? Красота-то какая! Раньше мы ее и не замечали. Здесь

ведь, если разобраться, настоящий курорт! А что? Ты не смейся. Воздух лесной, климат здоровый, пейзаж – лучше не надо! Даже не верится, Петров, что мы с тобой скоро на поезд сядем! И поедем куда угодно, хочешь – на Кавказ виноград есть, а хочешь – на Украину! Слушай, Петров, поехали ко мне! Чего там, ты не сомневайся! Жинка у меня ласковая, приветливая, в доме место для тебя найдется. Подыщем тебе работу, и заживешь как барин!.. Ну, поехали, что ли?

Аксенов слушал себя как будто со стороны, и ему было совестно. «Чего я к нему привязался?» – думал он, а язык против его воли продолжал произносить фразу за фразой.

Петров молчал, мягко шагая по пыльной дороге, и его спина была такой твердой, что Аксенов запнулся и наконец умолк. Остановившись, он поправил на плече рюкзак. Ему было стыдно и немного досадно. Он шел позади Петрова, постепенно отставая от него и почему-то боясь, что тот это заметит. Но вскоре Аксенов снова заулыбался. Он с любопытством и облегчением разглядывал шелестящие сосны, светло-голубое небо с клочьями облаков и влажную землю, остро пахнущую гнилью и еще чем-то свежим, весенним. Он был свободен! Это все же что-то значило, черт возьми!

...Солнце уже коснулось вершин деревьев, когда тайга расступилась. Показалась станция. Блеснуло железнодорожное полотно. На небе вырос силуэт семафора. Похожие на квадратные кусочки сахара, забелели станционные постройки. От шпал одуряюще пахло креозотом. Заглянув под дощатый навес, Аксенов увидел Петрова, который сидел в углу на скамье. Разложив на газете хлеб и колбасу, он медленно и методично двигал крепкими челюстями. Аксенов хотел пройти мимо, но не удержался и заискивающе сказал:

– Приятного аппетита, земляк!

Петров взглянул на него и кивнул. Аксенову показалось, что он улыбается и вообще лицо его стало более мягким. «Ехать-то все равно вместе!» – подумал Аксенов и нерешительно подошел к скамейке.

– Угощайся! – отрывисто сказал Петров, придвигая колбасу и нож. – Ты куда направляешься? На Украину, что ли?

– На Украину! – ответил Аксенов, отрезая тоненький, прозрачный ломтик. Ему не хотелось есть, но он боялся отказом обидеть Петрова и таким образом нарушить с трудом налаженный контакт. – В Полтавскую область. Слышал, может, есть такой город Гадяч?

– Нет, не слышал! – отрезал Петров и, помолчав, с расстановкой произнес: – Вот и я, понимаешь ли, на родину хочу податься!

– Куда же это?

– В Архангельскую область. В деревню Кузнецы. Там у меня мать живет с сестрой.

– Мать? – переспросил Аксенов и подумал: «Как же так? Ведь у него нет никого!» Но тут же сообразил, что удивляться, в сущности, нелепо. С чего он взял, что у Петрова погибла семья? Ведь это было только предположение.

– У сестры свой дом есть, – продолжал Петров, сосредоточенно жуя. – Работает в конторе «Заготзерно». Недавно замуж вышла. У нее жить буду.

«Зачем он об этом рассказывает?» – не понял Аксенов и пробормотал:

– Да, да... Это хорошо, если сестра... Значит, мы с тобой до самой Москвы попутчики?

– Что? – переспросил Петров. Лоб его перерезала глубокая складка, глаза посветлели. Заметив, что соседу стало не по себе, он улыбнулся и кивнул: – Конечно, конечно!.. Вдвоем веселей. Ты колбасу-то приканчивай, да пойдем за билетами. Касса скоро откроется!

С этой минуты Петрова как будто подменили. Аксенов с удивлением наблюдал за ним. Петров заговаривал с незнакомыми пассажирами; просунув голову в окошко, обменивался шутками с молоденькой кассиршей. Потом купил в киоске полдюжины пива и стал угощать каких-то железнодорожников, которые, посмеиваясь, долго отказывались принять приглашение, но, узнав, что Петров сегодня освободился из заключения, сразу подобрели. Они уселись в кружок прямо на платформе, вместо стола приспособив чемодан, и до захода солнца пили пиво,

смеялись и по очереди рассказывали анекдоты. Петров, к удивлению Аксенова, оказался интересным собеседником. Его остроты пользовались шумным успехом. Простившись с железнодорожниками, он встал, обнял за шею Аксенова и, дыша на него винным перегаром, прошептал:

– Ты мужик свойский! Люблю таких! Хочешь, я к тебе в гости приеду? А то давай махнем в Кузнецы. Запомни адрес: деревня Кузнецы Архангельской области!

Аксенов много лет не пил вина и с непривычки захмелел. Тяжело ворочая языком, он ответил:

– Ладно, земляк! Мы с тобой... Сам знаешь! Вместе лагерные щи хлебали, значит, навеки друзья! Сначала ко мне, а потом к тебе. В эти, как их... В Кузнецы! А что? Очень даже просто...

В эту минуту Аксенов готов был обнять весь мир. Он умиленно глядел на смеющегося Петрова, чье лицо даже сейчас, когда он улыбался, не утратило недоверчивого выражения. Ему хотелось сделать своему товарищу что-нибудь приятное, оказать ему услугу, словом, дать понять, как он, Аксенов, к нему хорошо относится.

– А здорово это получилось, что мы с тобой вместе освободились! – восторженно сказал он, готовый прослезиться от счастья, переполнявшего его душу. – Скоро поезд придет! Слышь, Петров, а я что-то спать захотел, прямо мочи нет. Ты разбуди меня тогда, ладно? Я мигом!.. Я только на минутку прилягу!

Последние слова он бормотал, уже засыпая. Отпустив рукав Петрова, который шел за ним, снисходительно улыбаясь, Аксенов повалился на лавку. Он неловко подвернул руку и уронил рюкзак. Петров поднял рюкзак и подложил Аксенову под голову, но тот уже не почувствовал этого.

– Эко его разобрало, беднягу! – соболезнующе произнес железнодорожник. Петров хотел отойти, но в этот момент Аксенов приподнялся, взглянул на него неожиданно трезвыми глазами и сказал:

– Так ты разбуди! Я надеюсь!

– Разбужу, разбужу! – ответил Петров.

Аксенову казалось, что он плывет, покачиваясь, по тихой, теплой реке и струи воды ласкают тело. Потом эта река исчезла, и он очутился на зеленом лугу. Светило солнце, трава лениво шевелилась, а вдали виднелись дома с черепичными крышами. Узнав с детства знакомые места, он хотел побежать, но ноги словно приросли к земле. На крыльце стояла жена. Она была одета в синее ситцевое платье. Ее светлые, сверкающие на солнце волосы развевались. Руки она протянула вперед и что-то крикнула, но слов Аксенов не расслышал. Вдруг подул ледяной ветер. Он забрался под телогрейку, выстудил руки и грудь, проник до сердца. Аксенов поежился, попытался спрятаться в траву, но трава пропала, под ногами был глубокий снег. Холод стал нестерпимым. Аксенов открыл глаза.

Он не сразу понял, где находится. Перед глазами поблескивал слабый зеленый огонек. Аксенов протянул руку, но, окончательно очнувшись, понял, что огонек находится далеко. Темнота поредела. Словно отмытые от туши, показались скамейки, окошко кассы, навес. Блеснули рельсы, возник силуэт семафора. Там-то и сверкал зеленый светлячок. «Поезд!» – вспомнил Аксенов и вскочил. Платформа была пуста. Тускло светились окна станции. Заглянув туда, Аксенов увидел дремавшего железнодорожника. На стене белели круглые электрические часы. Стрелки сошлись на цифре три. «Неужели четвертый час ночи? – подумал Аксенов. – Но как же мой поезд?..» Он растерянно опустился на лавку. Мысли спросонья были вялыми. Значит, поезд уже ушел? Как же это могло случиться? Ведь Петров обещал разбудить! Вспомнив, как пили пиво, Аксенов вскочил. Петров уехал один! Нарочно его не разбудил. А рюкзак? Где рюкзак? Аксенов бросился к лавке. Деньги, документы, одежда – все было в рюкзаке. Он встал на колени и, зажигая спичку за спичкой, стал осматривать грязный, заплеванный пол. Мешок

валялся в углу под скамейкой. Аксенов, волнуясь, развязал шнурки. Ничего не пропало. Деньги и документы оказались на месте.

– Фу-у! – облегченно произнес Аксенов и, вынув кисет, свернул папироску.

Закурив, он вышел на платформу. Тайга негромко шумела. В небе сверкали яркие точки. Казалось, кто-то высыпал в черную чашу пригоршню светлячков. Послышался слабый гудок маневренного паровоза. «Что ж, беда невелика, дождусь завтрашнего дня! – подумал Аксенов. – Но хорош друг Петров!»

Несмотря на то, что из-за Петрова были потеряны целые сутки, Аксенов не был огорчен. В глубине души он даже радовался, что избавился от спутника, в чьем обществе чувствовал себя приниженно. Ожидая рассвета, Аксенов прохаживался по платформе.

Небо посветлело, звезды погасли. Обозначились окружавшие станцию рослые ели.

И вдруг далеко на дороге возник рокот мотора. Подойдя к краю платформы, Аксенов увидел две неяркие точки. Они увеличивались, мотор застучал громче. Показался легковой автомобиль ГАЗ–69 с брезентовым верхом. Он вырвался из густи леса, словно пущенный из пращи черный камень, и, подняв тучи пыли, затормозил перед шлагбаумом. Дверца открылась, на дорогу выскочили четверо мужчин. Аксенову показалось, что в одном из них он узнал начальника лагеря полковника Лутонина. Его трудно было с кем-нибудь спутать. Коренастый, с широким торсом, он не шел, а как бы плыл по земле, плавно покачивая могучими плечами. Такую походку Лутонин усвоил во время войны, когда был командиром роты разведки.

У Аксенова появилось неясное чувство тревоги. Он отступил под навес. Стуча сапогами, люди прошли мимо. Рядом с Лутониным шагали трое. Один пожилой, в чине майора, с коричневым от загара лицом; на его щегольском, сшитом из дорогой материи кителе поблескивали орденские ленточки. Его спутники были помоложе. Одеты в штатское платье, они держались подчеркнуто прямо. В них без труда можно было угадать офицеров. Мужчины негромко беседовали. Аксенов хорошо слышал каждое слово.

– Досадно! – сердито проговорил Лутонин. – Приехали бы на сутки пораньше...

– Легко сказать!.. Пораньше!.. – ответил пожилой майор. – Это понятие растяжимое. Конечно, не мешало бы приехать не вчера и даже не на той неделе, а лет восемь тому назад!..

– Собственно, у нас не имеется полной уверенности! – пожал плечами молодой человек в сером плаще. – Просто предположение, нуждающееся в проверке!..

– Может быть, это и не он! – подтвердил третий мужчина, державший в руке измятую, видимо непривычную для него, шляпу. – Вполне возможно!

– К сожалению, мы его снова упустили! – с досадой сказал майор.

– Догоним? – полувопросительно произнес молодой человек. – Договоримся с начальником дороги. Может быть, на дрезине?

– Маловероятно! – покачал головой майор. – Он уже, видимо, добрался до узловой станции. Оттуда поезда идут в четырех направлениях. Угадайте попробуйте, какое он выбрал! Знать бы, где живет семья...

– В личном деле таких сведений нет! – с сожалением ответил Лутонин.

Под ногой у Аксенова скрипнула доска. Он сообразил, что прятаться теперь неудобно, и выступил вперед. Начальник лагеря удивленно посмотрел на него:

– Аксенов? Значит, вы остались? А где же ваш приятель?

– Я на поезд опоздал. А Петров уехал.

– Разве вы были не вдвоем?

– До станции-то мы, верно, вместе дошли, – объяснил Аксенов. – А тут разделились. Потому что я, товарищ начальник, ведь его почти не знаю. Работали мы, как вам известно, в разных бригадах. К тому же Петров, небось помните, бирюком ходил. Слова из него, бывало, клещами не вытянешь. Вот и здесь он больше молчал! Верно, угощал меня пивом. Я с неприщички захмелел, уснул и прозевал поезд. А он, стало быть, уехал.

Офицеры терпеливо слушали Аксенова. Когда он умолк, майор сдержанно спросил:

– А не говорил ли он вам, товарищ Аксенов, куда собирается ехать? Прошу вас, вспомните, это важно!

Аксенову было очень приятно услышать обращение: «товарищ». Ведь целых восемь лет его никто так не называл, и сейчас он особенно сильно ощутил чудесную перемену в своем положении. Вспомнив разговор с Петровым, Аксенов с готовностью ответил:

– Как же, товарищ майор! Даже в гости приглашал!

– В гости? – Теперь все четверо смотрели на него выжидающе, а майор даже смял в кулаке дымящуюся папиросу.

– Ну да, приезжай, говорит, ко мне в Архангельскую область, в деревню Кузнецы. Моя сестра, дескать, в конторе «Заготзерно» работает, и для нас с тобой дело найдется! А я, конечно, его к себе позвал, на Украину.

– Деревня Кузнецы? – переспросил майор, доставая блокнот и самопишущую ручку. Он обернулся к Лутонину и с сомнением сказал: – Вряд ли мы найдем его в Архангельской области! Но запросить придется. Не из пальца же он высосал название этой деревни?.. Может быть, там его знают?

Аксенов деликатно смотрел в сторону, делая вид, что заинтересовался стрелочником, который, протирая заспанные глаза и зевая, вышел из своей будки. Он знал, что слова майора не предназначены для его ушей, и хотел показать, что понимает это.

Совсем рассвело. Верхушки деревьев порозовели, точно выкрашенные прозрачной акварелью. Белели станционные постройки. Все цвета стали яркие, праздничные. Тайга в своем зеленом весеннем наряде стояла притихнув, точно чего-то выжидая. На горизонте, там, где тянулась зубчатая полоса леса, вспыхнул пожар. Багровые, желтые, алые полосы протянулись по небу. Через секунду показался приплюснутый красный диск и вот уже величаво поплыл над лесом. Как по сигналу, тайга наполнилась звуками. Затрещали птицы, громче зашелестели лиственницы и кедры. Наступил новый день. И в его радостном, розовом свете лица стоявших на платформе людей выглядели измятыми и усталыми. Поблагодарив Аксенова, офицеры направились к машине. Лутонин помахал рукой:

– Счастливого пути!

– Спасибо! – ответил Аксенов, с внезапным сочувствием подумав о Петрове: «Бедняга! Видать, что-то натворил!» Но ему не хотелось сосредоточивать мысли на неприятном. Шел второй день новой жизни. Второй день острого, необыкновенного счастья, которое ничто на свете не могло омрачить.

А Петров второй день не находил себе места. Он лежал, скорчившись, на верхней полке в купе жесткого вагона и думал о том, что очень плохо, легкомысленно поступил, поехав в поезде. Нужно было сделать так, как решил в лагере, то есть взять билет до узловой станции, а самому сойти на второй или третьей остановке и пешком сквозь тайгу пробраться к реке, где под чужой фамилией поступить матросом на буксир, совершающий рейсы до Красноярска. Вот тогда он действительно запутал бы след. А теперь едет у всех на виду по центральной магистрали в поезде прямого сообщения. Петров чувствовал себя так, точно с него сорвали одежду и выставили для общего обозрения. Он прислушивался к голосам пассажиров, доносившимся снизу, и старался понять, о чем они говорят. Не упоминают ли они его фамилию? Нет ли среди них переодетых офицеров? Его глаза ощупывали незнакомых людей. Он старался поглубже забиться на свою полку, сделаться невидимым.

За сутки Петров только один раз спустился вниз. В мешке были черствая булка и несколько копченых селедок. Когда голод становился нестерпимым, он отщипывал от буханки по кусочку и медленно жевал, ни на минуту не прекращая наблюдения. Временами бдительность притуплялась. Он словно дремал с открытыми глазами, а перед ним проносились картины детства, войны, лагерной жизни. Очнувшись, Петров тревожно обшаривал взглядом купе:

не произошло ли каких-нибудь перемен? И успокаивал себя. Он говорил себе, что для страха нет никаких оснований. Конечно, нужно на всякий случай глядеть в оба, но бояться нечего! Если в лагере он был в безопасности, то и теперь ничто ему не угрожает. Ведь не нашли же его за восемь лет? И прежде, до того, как попасть в заключение, он долгое время жил спокойно. Его след окончательно потерян. В этом не может быть сомнений! Не станут же его искать целых пятнадцать лет – а с тысяча девятьсот сорок второго года прошло ровно пятнадцать лет! Поиски, конечно, прекращены! И к тому же он осторожен. Очень осторожен. Недаром же Аксенов приглашен в деревню Кузнецы! Вдруг его станут расспрашивать о Петрове!.. А деревни с таким названием не существует! Пусть-ка поищут! Но тут другой голос зловеще шептал: «Не обольщайся! Ты прекрасно знаешь, что тебя будут разыскивать всю жизнь и в конце концов найдут. Ты никуда не уйдешь. Никуда! А эти восемь лет были для тебя передышкой. Теперь ты снова стал волком, которого травят!..»

Как только Петров вышел за ворота, его начало терзать беспокойство. Под защитой крепкого забора, оплетенного колючей проволокой, он чувствовал себя увереннее: знал, что никому не придет в голову искать его там. А главное – он почти наверняка не мог встретиться в лагере с теми людьми, которые могли бы его узнать. А здесь? Он каждую минуту рискует столкнуться с одним из своих врагов. У него много врагов. Очень много! Они разбросаны, наверно, по всей стране. Никто его не забудет, не простит. Узнав, не пройдет мимо. Надо быть осторожным, если хочешь жить. Не так-то уж много счастья в подобной жизни, но все-таки это жизнь!

Колеса между тем постукивали под полом, никто не обращал на Петрова внимания, и на третий день он стал спокойнее, начал привыкать к новому положению. Пока лежал на полке, у него возник новый план, который нетрудно было осуществить. Петров решил познакомиться с какой-нибудь подходящей женщиной, вступить с нею в брак и взять фамилию жены. А через полгода развестись и проделать такую же комбинацию еще раз. Тогда, даже если к тому времени узнают, кто скрывался под фамилией Петрова, пусть-ка попробуют его найти! Он-то будет уже не Петров!

Высокий ростом, с широкими, костлявыми плечами и острыми ключицами, до самой шеи обросший черной густой щетиной, он завернул в полотенце бритвенный прибор, мыло и отправился в туалет. Пора было привести себя в порядок. Он достал из рюкзака новый бостонский костюм, сорочку и галстук, припасенные еще год тому назад, и переоделся. Когда Петров через час вошел в вагон, его трудно было узнать. Костюм, сшитый лагерным портным, сидел так хорошо, точно был изготовлен в лучшем ателье. Из кармашка выглядывал кончик платка. Галстук, повязанный по-старомодному, широким, свободным узлом, красиво выделялся на голубой полотняной сорочке. На загорелом худощавом лице с мягким подбородком и женственными очертаниями губ темнели узкие монгольские глаза. Черные, коротко стриженные волосы торчали бобриком, как у подростка. От углов рта вниз протянулись две глубокие, точно вырезанные ножом морщины. Они придавали Петрову угрюмое, болезненное выражение... У него была привычка время от времени разглаживать морщины кончиками пальцев, словно стирая с них пыль. Когда он делал этот жест, то казался научным работником, решающим в уме сложную математическую задачу. Его грубоватая физиономия становилась даже благородной. Но он сам об этом не подозревал.

...Молодая девушка в голубом ситцевом платье с белыми цветочками, подняв глаза, засмотрелась на него и застенчиво, мечтательно улыбнулась, когда он прошел мимо. Петров заметил ее взгляд и решил, что следует попытаться. Может быть, уже здесь, в поезде, удастся осуществить свой план? Он несколько раз прошелся по вагону, но не решался заговорить с девушкой, так как не знал, о чем с ней можно говорить. Вся она со своими белокурыми, неумело завитыми локонами и пухлыми детскими губами, на которых смешно выделялась полоска кармина, была бесконечно далека и чужда Петрову. Он никогда не сумел бы угадать ее мыслей, а взгляды ее наверняка были ему враждебны. Кроме того, девушка просто не нрави-

лась Петрову. Она раздражала его своей неопытностью, о которой можно было догадаться, едва взглянув на нее. Петров давным-давно усвоил цинично-равнодушное отношение к женщинам. Ни одна не могла пробудить в нем даже намек на искреннее чувство. Ему нравилось, когда женщина была такой же, как он, грубой и циничной. Здесь все было иначе, но он хотел поскорей осуществить свой план. Заставив себя приветливо улыбнуться, Петров подошел к соседке:

– Хороший день сегодня! Солнце, весна... Здесь-то еще прохладно, а в Москве, говорят, жара!..

Девушка с удовольствием вступила в разговор. Она лукаво взглянула на Петрова синими простодушными глазами и тоненьким, еще не окрепшим голосом спросила:

– Вы, значит, в Москву едете?

– Нет! – ответил Петров. – Я еду в другую сторону. А вы?

– Я на каникулы к сестре! – Девушка прищурилась, словно в глаза ей попало солнце. – Она в степи живет, на целине. Я скоро институт окончу и тогда совсем туда перееду. Совхоз называется «Урожайный». Правда, очень романтическое название? Там здорово! Степи, как морю, конца-краю нет. Мама мне не советует – говорит, скучно, а по-моему, если работа нравится, скучать некогда! А вы как считаете?..

Эту длинную фразу она выпалила, не переводя дыхания. Они сидели близко, касаясь коленями друг друга. В купе был еще один пассажир, толстый и лысый, он читал газету, закрыв ею лицо. Впрочем, по его ровному дыханию можно было догадаться, что чтение сменилось крепким сном. Девушка оказалась разговорчивой и по-детски откровенной. Через полчаса Петров уже знал, что спутнице двадцать два года, она не замужем, учится в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте, отец у нее шахтер, работает на угольной шахте в Караганде. Ее зовут Людмила, и она очень рада, что познакомилась с Петровым, потому что ехать еще долго и можно пропасть от скуки. Она ничего не имеет против, пусть Петров, раз ему так хочется, переберется вообще в это купе. Место есть. Он, наверное, человек бывалый и может рассказать много интересного.

Петров постарался оправдать репутацию бывшего человека. Он сказал, что возвращается из географической экспедиции, которая занималась исследованием таежной чащи в северных районах Красноярской области. Петров популярно и даже с подъемом рассказал Людмиле о породах деревьев, об их болезнях и о средствах лечения. Свой рассказ он украсил описаниями привалов в тайге, охоты на диких зверей, путешествия в непроходимой чаще. Девушка сидела не шевелясь, восторженно глядя ему в глаза. Она оперлась худыми локтями на столик и обхватила розовыми ладонями возбужденное лицо.

Поезд замедлил ход. Мимо окна проплыло каменное здание вокзала.

– Граждане пассажиры, стоянка поезда тридцать минут! – металлическим голосом объявил диктор.

– Я, пожалуй, выйду ненадолго! – с сожалением сказала Людмила. – Но мы еще обязательно поговорим!.. Я вам страшно завидую. Только, знаете, я не могу избавиться от мысли, что где-то вас видела... Возможно, много лет тому назад... Во время войны, где-то на западе... Может быть, в оккупации? Вы не были в оккупации?

– Нет! – ответил Петров и не узнал своего голоса. О чем он тут болтал? Тревожным взглядом он впился в лицо девушки... Оно на этот раз показалось странно знакомым. Где он встречал светло-голубые любопытные глаза, русые, выющиеся волосы?.. Нет, чепуха! Они не встречались. Не могли встретиться. В ее словах не нужно искать тайный смысл. Обыкновенная любезная фраза, уместная в любом разговоре. Петров выглянул из окна. Голубое платье Людмилы ярким пятном выделялось в толпе пассажиров. Он заставил себя успокоиться. «Мираж, мираж!» – шепотом произнес Петров. Все в порядке. Ему ничего не грозит. Надо ухаживать за Людмилой. Она едет в хорошее место. В пустынную, забытую людьми степь. Жениться, переменить фамилию, разве не так он решил? И работать в совхозе! Работать, работать... Он при-

нялся беззаботно насвистывать какой-то мотив, но страх ледяной змейкой уже пробрался к сердцу. Петров снова взглянул в окно. И обмер.

Людмила разговаривала с мужчиной. Откуда он появился? Петров заметил открытую дверь, над которой блестела табличка: «Комендант». Так вот оно что! Людмила кивает незнакомцу и рукой указывает на их вагон. Мужчина – он в коричневом пальто, шляпу держит в руке – слушает ее внимательно, но с нетерпением. Правая рука в кармане. Почему в кармане? Петров вскочил, схватил телогрейку, но снова сел. Нет, нельзя сейчас выходить. Заметят!.. Руки задрожали. Он метнулся к двери, остановился, скрипнул зубами. Толстяк выронил газету, проснулся и тупо уставился на него. Потом зевнул и спросил:

– Какая станция?

В это мгновение вагон дернулся. По коридору простучали каблучки, в купе вбежала запыхавшаяся Людмила. Она оживленно говорила:

– Сюда, пожалуйста, место-то какое? Шестнадцатое? Значит, на верхнюю полку. Теперь нас будет четверо!

За ней, наклонив голову, шел мужчина в коричневом пальто. Он виновато улыбнулся Петрову:

– Ничего не имеете против?

У того молоточки застучали в ушах: «тук, тук!» Мужчина снимает пальто, по-хозяйски садится возле двери – почему у двери? Он безразлично скользит глазами по купе. Его равнодушие кажется Петрову явно нарочитым. Как прямо, по-военному, он сидит! Выправка! А Людмила? Куда девалась ее приветливость?! Она улыбается Петрову, но как натянута, неестественна улыбка! В купе стало тяжело дышать... Петров, сгорбившись, смотрел в окно. Он ничего не видел, кроме собственного отражения. Молоточки стучали. Зачем он ушел со своей полки? Там никто его не видел! В недобрый, видно, час встретил он Людмилу!.. Неужели нет выхода? Неужели конец?

...Стемнело. Вспыхнула настольная лампа. Толстяк лениво шелестел газетой. Новый пассажир неподвижно сидел возле двери. Как часовой! Людмила с любопытством поглядывала на Петрова. Она несколько раз открывала рот, хотела что-то спросить, но его мрачный вид, наверно, отпугивал ее.

– Вы не хотите больше рассказывать об экспедиции? – наконец робко обратилась к нему она.

Петров вздрогнул. Лживый, лживый голос! А этот тип явно выжидает. Чего он ждет? Может быть, подкрепления? Нет, разумеется! Они дали телеграмму по линии, на первой же станции в купе войдут солдаты с автоматами... Петров вскочил и сказал:

– Я выйду на минутку.

– Хорошо! – ответила девушка, удивленная тем, что он как будто спрашивает у нее разрешение. Петров заметил, как она обменялась быстрым взглядом с незнакомцем. Ну конечно, сейчас тот задержит его у дверей! Но пассажир даже не взглянул на него. Притворяется!.. Петров медленно прошел по коридору, рванул дверь и выбежал на площадку. Не медля, он нажал на ручку второй двери. В лицо ударил острый, как нож, ветер. Оглушительно загромыхали колеса. Петров отодвинул щеколду, лязгнула опустившаяся железная площадка. Он задержался на нижней ступеньке, поднял голову. Сиял ярко освещенный пролет. С минуты на минуту могли появиться преследователи. Петров представил себе, как они сидят в вагоне, прислушиваясь, ждут... Не дождутся!

Скорость немного уменьшилась. Начался длинный подъем. Впереди заблестели огни. Петров, прищурив глаза, взгляделся в мерцающую полосу земли. Насыпь круто сбегала к узкому кювету. Грохотали колеса. Сейчас или никогда! Он выпустил поручни, оттолкнулся, скрадывая скорость, и уже в воздухе быстро заработал ногами, как будто бежал. Так его учили делать

очень давно, когда он прыгал с парашютом... Удар! Петров пробежал несколько шагов, упал, покатился по насыпи и свалился в кювет, до половины наполненный ледяной водой.

Петров забарахтался, уцепился за край кювета и увидел красный глаз последнего вагона. Удаляясь, протарахтели колеса, стало тихо. Так тихо, что Петров с беспокойством прикоснулся к ушам. Уж не оглох ли?.. Он стоял, сторбившись, под насыпью, а вода текла с одежды и скоп-лялась лужицей у ног. Черное небо, усыпанное звездами, дышало холодом. «Ушел!» – вслух сказал Петров и заспешил. Они могут стоп-краном остановить поезд. Нельзя терять времени.

Между деревьями по-прежнему мигали огоньки. Петров, спрятавшись в кустах, разделся догола и тщательно отжал воду из белья и одежды. Потом проверил карманы. Деньги остались в рюкзаке, но документы были тут. Справка об освобождении размокла. Он осторожно завернул ее в мокрый носовой платок. Так не порвется...

Когда Петров добрался до деревни, ему стало жарко, а одежда успела просохнуть. Он бежал всю дорогу, прижав локти к бокам, как заправский спринтер. Ему было тридцать пять лет, сердце работало хорошо. Отдышавшись, медленно пошел по широкой сельской улице.

В хатах желтели огни. Постукивал движок локомотива. На краю деревни пиликала гармошка. Возле палисадников виднелись светлые платья девчат, силуэты парней. Петров облюбовал хату и подошел к калитке. Хата была старенькая, крытая соломой. Низенький заборчик покосился. Петров подумал, что вряд ли встретит здесь мужчину, уж очень все запущенно. Не иначе дом ведет вдовушка или молодница! Это его, собственно, и привлекло. Но на стук за ворота вышел рослый, с широкими плечами мужчина лет сорока. На нем был черный пиджак внакидку и сапоги гармошкой.

– Что надо? – не приветливо спросил он, разглядывая в упор позднего гостя.

– Переночевать бы! – попросил Петров. – Я из района. Приезжал на станцию по делам службы и вот задержался...

Хозяин, кряхтя, отодвинул оглоблю, запиравшую ворота, очевидно считая, что гостя нельзя пропустить в калитку, и пригласил Петрова войти. Навстречу кинулся огромный грязно-белый пес, но не укусил, а стал тереться облезлой спиной о ноги.

– Ночуй, что ж! – сказал мужчина. – Только угостить нечем. Не взыщи! Живу один, жинка в область уехала на слет.

В хате было жарко. На печке стояли закопченные чугуны. На столе валялись деревянные ложки, белела рассыпанная крупная соль. Маленький мальчик в ситцевой рубашонке и коротких штанах сидел на полу и играл ухватом.

– Беспорядок! – довольно равнодушно пояснил хозяин. – Ну, ты уж потерпи, сам напросился. Сейчас я соберу постель.

Он вышел во двор и вернулся с ворохом душистого сена. Петров, поблагодарив, подстелил еще немного влажный пиджак и улегся. После долгого молчанья хозяин, не глядя на гостя, сказал:

– Между прочим, будет стоить червонец. Как? Не дорого?

– Ладно! – буркнул задремавший Петров.

– Я бы с тебя не взял, да на папиросы денег нет! – немного смутился хозяин. – А самосад не курю. Горький... Документ у тебя есть? – добавил он, подняв глаза.

– Есть! – встрепенулся Петров. – Показать, что ли?

– Ладно, и так сойдет! – зевнул мужчина. – Ну, спи. А я посижу. Свет не мешает?

...Петров проснулся неожиданно. Сердце тревожно билось. В хате было темно и тихо. Так тихо, точно в ней не было ни души. А может, и правда никого нет? Виднелся серый квадрат открытой двери. Почему она открыта? Петров встал, застегнул рубашку, пошарив рукой по стене, нащупал выключатель. Вспыхнула неяркая лампочка, стены стали желтыми, точно их смазали маслом. В пазах между бревнами торчал сухой мох, он почему-то бросился в глаза Петрову.

На широкой деревянной кровати, накрытой домотканым покрывалом, висилась горка несмятых подушек. На широкой русской печи светлел ворох одежды. Заглянув на полати, Петров увидел спящего мальчишку. Тот разбросал руки и ноги. На его красном курносом носу выступила капля пота. Хозяина в хате не было.

Петров надел и зашнуровал ботинки, не забыв завязать галстук и вышел во двор. Сияла огромная луна. Земля и крыши блестели, точно выкрашенные белилами. «Пошел доносить, сволочь!» – подумал Петров и вспомнил, что еще вечером глаза у мужика подозрительно блестели. Очень уж он сосредоточенно читал газету! А сам, конечно, наблюдал за ним! Теперь это ясно! Недаром спросил про документы. Напрасно Петров сказал, что приехал на станцию по делам службы. Хозяин, разумеется, позвонил туда, и ему сообщили, что с поезда номер двадцать шесть сбежал важный государственный преступник. Можно не сомневаться в том, что по линии уже послана телеграмма, требующая задержать его, как только будет обнаружен! И вполне вероятно, что к деревне уже приближаются вооруженные люди. Немедленно бежать! Он снова обведет их вокруг пальца! Они еще не знают, с кем имеют дело!

Но, выскочив за калитку, Петров остановился. Как можно убежать без денег? Деньги! Вот что необходимо прежде всего! Он поспешно вернулся в хату. Под кроватью блеснул деревянный сундучок. Одним ударом железного кулака он сбил нехитрый замок и стал выбрасывать одежду. В это время за спиной раздался жалобный плач. Петров, сжав кулаки, обернулся. Он забыл про мальчугана, а тот, свесив с печи голые ноги, смотрел на него с ужасом. По его щекам текли слезы. Петров решил не обращать на него внимания и вывалил из сундука на пол оставшиеся вещи. Мелькнула желтая кожа бумажника.

– А-а-а! – пронзительно, так, что у Петрова зазвенело в ушах, закричал мальчишка. – Воры-ы!

– Молчи! – прошипел Петров, подбежав к печи и схватив мальчика за плечо. Но тот завопил еще громче. За окном метнулась какая-то тень... Нужно было зажать мальчишке рот. Проклятый бесенок! Как больно он кусается... Он погубит все!.. Через секунду мальчик стал задыхаться. Личико, искажившееся от страха, посинело. Глаза затуманились. Слабенькое, горячее тело затрепетало в руках Петрова, смотревшего на свою жертву с холодным ожесточением. Голова откинулась. «Хватит с него!» – подумал Петров и разжал пальцы. В бумажнике были деньги. Толстая пачка хрустящих сторублевок. Сунув бумажник в карман, Петров выбежал во двор.

Деревня спала. За заборами брехали собаки. Шелестела под ногами черная трава. Крадучись, прижимаясь к плетням, Петров пересек центральную улицу, миновал широкую поляну, которая запомнилась, когда он шел сюда. Впереди темнел лес. Между деревьями чуть брезжили разноцветные огоньки железнодорожной станции. «Только не туда!» – подумал Петров. Он уже успокоился. Мысль работала четко и быстро. Страх исчез. Хотелось курить. Он мимоходом пожалел, что не захватил в хате папирос. Хозяин-то, кажется, любил именно папиросы. О мальчике он как-то забыл.

«Нужно добраться до шоссе! – размышлял Петров. – Там меня искать не станут. Но где это шоссе? В какой стороне? Вообще, как ориентироваться, когда ни к кому нельзя обратиться, а местность незнакомая? Луна же, как назло, спряталась за тучу. Темень такая, что ничего не видно в двух шагах!.. Нужно идти все-таки к станции. Если шоссе существует, оно где-нибудь должно пересечь железнодорожное полотно!» – решил наконец Петров.

Он бежал по лесу, ровно и глубоко дыша. Мысли его в это время были далеко. Припоминалась не такая уж длинная, но богатая событиями жизнь. Горем и несчастьем для других людей был отмечен его путь по земле, и здесь, в этом чужом враждебном лесу, Петров еще раз проклял судьбу, как делал уже не однажды, но когда он произносил проклятие, в его голову не пришла простая мысль, что сам он обрек себя на такую жизнь и никто в этом не виноват, кроме него!..

Рассветало, когда Петров отыскал грейдер и зашагал по обочине, зорко глядя по сторонам. Дурманяще свеж и прозрачен был утренний воздух, ничто не напоминало о ночном происшествии. Он был уверен, что его ищут, за ним выслана погоня, но чувства до того припустились, что думать об этом не хотелось. Станция и деревня давно исчезли. Шоссе извивалось рядом с тайгой. Увидев на полосатом столбе километровую табличку, Петров вгляделся. Восемьдесят пять километров до Кузнецка. Он присел на траву и вытянул ноги.

Кузнецк! Город металлургов, крупный промышленный центр. Вот, значит, куда он забрел. Там, кажется, есть аэродром. Ну, конечно, аэродром должен быть! В самом деле, почему бы не воспользоваться самолетом?! За каких-нибудь два-три дня он оставит между собой и врагами тысячи километров!

...Захлебываясь, тарахтел мотор. Все громче, громче. Показался грузовик. Петров, как кошка, прыгнул в кусты; лежал, прижавшись к теплой земле, пока грузовик не исчез. «Голосовать?» Пусть так ведут себя другие, не столь опытные, как он! Зачем отмечать свой след? Уж лучше добраться до Кузнецка пешком! Пусть это займет больше времени, зато безопаснее.

...Он вошел в город на второй день. Только что зашло солнце. Ноги горели, лицо потемнело. Щеки, поросшие черной щетиной, ввалились. Задержался в парикмахерской, побрился. Пока мастер трудился над прической, Петров сидел в кресле, полузакрыв глаза, и наслаждался теплом. Свежий, пахнувший дорогим одеколоном, направился в центр города. Оглядев себя в какой-то витрине, решил, что необходимо, пожалуй, сменить костюм. Тот, в котором он проделал длинный путь, был вымазан в грязи, помят и привлекал внимание. Кроме того, у работников милиции имеются его приметы. Нужно не отличаться от других, раствориться в толпе.

Зайдя в какой-то подъезд, Петров пересчитал деньги. В бумажнике оказалось девять тысяч рублей. «Месяца на два хватит!» В универмаге он за полторы тысячи купил хороший, светло-серый костюм, мягкую шляпу, кожаный портфель и очки, сделавшие его неузнаваемым. После этого Петров зашел в ресторан и заказал сытный обед и бутылку коньяку. Он не боялся опьянеть. Доводилось в свое время пить и заграничные вина, и чистый спирт, и денатурат, но он никогда не терял контроля над собой. Через час Петров, пошатываясь, вышел на улицу.

...Высокий, со сводчатым потолком зал аэропорта был почти пуст. Возле стола, на котором лежали раскрытые журналы и газеты, сидело несколько пассажиров. Над окошком кассы висела большая географическая карта СССР с голубыми стрелами маршрутов. Петров улыбнулся, испытал приятное чувство облегчения. Он стоял перед картой и с восторгом глядел на нее, словно перед ним открылось вдруг окно в мир. На краях карты были масляной краской нарисованы пейзажи. На Дальнем Востоке – синие воды океана и пароход с высокой трубой, в Средней Азии – желтые пески пустыни и цепочка верблюдов, а в Крыму и на Кавказе – стройные колонны санаториев и обнаженные тела купальщиков. Синяя стрелка упиралась в бронзового человека в соломенной панаме, сидящего в плетеном кресле-качалке на берегу Черного моря. Под ногами у курортника виднелась надпись: «Адлер». Петров посмотрел на табличку цен, висевшую над кассой. Билет до Адлера стоил тысячу триста рублей. «Лечу», – повеселев, подумал он.

Когда самолет поднялся в воздух, Петров откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Кроме него, в салоне было три пассажира: две молоденькие девушки, судя по сходству – сестры-близнецы, и отец, толстяк, страдающий одышкой. Девушки, очевидно, летели в первый раз и не отрывались от окон, а мужчина читал толстый журнал. Никто не обращал на Петрова внимания. И он отдыхал. Впервые за эти дни отдыхал. В Свердловске он с аппетитом пообедал, в Казани поужинал и выпил рюмку коньяку, в Москве не вышел из самолета. Перед этим городом Петров всю жизнь испытывал инстинктивный страх. Здесь сосредоточилось все то, что он ненавидел и чего боялся!

Ровно гудели моторы. Огромная скорость не ощущалась. Петров проснулся на рассвете, расправил затекшие руки и, посмотрев вниз, ахнул. Самолет летел над морем. Синяя атласная

равнина простиралась до горизонта. Выходило ослепительно-белое солнце. По воде легла золотистая дорожка. А слева были горы. Огромные, могучие, со снеговыми шапками. Казалось, огромный зверь прилег отдохнуть, а если пошевелится, мир рухнет... Пол провалился, море встало стеной. Самолет пошел на посадку.

– Адлер! – выглянул из кабины молодой пилот.

На автобусе Петров приехал в Сочи. В тот же день удалось снять комнату. Купив в магазине купальный костюм, темные очки и соломенную шляпу, он стал таким же, как тысячи живущих здесь курортников. Петров начал избавляться от страха. Он спал теперь спокойно и уже не присматривался ко всем прохожим. Он с удовольствием вспоминал, как удачно спрыгнул с поезда, избежал ареста в деревне, вовремя решил воспользоваться самолетом, хвалил себя за то, что выбрал именно Адлер, не зная, что поступки, которыми он так восхищался, на самом деле лишь приблизили его к гибели.

...Это случилось в воскресенье в парке на Кавказской Ривьере. Петров, только что вернувшийся с пляжа, немного расслабленный от жаркого солнца и продолжительного купания в море, сидел под полотняным тентом, в прохладной тени, а на столике перед ним стояла металлическая чашечка с пломбиром. Он лениво ел мороженое и строил планы на вечер. Решил пойти сегодня в летний театр, где выступали приехавшие из Швеции артисты варьете. Билеты он достал еще утром и теперь рассматривал программу, на которой была изображена декольтированная девица с пышной прической и круглыми кукольными глазами. Вдруг он почувствовал какую-то неловкость. Петров в первый момент даже не понял, в чем дело. Показалось, что он неудобно сидит и поэтому затекли спина и шея. Обернувшись, он увидел черные глаза, смотревшие на него в упор, не мигая.

Да, заметил прежде всего глаза, а потом уже рассмотрел, что они принадлежат молодому человеку в сиреновой майке и дешевых белых брюках. Молодой человек сидел за соседним столиком, держа в руке чашечку с мороженым. Он сжимал ее с такой силой, будто это была граната. Встретившись взглядом с Петровым, он не опустил глаза, а продолжал смотреть на него спокойно и выжидающе. В его лице не было угрозы, только внимание и некоторая доля сомнения, но когда Петров поспешно отвернулся, молодой человек поставил чашечку на стол и встал.

Мысли смешались. Петров забыл о варьете, о том, что нужно расплатиться с официантом. Он не узнал молодого человека, но шестое чувство подсказало, что на этот раз опасность не выдуманная, а настоящая. Грозная и неотвратимая!

Петров встал и, с трудом отрывая ноги от земли, направился к выходу. Так бывало во сне: хотел бежать, напрягал силы, но точно увязал в песке. Его окликнул официант, и он остановился как вкопанный, опустив руки и покорно ожидая того, чему суждено было совершиться. И когда официант, вежливо улыбаясь, подал счет, Петров долго не мог понять, чего от него хотят. А молодой человек не двинулся с места. Он стоял у стола, снова держа в руке чашечку с мороженым, и провожал Петрова спокойными, внимательными глазами.

...С этого дня начался кошмар. Петров встречал молодого человека всюду: на улице, на пляже, в ресторанах и кафе. Входя, Петров озирался, искал преследователя и почти всегда находил его. Незнакомец сидел где-нибудь в уголке, молчаливый, сдержанный.

Через несколько дней Петров привык к тому, что у него есть спутник, постоянный, как тень. Однажды, когда столкнулся с ним лицом к лицу возле остановки автобуса, растерянно улыбнулся и кивнул, точно приятелю. Но тот не ответил. Посторонился и долго, настойчиво смотрел вслед...

Петров не то чтобы примирился с тем, что его должны арестовать, а просто не думал об этом. Голова была забита другим. Днем и ночью теперь он вызывал в памяти картины прошлой жизни. Перед ним вереницей проходили люди, которых давно не было в живых. Он пытался вспомнить, где и когда встречался с молодым человеком, не сомневаясь в том, что

такая встреча была, и должно быть, при каких-нибудь необычных обстоятельствах. Но вспомнить не мог, неизвестность мучила его сильнее, чем страх. Потом сообразил, что если теперь незнакомцу лет тридцать, то тогда, в сорок втором, ему было, по-видимому, пятнадцать. Значит, бессмысленно ломать голову. Полжизни минуло.

...И он стал ждать ареста. Каждый день, выходя из дому, думал: «Ну вот, наверно, сегодня!» Встречаясь с преследователем, вопросительно заглядывал в лицо, словно молил ответить: «Когда же? Когда?..» Но молодой человек молча отворачивался, чтобы через минуту последовать за Петровым по пятам.

Так прошло полмесяца. «Почему он не доносит на меня?» – думал Петров. Родилась робкая надежда. Может быть, ничего нет? Может, он заболел манией преследования и надо обратиться к врачу? Пока не появилась эта мысль, Петров не мог заставить себя пойти на вокзал, сесть в поезд и уехать. Казалось, что стоит сделать такой шаг, как сразу настанет развязка. Но теперь решил: «Хватит! Проверю. Вот если он последует за мной, тогда...»

Ночью Петров проснулся. Почудилось, кто-то стоит под окном. Распахнул рамы. Никого! В саду шелестели груши, яблони... Он постоял, вдыхая теплый солоноватый воздух. Вернувшись в комнату, начал поспешно укладывать в чемодан вещи. «Почему я ничего не предпринимаю? – спросил он себя. – Я был в каком-то гипнозе!» И он стал путать следы.

– До свиданья! – сказал он хозяйке. – Уезжаю с ночным поездом. В Свердловск, на завод. Я там работаю. Телеграмму получил. Велят срочно возвращаться...

Выстояв в очереди, Петров купил билет в мягкий вагон, сдал чемодан в камеру хранения и сел в зале ожидания у всех на виду. Когда прибыл поезд, вошел в купе, велел проводнику постелить постель, а сам выскользнул в другую дверь, пролез под вагоном и побежал по шпалам, спотыкаясь, рискуя разбиться о рельсы. Рассвет он встретил на шоссе, в горах. Весь день шагал под палящим солнцем, потом, не выдержав, сел в автобус, который привез его в Сухуми. Наутро Петров на катере плыл в Батуми и там пять дней бродил по узким, кривым улочкам, заходя в чайные и закусочные и заговаривая с подозрительными людьми, боявшимися дневного света. Наконец нашел того, кто был нужен.

...Они сидели друг против друга на вытертом коврикe, подогнув ноги по восточному обычаю, в темной конуре на корме огромной баржи. Петров, за последние дни отошавший до неузнаваемости, с огромными, лихорадочно блестящими глазами и черными ввалившимися щеками, жадно затягиваясь, курил папиросу, набитую ядовитой зеленой травой – высушенной коноплей, которую на Востоке называют «планом». Это разновидность среднеазиатского гашиша, довольно сильный наркотик, к которому прибегают люди, желающие забыть о своих горестях и пару часов пожить в призрачном мире дурмана. Собеседник Петрова, смуглый, с лохматыми бровями и орлиным носом абхазец или азербайджанец, одетый в грязную, старую черкеску и фетровую шляпу, лениво, прикрыв глаза, цедил:

– Я переведу. Почему не перевести. Дорого будет стоить!

– Сколько? – спросил Петров.

– Пять тысяч! – помолчав, сказал абхазец.

– Хорошо! Когда пойдем?

– Сейчас! – легко вскочил на тонкие ноги мужчина. – Путь длинный, длинный! Шибко трудный. По горным тропам ходить можешь? Где козел боится, ты не боишься? Голова не кружится?

– Не боюсь! – мрачно ответил Петров. – А пистолет мне дай сейчас, иначе никуда не пойду. Знаю я вашего брата!

– Шибко хитрый человек! – прищурился абхазец. – Зачем обижаешь? Ты покупаешь, я продаю. Тебе в Турцию надо, я тропинку знаю! Чего еще? На, держи! Бьет на двести шагов без промаха.

– Да уж не беспокойся, не промахнусь! – проворчал Петров, пряча в карман пистолет ТТ и обойму патронов.

Ночью они вышли из города и через три дня, оборванные, усталые, залегли на каменистом плато, потрескавшемся от жары и лишенном растительности. Плоскогорье круто обрывалось. Внизу змеилась речушка, быстрая, как ртуть.

– Турция! – коротко сказал абхазец. – Деньги давай. Сейчас там будем.

Петров вынул из кармана пачку сторублевых и пересчитал.

– На!

Он тяжело дышал. Не верилось, что через полчаса будет в безопасности – навсегда! Они гуськом стали спускаться по узкой тропинке, Петров впереди, абхазец сзади. Обернувшись, Петров увидел, что проводник нагнулся и, кряхтя, снимает узкий сапог:

– Иди, иди! Там, на берегу, жди. Не останавливайся. Нельзя! Я сейчас...

Петрову показалось, что абхазец прячет глаза. Сделав несколько шагов, он услышал шорох, сухое шелканье и тут же, поняв, в чем дело, ничком упал на землю. Грохнул выстрел, над головой, задев волосы, просвистела пуля. Вскочив, Петров спрятался за камень. Проводник хладнокровно целился из пистолета. Петров достал из-за пазухи свой ТТ и плавно нажал курок. Абхазец, не вскрикнув, свалился на камни. Когда Петров наклонился над ним, он был еще жив.

– Что ты сделал? – спросил Петров. – Куда завел? Там Турция? Отвечай!

– Нет! – прошептал проводник, прикрывая глаза. – Не убивай!

– Где граница?

– Не здесь... В другой стороне. Далеко... Не убивай!

– Собака! – сказал Петров и два раза выстрелил абхазцу в голову.

Потом закрыл лицо руками и заплакал. Он стонал от бессильной злости и размазывал по небритым щекам слезы и грязь. Обшарив труп и вытащив деньги, отправился в обратный путь.

Через несколько дней он купил билет на поезд до Москвы и лег на верхнюю полку. Забившись в угол, следил за пассажирами затравленным полубезумным взглядом. Он не знал, почему выбрал Москву и что будет там делать. Хотелось, чтобы все поскорей кончилось.

В Москве он вышел на перрон и увидел молодого человека в белых брюках. Петров не удивился, поставил чемодан на платформу и криво усмехнулся. Молодой человек, расталкивая толпу, направился к нему. Петров бросился бежать. Но бежал, как во сне, нехотя, с трудом переставляя ноги. Молодой человек схватил его за плечо и закричал:

– Граждане! Помогите! Это убийца, палач! Я жил с ним в одном городе!

Петров рванулся, но увидел множество людей, сомкнувшихся в кольцо, и понял, что настал конец...

Первая глава

Семен с гордостью смотрел на отца. Иван Кондратьевич Шумов, взобравшись на верстак, произносил речь. Его низкий, чуть хриплый голос звонко раскатывался под стеклянной крышей механического цеха. Он стоял, одной рукой держась за узкий кожаный пояс, стягивавший русскую вышитую рубаху, другую с силой выбросив вперед. Толстые пальцы, черные от въевшейся в кожу металлической пыли, сжались в кулак, лохматые брови сдвинулись, светлые волосы, в которых была незаметна седина, упали на лоб. Вокруг верстака сгрудились рабочие. Их лица были хмурыми. Они молчали. Сквозь распахнутые окна в цех врвался холодный ноябрьский ветер и брызги дождя. Серое небо словно придавило землю. По воздуху носились желтые листья, которые прилипали к крыше, окнам. В цехе, без того сумрачном, становилось темно.

Семен приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть отца. Ему было велено не отходить от двери и следить, чтобы посторонние не проникли в цех, но парень забыл о поручении, увлеченный горячей, взволнованной речью.

– Настал решительный час, товарищи! – говорил Иван Кондратьевич. – Раньше мы боролись с хозяевами с помощью забастовок. Мы требовали частичных уступок. Сегодня пришла пора взять власть в свои руки! Вот тут товарищ приехал из Питера. Вы его слышали. Восставший народ штурмом захватил Зимний дворец. Временное правительство полетело к черту! Теперь у нас есть правительство – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Пора и нам подниматься. Городок наш не шибко большой, но и у нас должна быть советская власть! Помощи ждать неоткуда, кругом, сами знаете, Брянские леса. В такую пору сюда ни пройти ни проехать! Значит, обойдемся своими силами. Директор месяц тому назад вытребовал роту солдат для поддержания порядка. Кроме них, в городе расквартированы казаки. Добровольно они оружие не сложат. Придется заставить! Предлагаю создать рабочую дружину, к солдатам послать агитаторов, казаков разоружить, господ офицеров взять под арест, а директора господина Загрязкина на завод не пускать!..

– Правильно! – закричал стоявший рядом с Семеном молодой парень, одетый в домо-танную куртку. Он рукой пригладил белые, как лен, волосы и возбужденно сказал Семену: – Здорово твой батька заворачивает!

– погоди, Иванцов! – отмахнулся Семен. – Дай послушать!

Егор Иванцов недавно пришел из деревни. Его отца убили на германском фронте, хозяйство порушилось, вот он и решил стать рабочим. Но заводская наука давалась нелегко. Парню поручили несложное дело: убирать из цеха стружки и на тачке вывозить во двор, однако и с этой работой Иванцов справился не сразу. Он избегал подходить к станкам, скрежет подъемных кранов приводил его в ужас. Светло-голубые, наивно-хитрые глаза Иванцова с любопытством и скрытым неодобрением присматривались к чуждой для него обстановке. Ему здесь явно не нравилось. Он и внешне отличался от других молодых рабочих. Одевался чище, опрятнее, подстригал волосы по-деревенски, в скобку. Вина не пил, деньги, которые выдавали в получку, прятал, а питался кое-как. Был себе на уме, но хотел, чтобы его считали простодушным. С лица Егора не сходила глуповатая улыбка.

– Довольно мы терпели на своей шее кровопийцу-хозяина! – закончил выступление Иван Кондратьевич и спрыгнул с верстака. – Пора господину фон Бенкендорфу убираться ко всем чертям вместе с акционерами и членами правления. Завод принадлежит тем, кто трудится!

– А как с землей будет? – крикнул Егор Иванцов.

– Тише ты! – с досадой толкнул его в спину Семен. Но Иван Кондратьевич поднял руку:

– Вопрос важный! Насчет земли может пояснить товарищ из Питера! Впрочем, могу и я ответить. Есть декрет, подписанный товарищем Лениным. Вся земля навечно и без выкупа

переходит к трудящимся. Кончилась райская жизнь для господ помещиков. Пускай теперь сами за плугом походят!

Рабочие зашумели, послышался смех. Иванцов задумался и отошел в сторону.

– Семен! – крикнул Иван Кондратьевич. – Посторонних в цехе нет?

Все обернулись к парню. Он смущенно ответил:

– Никто не проходил!

– Тогда слушайте меня, товарищи! – понизил голос Шумов. – Сегодня ровно в полночь соберемся за Сукремльским оврагом. Там дружинникам будет выдано оружие. О дальнейших действиях договоримся на месте. А сейчас – за работу! Завод теперь принадлежит нам. Скоро начнем изготавливать не то, что угодно фон Бенкендорфу, а то, что нужно для рабочего класса!

Он заговорил с приехавшим из Петрограда металлистом-путиловцем. Семен подошел ближе, стараясь не пропустить ни слова.

Отец и сын были похожи друг на друга. Оба коренастые, широкоплечие, со светлыми, вьющимися волосами, только Иван Кондратьевич покряжистее, лицо изрезано морщинами, а большие руки покрыты мозолями. Семен же, розовощекий, с пухлыми, детскими еще губами и мягким подбородком, напоминал молодой дубок, жадно тянущийся к свету. Иван Кондратьевич тридцать с лишним лет простоял у слесарных тисков. Перебравшись в конце восьмидесятых годов из голодающей деревни в Москву, он поступил на завод Михельсона, откуда вскоре был уволен за участие в забастовке. И начались мытарства. Вместе с семьей и нехитрым скарбом он перебирался из одного города в другой, работал в лабазе, на речной пристани, в железнодорожных мастерских. И всюду, не желая мириться с несправедливостью, он отстаивал свое рабочее, человеческое достоинство. За «крамолу» Шумова много раз арестовывали. Он ночевал в полицейских участках, его избивали, над ним издевались. Но это не могло сломить смелого, гордого человека.

Жена, Елизавета Ивановна, безропотно делила с ним трудности. А со временем научилась ему помогать. Прятала листовки, дежурила на улице, пока в квартире совещались подпольщики. Скитаясь по стране, они однажды заехали в маленький, затерянный в Брянских лесах городок Любимово. Сотни три одноэтажных, почерневших от дождей деревянных домов. Кривые, узкие улицы, утопавшие осенью и весной в непролазную грязь. Бесконечные огороды, окружавшие город зеленым кольцом. На окраине Любимова в белом каменном особняке жил директор завода Загрязкин, человек вздорный и неумный, прославившийся кутежами и неумеренным пристрастием к женскому полу. Завод, где изготовлялось несложное оборудование для электростанций, принадлежал проживавшему в Петрограде графу фон Бенкендорфу, чистокровному немцу, происходившему из остзейских баронов. Он кичился тем, что является прямым потомком «знаменитого» николаевского шефа жандармов. Фон Бенкендорф, как и его предок, придерживался самых крайних, реакционных взглядов, делал крупные взносы в черносотенную организацию «Союз русского народа» и ввел на своих предприятиях палочную дисциплину и систему взаимного шпионажа. В Любимово он наведывался редко, раз в пять-шесть лет, и то не потому, что интересовался, как идут дела на заводе, а с целью поохотиться в Брянских лесах на крупного зверя.

На любимовский завод и поступил слесарем Иван Кондратьевич. Здесь он проработал до ноября тысяча девятьсот семнадцатого года. Первое время неграмотные и запуганные рабочие с недоверием относились к «смутьяну», как называли мастера и начальники Ивана Кондратьевича. Но вскоре простая, доходчивая агитация сделала свое дело. У людей словно глаза открылись. Они будто впервые увидели, что их семьи живут в грязных холодных бараках, в цехах дырявые стены и там свободно гуляет промозглый ветер. А гнуть спину приходится с рассвета до сумерек, директор же с помощью сложной и хитроумной системы штрафов лишает рабочих даже того мизерного заработка, который полагался за каторжную работу. Первые забастовки, первые победы сплотили людей. Со временем Иван Кондратьевич связался с брян-

скими товарищами-подпольщиками и, опираясь на старых, кадровых рабочих, создал на заводе ячейку социал-демократической партии. Появившимся позже в городе эсерам, кадетам и анархистам был дан хороший отпор. Их крикливая, бьющая на внешний эффект пропаганда не имела успеха среди любителей. Основная масса рабочих шла за большевиками... Такая сложилась обстановка на заводе в ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года, когда приехавший из Петрограда большевик Федор Лучков рассказал о взятии Зимнего дворца и бегстве Керенского. Эта весть взбудоражила рабочих. Они остановили станки и собрались в механическом цехе.

...Мимо Семена прошел мастер Накатов, пожилой, с наголо обритым круглым черепом. Он горбился и втягивал голову в плечи, делая вид, что очень немог и слаб. Но его притворство никого не обманывало. Давно прославился Накатов как верный хозяйский прислужник, его попытки казаться старым и больным вызывали у рабочих лишь саркастические усмешки.

– Был псом, а прикинулся зайцем! – говорили про него.

Накатов брел между станками, опустил голову, но его маленькие, хитрые глазки поблескивали под нависшими бровями, пытливо рассматривая рабочих. От него не укрылось, что в цехе стоит непривычная тишина. Не слышно обычных шуток и смеха, люди сосредоточены и словно чего-то выжидают. Он знал, что несколько минут тому назад было собрание, и нарочно не входил, понимая, что его все равно не впустят. Теперь нужно было узнать, о чем здесь говорили. Но как? Предателей не было!.. Навстречу Накатову шел Иванцов, толкая тачку с мусором.

– Постой-ка, Егор! – ласково сказал мастер. – Я тебя давно ищу.

– Меня? – испугался парень.

– Да ты не бойся! – покровительственно похлопал его по плечу Накатов. – С тобой хочет поговорить господин директор. Собирайся.

– Сам Загрязкин? – не поверил Иванцов. Его круглые щеки стали серыми, губы оттопырились. Он медленно снял через голову брезентовый фартук.

– Иди за мной! – сказал Накатов и направился к двери, сообразив, что нельзя долго стоять рядом с Иванцовым на виду у рабочих.

– За что? – жалобно заговорил Егор, догнав мастера во дворе. – Я, ей-богу, ни в чем не виноват. Не увольняйте меня, Игнат Петрович, матушка в деревне больная, две сестренки... Всю солому с крыши коровенка подобрала, детишкам есть нечего... Пожалейте, господин Накатов. Лучше оштрафуйте!

Мать у Иванцова давным-давно умерла. У него не было ни сестер, ни детей, ни коровенки, но он хотел разжалобить мастера и склонить его на свою сторону. Егор частенько прибегал ко лжи, когда это было выгодно. И если обман удавался, он хвалил себя за находчивость и презирал того, кто ему поверил. Но мастер шагал, будто не слышал.

Прыгая через лужи, они пересекли залитую грязью площадь. Дом Загрязкина был скрыт за пышными кронами деревьев, росших в саду. Красно-желтый ковер из опавших листьев устилал дорожку, которая вела к подъезду. Листья пружинили под ногами и приглушали шаги. Окна особняка были закрыты ставнями, точно в доме никто не жил.

Накатов поклонился молчаливому и неподвижному, похожему на статую швейцару, долго вытирал ноги мокрой тряпкой. Затем снял фуражку и велел Егору:

– Жди меня!

Иванцов боялся пошевелиться. Он заметил, что швейцар поглядывает на него снисходительно и понимающе.

– С завода, что ли? – наконец шепотом спросил швейцар.

Удивленный тем, что тот заговорил, Иванцов кивнул.

– Ну как там? Шумят?

– Не знаю, – ответил Егор. – Мы, мужики, в политике не разбираемся.

На втором этаже хлопнула дверь. Появился высокий мужчина в голубом мундире и шароварах с лампасами. На ногах у него сияли узкие, свирепо начищенные сапоги, от которых даже сюда, вниз, доносился приторный запах ваксы.

– Эй, ты! – негромко позвал он, похлопывая рукой в перчатке по перилам. – Феномен! Подойди ко мне!

Иванцов поднялся по лестнице. Его трясло, словно от холода, и в то же время лицо покрылось потом.

– Как тебя зовут? – рассматривая Егора водянистыми глазами, спросил есаул. Не дожидаясь ответа, круто повернулся, звякнул шпорами и скрылся в зале. Иванцов вошел в зал вслед за ним. Он насторожился, хотя улыбался привычно, глуповато и наивно. За карточным столом сидели Загрязкин, пышнотелая дама в черном платье и два молодых офицера с розовыми, мальчишескими физиономиями: племянники Загрязкина, Котя и Славик. Юнкера жили в Любимове всего несколько дней, но их ночные похождения уже успели стать печально-популярными. Выследив девушку, Котя и Славик в полночь врывались к ней в дом и заставляли перепуганных хозяев выставлять на стол угощение. Парни собирались жестоко проучить их, но офицеры ходили с оружием и пока оставались безнаказанными.

Загрязкин – неряшливо одетый толстяк с нездоровыми мешками под глазами – сдавал партнерам карты. У окна стоял красный и взволнованный Накатов. Он незаметно подмигнул Иванцову: не робей!

– Рассказывай! – обратился директор к вошедшему. – О чем рабочие на сходке толковали?

– Я... Я не знаю! – пробормотал Егор.

– Позвольте, я объясню! – вмешался Накатов. – Пойми, Иванцов, господин Загрязкин хочет сделать для тебя доброе дело! Ты будешь получать вдвое больше денег, станешь помощником начальника грузового двора! Но сначала мы должны порядок навести. Немецкие шпионы мутят народ, а дураки их слушают... Ты, Егор, умный человек. Свою пользу понимаешь. С голодранцами тебе не по пути, верно? Ты сам задумал хозяином быть!

– Верно! – подумав, осторожно ответил Иванцов. Он плохо понимал, что им от него нужно, но вкрадчивый, ласковый голос мастера настораживал.

– Ладно, теперь ему все ясно! – нетерпеливо сказал Загрязкин. – Так о чем вы стговаривались? Отвечай. Скажешь, получишь пять рублей. А будешь молчать, выгоню к чертовой матери. Сегодня же!

– Господин директор!... – взмолился Егор. – За что? Помилуйте...

– Говори!

– Мерзавец! – выпучив белые глаза, завопил есаул. – Застрелю, как собаку!

– Позвольте! – попятился Иванцов. – Я в этом не разбираюсь... Ну, толковали, будто надо свою власть установить. Офицеров, дескать, арестовать, а к солдатам послать этих... Агитаторов. И еще решили в полночь собраться в Сукремльском овраге... Там оружие раздадут... А больше, вот те крест святой, ни слухом ни духом!... – Егор размашисто перекрестился.

Загрязкин вскочил. Встала и дама, стиснув в накрашенных губах папироску. Только Котя и Славик по-прежнему сонно смотрели на дядюшку.

– Что думаете предпринять, господин есаул? – спросил директор. – Впрочем, ты, как тебя... Можешь идти. Держи! – На ковер упала золотая монета. Поспешно нагнувшись, Егор схватил ее и подумал: «Неужели настоящая?» Теперь ему хотелось побыстрее уйти.

– О нашем разговоре молчи. Понял? – поднял палец Загрязкин.

– Так точно! – ответил Егор и улыбнулся, как обычно, глуповато и простодушно.

...На дворе моросил дождь. Нудный, холодный, ноябрьский.

Вторая глава

Шумовы жили в бараке, за тонкой фанерной перегородкой. На шести квадратных метрах с трудом уместались деревянная кровать и стол. На стене виднелась самодельная полка, там за пологом из марли белела посуда. Дверь заменяла занавеска, прибитая к стене. Барак был общий. Перегородку Иван Кондратьевич сделал сам, а на дверь материала не хватило. Вечером, когда собирались жильцы, барак гудел, точно пчелиный улей. Жалобные аккорды гитары смешивались с густым храпом и руганью. Звуки без труда проникали сквозь перегородку, но Шумовы привыкли к ним и спокойно занимались своими делами. Иван Кондратьевич обычно мастерил что-нибудь, если не уходил на собрание; тонкий, смуглый Семен, зажав уши руками, читал, и его огромная тень чернела на низком потолке, а Елизавету Ивановну, с виду такую забитую и покорную, одолевали вовсе не женские заботы. Она обшивала мужа и сына, стряпала им еду и еще должна была собирать по городу нужную для Ивана Кондратьевича информацию, вести разъяснительную работу среди женщин, прятать оружие и листовки. Невысокая ростом, с ровным пробором в черных, гладких волосах, Елизавета Ивановна незаметно и молча делала огромную работу, с которой не всякий мужчина мог бы справиться.

В этот вечер она волновалась. Одета в черное пальто, с платком на голове, Елизавета Ивановна металась по тесной комнате и прислушивалась. Ждала мужа, который ушел на опасное, рискованное дело. Вместе с Федором Лучковым и несколькими рабочими он отправился добывать оружие. С месяц назад городская управа издала приказ о том, что солдаты, вернувшиеся с фронта, должны сдать огнестрельное оружие и гранаты. Немногие выполнили приказ, но все же штук триста винтовок и несколько десятков тысяч патронов было сдано в управу.

Оружие хранилось в одном из подвальных помещений, окна которого, загороженные решетками, выходили на центральную, Садовую улицу. По вечерам улица освещалась газовыми фонарями. По деревянным тротуарам, лузгая семечки, прохаживались бравые фельдфебели и ефрейторы со своими дамами. Проникнуть в склад, казалось, не представлялось возможным. Но у Ивана Кондратьевича был какой-то план, неизвестный жене.

Была и еще причина, заставлявшая волноваться Елизавету Ивановну. Днем Семен сильно повздорил с отцом. Это случилось впервые, отец и сын прежде хорошо ладили, тем страшнее теперь показалась размолвка. Спор возник тотчас же, как только пришли с завода. Без аппетита похлебав жидкие, постные щи, Семен отложил ложку и, не глядя на отца, тихо сказал:

- Отпусти меня в Питер.
- Что? – поперхнулся Иван Кондратьевич. – Обалдел!
- Отпусти! – упрямо повторил Семен.
- Да зачем? – приподнялся Иван Кондратьевич. – Что тебе в голову взбрело?
- Нужно! – опустил голову юноша.

– Ну вот что! – сердито сказал Шумов. – Мне в твоей дури некогда разбираться. Своих забот достаточно. Приключений на твою долю и здесь хватит. Чуешь, время какое? Вот в рабочую дружину запишись. Это дело! Пойдешь со мной!

Елизавета Ивановна, уверенная, что предложение вызовет у сына бурю восторга, собралась уже протестовать, боясь за своего первенца, но как она была удивлена, когда Семен отрицательно покачал головой:

– Нет! Нужное твое дело, не спорю. Но у меня свое есть. А за рабочую власть, если доведется, я и в Питере повоюю! Отпусти. Не отпустишь, сам уеду!

Иван Кондратьевич стукнул кулаком по столу и встал. Через минуту оба ушли. Мать не расспрашивала Семена, зная по опыту, что у сына, если заупрямится, слова не вытянешь. Но когда шаги стихли, она с беспокойством подумала: «Что он задумал?..»

Пока Елизавета Ивановна, волнуясь, расхаживала по комнате, Семен, подняв воротник старенького пальто и спрятавшись от моросящего дождя под широкий карниз ветхого деревянного дома на краю безлюдной окраинной улицы, ждал. У него не было часов. Время он отмечал по каплям, ритмично падавшим с крыши. Кап-кап! Уже сбился Шумов, считая, сколько раз ударились капли, а та, кого он ждал, все не появлялась... Но вот тихонько скрипнула дверь.

– Любаша! – позвал Семен.

– Я! – послышался робкий ответ.

Парень и девушка бросились друг к другу, но застеснялись и поздоровались за руку. Дождь поливал их, но они не замечали.

– Не вышло! – сказал Семен. – Отец пока против.

– Против! – как эхо повторила девушка.

– Но я все равно поеду! Я решил! Одну тебя я не отпущу! Но, может, ты останешься?

– Нет, – прошептала Любаша. – Отчим уже и дом продал. Где я жить буду?

– На завод поступишь, поселишься в бараке. Место есть!

– Что ты, Семен. Не возьмет меня ваш лысый Загрязкин! А если бы взял, я и сама не пошла! Известно, как он с девушками обращается!.. Отчим меня ремеслу выучить обещал. О нем в Москве знают. Он генералам по заказу шил. Конечно, в Любимове для него работы подходящей нет... Ты сам, Семен, понимаешь! А в Питере он свое дело мечтает открыть...

– Тебя-то вместо прислуги, что ли, берет? – грубовато спросил парень.

– Не надо так! – со слезами ответила девушка и прижалась к нему.

– Когда едете? – Семен, прикрыв огонь ладонями, закурил. Лицо, освещенное вспыхнувшей спичкой, показалось Любаше бронзовым.

– Завтра на рассвете.

– Вот и я с тобой! – твердо сказал Семен. – Пропадешь у своего эксплуататора. Я и в Питере работу найду. Там, небось, нынче власть наша, советская! Слышала, что рассказывают?

– Нет, Сеня, ничего я не слышала! До того ли мне? – вздохнула она. – Ты ступай!.. Дома беспокоятся, небось. А без разрешения ехать не нужно! – по-женски трезво добавила Любаша. – Счастья нам не будет!.. Идем, провожу до калитки.

Но у ворот не расстались, а пошли по переулку, держась за руки и почти не видя друг друга в темноте. Время близилось к полуночи, огни всюду погасли. В конце улицы чернел лес. Мокрые деревья печально шептались, словно жалуясь на холод.

Внезапно в той стороне, где был Сукремльский овраг, гулко раскатился выстрел, и тотчас же раздались дружные залпы, заглушившие разрозненные револьверные хлопки.

– Что это? – схватил Любашу за руку Семен. – Там же наши!

Он осторожно взял ее за голову и несколько секунд всматривался в лицо, смутно белевшее в темноте, затем отпустил и бросился бежать. Через несколько секунд сзади послышался сдавленный крик. Шумов обернулся, но все было тихо.

– Любаша! – позвал он. Ответа не последовало. «Показалось», – подумал юноша.

Пересекая центр города, он увидел на улицах казаков на сытых конях. Барак был окружен неподвижной, молчаливой толпой. Растолкав людей, Семен пробился к двери. Узнавая его, рабочие с готовностью уступали дорогу. Семен обратил на это внимание, но не понял, в чем дело, только отчего-то встревожился. Слышались вздохи и всхлипывания. «Что-то случилось!» – подумал юноша. Он вбежал в барак, кинулся к перегородке и остановился, словно его толкнули в грудь. Занавеска валялась на полу. Елизавету Ивановну под руки держали две заплаканные женщины, а она вырывалась и тонким голосом кричала:

– Ваня! Да Ваня же! Ва-аничка!.. Ва-а-аня!!!

Семен шагнул вперед и увидел отца, который лежал, запрокинув голову, на кровати. Его тело казалось необычайно огромным, тяжелым. Посиневшее, странно незнакомое лицо было неподвижным.

Прерывисто хрипел чей-то голос:

– Пришли мы, стало быть, к оврагу. Темень кругом, дождь. Он, сердечный, Иван-то Кондратьевич, встречает нас у спуска и шепотком командует: «Внизу, товарищи, получите оружие, не расходитесь!» Собралось нас сотен до двух. Выстроились, винтовки к ноге, тут Федор Лучков вышел, речь хотел говорить. Вдруг слышим: «Руки вверх!» Оглянулись, а по краю оврага будто плетень вырос, казаки с колена целятся. А впереди есаул ихний: «Огонь по изменникам, немецким шпионам!» Это мы-то шпионы... Товарищ Лучков, конечно, не растерялся, выхватил револьвер да в есаула трахнул, однако промазал... Тут и началось! Сверху палят, мы врассыпную, выхода из оврага нет, со всех сторон окружили... Иван Кондратьевич кого за рукав, кого за плечо – остановил! «Они, – говорит, – нас в темноте не видят, не то что мы их! Давайте-ка кучкой, авось прорвемся!» Сделали мы, как он велел. По обрыву вскарабкались, выскочили, как черти, все с ног до головы в глине, ружья наперевес: «Ура!» Казаки растерялись, а мы – ходу в кусты! Иван Кондратьевич сзади бежал, отстреливался. Вдруг схватился за грудь и упал. Я с Федькой к нему. «Бегите, – шепчет, – товарищи, бегите, убили меня!.. Да здравствует Ленин!» И смолк, голову откинул. Подняли мы его, ну и вот... Почти все ушли, пятерых только казаки похватали! Трех ранили. А он...

Говоривший снял шапку. Зарыдала женщина и умолкла, словно задохнувшись. Семен стоял в ногах у отца. Ему было трудно дышать. Першило в горле. Хотелось откашляться, но он вдруг забыл, как это делается... Голова была пустая и звенела. Он еще не понимал, что произошло. Видел, но не понимал. Кто-то положил руку ему на плечо, он даже не почувствовал. Глаза были сухими. Услышав горестный крик матери, Семен словно очнулся. Подошел к Елизавете Ивановне, чье сморщенное мокрое лицо сделалось старым и некрасивым, нежно обнял и дрожащим голосом принялся говорить бессмысленные и ненужные слова:

– Мать, ты перестань, а? Перестань, мать!.. Перестань!

До сих пор он никогда не называл ее «мать». Обычно отец обращался так к Елизавете Ивановне, и она, услышав теперь это слово из уст сына, вместо того чтобы успокоиться, еще отчаяннее закричала, стала вырываться из рук державших ее женщин. А тот, кого еще недавно называли Иваном Кондратьевичем, холодный и пугающе неподвижный, лежал, вытянув ноги, не умещавшиеся на кровати...

В бараке точно холодный ветер пронесся. Рабочие обернулись к двери. На пороге вырос растрепанный, в порванной рубаше подросток. Он ловил ртом воздух. Справившись с удушьем, пронзительно крикнул:

– Спасайтесь! Солдаты!

Люди метнулись к выходу. Семена и Елизавету Ивановну кто-то схватил за плечи и втолкнул в комнату. Юноша узнал Федора Лучкова. Питерский металлист был удивительно спокоен. Его серые холодные глаза глядели серьезно. Тихо, настойчиво он говорил:

– Вы тут побудьте. Не надо на виду стоять, мало ли... Солдаты!.. Ты поплачь, Лиза, поплачь... Что ж... Не отходи от матери, Семен!

Дверь распахнулась. По полу пронесся ледяной воздух. Жители барака примолкли. Показался высокий худой солдат без шапки. Огненно-рыжие волосы его прилипли ко лбу. Винтовку он поднял над головой, держа ее, как палку. За ним виднелись серые шинели.

– Братцы! – крикнул солдат. – Не бойтесь! Мы к вам пришли не со злом, а с добром!.. Примете?

К нему подошел Федор Лучков и спросил:

– Как же понимать?

– Так и понимать! – весело ответил солдат. – Будем знакомы! Председатель полкового комитета Гринюк. Полк восстал! Отвоевались! Ваших рабочих мы выпустили, а офицеров на их место засадили. Пускай похлебают арестантскую баланду!.. Нужно казаков разоружить. Сволочи, засели в управе, окна мешками заколотили и стреляют по мирным прохожим. Но мы их оттуда выкурим, как клопов!

– Да здравствуют товарищи солдаты! – радостно закричал стоявший рядом с Лучковым рабочий.

– Милые же вы мои, дорогие мои! – громко сказала какая-то старуха. Она подбежала к Гринюку, истово перекрестила его сморщенной рукой и, обняв, трижды поцеловала в губы.

Схватив винтовки и револьверы, спрятанные под матрацами, рабочие выбегали из барака. Со двора раздавались слова команды:

– В шеренгу по четыре, становись!

Семен отпустил мать и виновато сказал:

– Я тоже пойду! Не плачь. Так нужно!

– Иди!..

Колонна рабочих и солдат уже выходила из ворот. Семен пристроился к последнему ряду.

...Утро Семен встретил в управе. Он стоял с винтовкой в зале, где испуганно жались к стенкам разоруженные казаки. Загрязкин вместе с племянниками все-таки успел удрать. Когда пришла смена, Шумов отправился домой, но задержался на крыльце, ослепленный ударившим в глаза солнцем. Ничто не напоминало о том, что кончается осень и уже не за горами первый снег. Солнце сверкало на безоблачном небе так радостно, как будто весь последний месяц не пряталось за тяжелыми, мокрыми тучами, сеявшими дождь. Сейчас оно отражалось в бесчисленных лужах, зажигало огненные искры на окнах, раскрашивало в яичный цвет подсохшую землю. Воздух был теплый, пропитанный терпким запахом подгнившей листвы... Несмотря на ранний час, улица была запружена народом. Огромная толпа, гудя, колыхалась возле здания управы, над которым развевалось красное полотнище. Над крыльцом мотался по ветру сделанный наскоро плакат: «Вся власть Советам!» Буквы, написанные разведенным мелом, расплзались.

Вспомнив о матери, Семен заспешил домой. Мысли у него были необычно солидные, взрослые. Он с удивлением отметил, что за эти несколько часов стал смотреть на вещи иначе. То, что еще вчера казалось важным, сегодня выглядело второстепенным. Вспомнив, что он хотел уехать в Питер, Семен покачал головой. Какое легкомыслие! Любаша? Но она должна дожидаться его, если любит. Негоже самостоятельному мужчине бежать за бабьей юбкой!.. Мальчишеским упрямством так расстроить отца! Тот ушел с камнем на душе. И теперь уже ничего нельзя поправить. Это было особенно горестно. Семен понял, что никогда не услышит отцовского голоса, не прижмется к его плечу. Никогда! Ледяным холодом дохнуло от этого слова. Он впервые ощутил, как безжалостна смерть, и заплакал, отвернувшись от прохожих, всхлипывая и слизывая языком соленые капли с губ.

Успокоившись, Шумов озабоченно подумал о том, что обязан позаботиться о матери. Надо ведь и о похоронах не забыть. На углу он обернулся и долгим взглядом посмотрел на заборчик, возле которого так горько рыдал. Он прощался с юностью.

Семен прошел мимо знакомого дома с широким карнизом и подумал: «Они, наверно, уехали! Я не простился! Нехорошо!» Помедлив, он тряхнул головой и решительно поднялся на расшатанное крыльцо. Дверь оказалась открытой. Это удивило его. Послышался тоненький плач. Голос был незнаком. Встревоженный, он вошел в комнатку с низким потолком, огляделся. У окна, сгорбившись и опустив голову, сидел бородатый мужчина с всклокоченными седыми волосами. Он не шевелился. На узкой деревянной кровати белела неподвижная фигура в знакомом платье и заплатанной шерстяной кофте. Любаша! Она лежала ничком, спрятав лицо в подушке. Плечи ее вздрагивали.

– Любаша! – крикнул Семен и шагнул к кровати. Но девушка не ответила. Седой мужчина медленно поднял голову и долго, моргая белыми мокрыми ресницами, смотрел на молодого человека. Ровно, без выражения, сказал:

– Зачем пришел? Ты же видишь? Этого нельзя поправить. Она опозорена. Уходи...

– Что случилось? – вне себя закричал Семен.

– Вы ее жених? – приподнялся портной и снова сел. – Такое несчастье, такое несчастье!.. Девушка вчера шла по улице, на нее набросились два юнкера – вы их, наверное, знаете, весь город их знает, – она кричала, звала на помощь... Тогда эти волки зажали ей рот, ну и вы понимаете... Разве могла она сопротивляться? И никого не было, чтобы прийти на помощь... Я ее нашел у крыльца. Она лежала на земле под дождем. Я же говорил! – вдруг вскочил портной. – Запрещал шляться ночью по улицам!.. Почему я должен торчать в этом проклятом богом медвежьем углу?! Разве для того я кормил ее шестнадцать лет?..

Семен отступил. Портной продолжал бормотать. Юноша вспомнил слабый призыв о помощи... Так, значит, это произошло в тот момент, когда он бросил ее и побежал на выстрелы!..

– Опозорена! – желчно твердил портной. – Кому ты нужна? Над тобой будут смеяться!

– Замолчите! – с ненавистью крикнул Семен. – Не смейте так говорить! – Он наклонился к девушке и твердо сказал: – Пойдем отсюда! Я тебя очень прошу. Пойдем. Ты больше никогда сюда не вернешься!..

Третья глава

Судьба свела Семена Шумова и Егора Иванцова еще раз в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Произошло это в сентябре, в разгар бабьего лета, которое в этих краях бывает обычно на редкость солнечным и теплым. Серебряная паутинка летала над домом и садилась на зеленые кусты крыжовника, которые двумя рядами росли в садике перед крыльцом. Жаркое, совсем не осеннее солнце заливало мощенную булыжником улицу, ничем не напоминавшую ту грязную окраину, где когда-то стояли покосившиеся рабочие бараки с дырявыми стенами.

Теперь тут в два ряда выстроились одноэтажные деревянные дома, крытые железом и черепицей. Они утопали в пышной зелени плодовых деревьев, заботливо, с любовью посаженных в палисадниках руками хозяев. В бывшем особняке Загрязкина помещалась школа, звонкие ребячьи голоса с утра до вечера доносились из старого, тенистого парка. На территории локомотивного завода появились красные кирпичные корпуса. Завод, который сильно разросся, недавно был оснащен современным оборудованием отечественного производства. Его продукция занимала немалый удельный вес в народном хозяйстве области. Мимо Любимова была проложена железнодорожная ветка из Москвы на Брянск. Возле того места, где в старое время разливался грязный пруд, выросла станция с буфетом и высокой платформой. К станции вела шоссейная дорога, проложенная в густом лесу и сделавшаяся для молодежи излюбленным местом прогулки. Ребята и девушки летом приходили на станцию встречать поезда. Центральную улицу города, бывшую Садовую, ныне Красноармейскую, несколько лет тому назад залили асфальтом, а в бывшем доме городской управы находились Совет депутатов трудящихся, партийный комитет и горком комсомола.

Из этого двухэтажного белокаменного здания и вышел Семен Иванович Шумов в тот вечер, когда получил важное задание от первого секретаря горкома партии Федора Лучкова. Взглянув на часы, он заторопился домой. Любовь Михайловна обижалась, когда он опаздывал к обеду:

– Пойми, Лешка с тебя пример берет, обедать является, когда ему вздумается! Гоняет целыми днями!..

Сын, Алексей, в самом деле доставлял много хлопот. Чем старше становился, тем труднее было за ним уследить. Ему исполнилось восемь лет, а на его счету уже числились такие «подвиги», на которые не решились бы ребята и постарше. Зимой, в жестокий мороз, он, например, убежал из дома. Никому ни слова не сказав, набил котомку сухарями, которые насушил тайком от родителей, облачился в шубу, шапку и исчез. Любовь Михайловна и Семен Иванович с ног сбились, звонили и в милицию, и в скорую помощь, уже и надежду потеряли, как вдруг в сумерки во дворе заскрипел снег. Выскочившая на крыльцо Любовь Михайловна увидела Алешку, который, притаив дыхание, крался к сараю. Семен Иванович так обрадовался, что не стал даже наказывать сына. «Где ты был?» – только и спросил. «В лесу!» – сердито ответил Алексей. После долгих расспросов удалось выяснить, что он выстроил из веток шалаш на опушке леса и намеревался там жить, добывая пропитание, как он объяснил, охотой и рыбной ловлей. Беда была в том, что Алешка забыл захватить спички, оттого и вернулся...

По пути Семен Иванович вспоминал разговор с секретарем. Федор Лучков озабоченно говорил:

– Имей в виду, поручение у тебя важное, имеющее большое политическое значение! Большинство крестьянских хозяйств в нашем районе уже объединились в колхозы, меньшая часть крестьян выжидает, но тоже вполне сочувственно относится к идее коллективизации. Особая обстановка сложилась лишь в селе Черный Брод. Добраться к ним нелегко. Кругом болота, топь. Нечасто заглядывают в Черный Брод районные работники. И большая наша вина в том, что, успокоенные успехами в прочих местах, мы не обращали внимания на это глу-

хое село. Есть сведения, что там засилье кулаков. Сплотившиеся, до зубов вооруженные, они запугивают работников местного сельсовета и крестьян. Середняки жмутся к ним, ибо всегда тянутся к сильным. Бедняки батрачат, как при царском режиме. О колхозе, разумеется, и слышать не хотят. Пора уничтожить это кулацкое гнездо! Вот и посылаем тебя. Ты старый рабочий, коммунист, в политической обстановке разбираешься. Возьми человек пять на подмогу, хорошенько вооружись – и в путь. С налету не действуй. Без поддержки большинства крестьян вы все равно ничего не сделаете. Обманутым откройте глаза, запуганных приободрите, явных врагов морально обезоружьте. Ну, не буду учить. Ты в Гражданской войне участвовал, побывал в разных переделках. Не оплошаешь! Прощай! Да будь осторожен! – прибавил Лучков, когда Семен Иванович уже выходил из кабинета.

Зацепившись за крышу, красный шар солнца, казалось, не хотел опускаться. Шумов открыл калитку. Семья собралась во дворе. Любовь Михайловна строго говорила Алешке, который, понутив голову, стоял перед ней:

– Что это за мода, не обедать? Знать не хочу, кому ты там проспорил! Сейчас же садись за стол!

Любовь Михайловна, которую Шумов по-прежнему ласково называл Любашей, почти не изменилась. Такой же тонкой и стройной была фигура, так же молодо румянились щеки, как в тот памятный вечер, когда Семен ждал ее под дождем... Только приглядевшись, можно было заметить на лбу тоненькую морщинку да черные, горячие глаза как будто стали спокойнее, добрее. Волосы ее оставались густыми и пышными, но сбоку белела седая прядь, которая появилась в ту страшную ночь...

Алешка, коренастый медвежонок, фигурой уже теперь похожий на отца, упрямо твердил: – Все равно не буду! Мы честное слово дали! Как ты не понимаешь!

Бабушка Елизавета Ивановна сидела под полотняным навесом, за накрытым к обеду столом, и укоризненно покачивала головой. Впрочем, едва ли она по-настоящему сердилась. Бабушка очень любила озорного внучонка, который всеми повадками живо напоминал покойного деда.

– Что тут за спор? – спросил Семен Иванович, целуя жену и мать. – Ты, байстрюк, почему руки не моешь?

– Я обедать не буду! – отвернулся Алешка.

– Почему? Я вот сейчас ремень возьму!..

– Ну и пожалуйста! А я все равно не имею права!.. Ты сам же меня будешь презирать, если нарушу честное слово!

– О, честное слово – вещь серьезная! – вздохнул Семен Иванович. – Тогда объясни!

Из путаного рассказа Алешки он с трудом понял: тот побился об заклад с соседским пареньком, сыном инженера, Женькой Лисицыным, что переплывет, не отдыхая, в оба конца широкий пруд, славившийся омутами и цепкими водорослями, уже не одного купальщика утянувшими на дно. В том случае, если подвиг не будет совершен, Алешка обязался три дня не обедать...

В одну сторону Алешка пруд переплыл, но так устал, что побоялся плыть обратно. Здравый смысл все-таки оказался сильнее гордости. Женя торжествовал, а младшему Шумову ничего не оставалось, как подвергнуть себя добровольно избранному наказанию.

– Теперь ты видишь, я никак не могу! – закончил Алешка и, вздохнув, с тоской посмотрел на дымящийся борщ. – Я лучше пойду погуляю...

– Ну что ты будешь делать! – с отчаянием сказала Любовь Михайловна.

Бабушка попыталась склонить внука на компромисс.

– Знаешь что! – предложила она, пряча улыбку. – Ты возьми и поешь, а Женьке твоему мы ничего не скажем!

– Как тебе не стыдно, бабушка! – возмутился Лешка.

– Этот вариант, конечно, исключается! – поддержал Семен Иванович, любуясь возбужденным и решительным лицом сына. – Дал слово – держись! Мать, не корми его три дня обедом! А ужинать-то тебе можно?

– Ужинать можно! – с надеждой ответил Алеша.

– Вот и хорошо! – закончил Шумов. – Ужин у нас будет ранний. В ночь я уезжаю. Собери-ка меня в путь, Любаша!

Ни матери, ни жене Семен Иванович не рассказал о том, что путешествие предстоит опасное. Не хотел их понапрасну расстраивать. «Еду в командировку, в деревню! – объяснил он. – Совсем недалеко. Дней через десять вернусь!» Шумов был убежден, что успокоил домашних, но он ошибся. По его лицу они догадались об опасности, но в свою очередь не подали вида, что встревожились.

В полночь за Шумовым зашли его спутники. Их было пятеро. В телогрейках, с мешками за плечами, подпоясанные кожаными ремнями, отвисающими от тяжелых маузеров, они весело шутили и смеялись, усаживаясь на телегу, но их бодрые улыбки казались Любове Михайловне искусственными. Женщина на миг приникла к мужу, но, не желая, чтобы он почувствовал ее тревогу, отстранилась и голосом, вздрагивающим от усилий быть ровным, сказала:

– Значит, в воскресенье тебя ждать! Счастливого пути!

Она быстро вошла в дом. Семен Иванович был благодарен жене за то, что не затянула прощанье.

– За Алешкой присматривай! – крикнул он и услышал:

– Не беспокойся!

В село Черный Брод приехали на третий день к вечеру. Пригоршня желтых домишек чьей-то огромной рукой была высыпана на обширную лесную поляну, поросшую травой и окруженную могучими, столетними деревьями. Земля под пашню отвоевывалась у леса с огромным трудом. Толстые пни с засохшими корнями, валявшиеся на обочине дороги, достаточно красноречиво свидетельствовали о той работе, которую пришлось проделать крестьянам. Дома были отделены друг от друга заборами и походили на островки. Люди здесь, видимо, не любили и боялись своих соседей.

– Каждый за себя, один против всех! – задумчиво сказал Семен Иванович, оглядывая из-под руки село, освещенное красными лучами заходящего солнца. – Ну, товарищи, теперь каждое слово взвешивайте. Коли нас не поймут, поедем назад несолоно хлебавши.

– Если поедем! – хмуро вставил пожилой слесарь Евграфов. Эта реплика прозвучала как похоронный звон. Рабочие промолчали, но всем стало как-то не по себе.

Через несколько дней Шумов убедился: то, о чем предупреждал секретарь горкома, – чистая правда. Они поселились в тесной и темной хатенке, где помещался сельсовет. То есть здесь он должен был находиться, как вещала заляпанная грязью вывеска, но на самом деле изба была пуста и не прибрана. Шумов долго не мог отыскать председателя. Наконец тот явился. Он оказался старым, подслеповатым и глухим мужичком, который на все вопросы отвечал односложно и исчерпывающе: «Ась?» О положении дел в селе он рассказать не мог, да Шумов и остерегался выпрашивать, чтобы не выдать раньше времени своих замыслов. Шумов быстро понял, что тут всем ворочает группа кулаков, руководимых грязно одетым и с виду безобидным крестьянином по фамилии Иванцов. Но тот был вовсе не так прост, как казалось. Об этом можно было судить хотя бы по его дому под железной крышей и каменным службам, напоминавшим помещичью усадьбу.

Шумов не сразу припомнил, что пьяненький и придурковатый мужичок с хитрыми, злыми глазками и есть тот Иванцов, который работал когда-то на заводе. Егор сам напомнил об этом. Однажды вечером он, по обыкновению, шатался возле сельсовета, пытаясь пронюхать, чем занимаются приехавшие из города «комиссары». Чтобы не возбудить у них подозрения, он привел шумную ватагу молодых парней и девчат и развлекал их солеными прибаутками, от

которых молодежь раздражалась смехом. Впрочем, смех был не такой, каким награждают скomorоха. Выходки Иванцова принимались с видимым подобострастием, улыбки были умильные, а одобрение не в меру шумное. Чувствовалось, что его бояться.

– Не узнаешь, начальник? – подмигнул он Шумову, когда тот выглянул из окна. – Загордился, как комиссаром стал! А когда-то вместе работали... Ага, вижу, что вспомнил!

– Вспомнил! – скрыв удивление, ответил Семен Иванович. – Только ошибся ты, Иванцов. Я не комиссар, а простой рабочий. Слесарь. И товарищи, которые со мной приехали, тоже рабочие. – Эту фразу он произнес громко, предназначая ее для молодых парней, с любопытством прислушивавшихся к разговору.

Изоляция, в которой находились в первые дни приезжие, постепенно таяла. Все больше людей заглядывали «на огонек» в сельсовет. Шумов рассказывал тем, кто интересовался, о жизни в других деревнях, о колхозах и машинно-тракторных станциях, разъяснял политику советского правительства. Вокруг Шумова и его товарищей образовалась группа, состоящая из бывших красноармейцев, разоренных кулаками бедняков и середняков, которые сперва с любопытством расспрашивали о коллективизации, а спустя некоторое время заявили, что, пожалуй, и они вступят в колхоз, если Шумов говорит правду и из района пришлют трактор.

– Трактор будет! – пообещал Семен Иванович.

В один из воскресных дней было созвано общее собрание крестьян. Ни один из кулаков не явился. В сельсовете собралась едва половина жителей. Но это не помешало Шумову провести перевыборы Совета, в который теперь вошли беднейшие крестьяне, особенно притесняемые кулаками. Вскоре состоялось и учредительное собрание колхоза. В артель вступили всего двенадцать человек, из них только у троих были лошади и коровы, а остальные всю жизнь батрачили, но Шумов был рад и этому. Колхозники объединили свои полоски и отвезли в общий сарай инвентарь. Но той же ночью сарай сгорел, лошади пропали, а коров нашли на пустыре за селом с выпущенными кишками.

Чувствуя, что большинство крестьян возмущено поступком кулаков, Семен Иванович собрал членов сельсовета и предложил немедленно арестовать Егора Иванцова.

– Довольно им, паукам, из вас кровь сосать! – закончил Шумов. – Советская власть бедняков в обиду не даст! Чем скорей покончим с Иванцовым, тем быстрее построим новую жизнь!..

Крестьяне, сидевшие в хате на лавках, неловко захлопали в ладоши. Был вечер. Окна, чтобы никто не подглядывал, закрыли ставнями. Вдруг Евграфов с беспокойством сказал:

– Вы ничего не чувствуете, мужики? Вроде дымом пахнет!

Новый председатель сельсовета Антипов, юркий, суетливый мужичок в кумачовой рубашке, потянул носом воздух и неуверенно сказал:

– И впрямь, гарью несет. Искру, случаем, не обронили?

Но ответить никто не успел. За окнами блеснуло пламя, и в избу повалил удушливый, белый дым. Шумов толкнулся в дверь, но та оказалась запертой. Пьяный голос издевательски крикнул:

– Как там у вас, в колхозе? Не холодно?

Запахло керосином. Языки пламени уже заглядывали сквозь ставни. Мужики в панике бросились к окнам. Шумов тщетно пытался успокоить их. Антипов с криком вскочил на стол, оттуда перепрыгнул на подоконник, ударом ноги выбил стекло. Его сразу обдало клубами ворвавшегося дыма. Антипов плечом выставил раму, сорвал ставню. Открылся кусок вечернего неба, окруженный багровой, пляшущей рамкой пламени. Антипов хотел выпрыгнуть, но тут ударил выстрел, и он, удивленно ахнув, повалился на пол.

– Пропадае-ем, бра-атцы! – стуча зубами, тонко завыл пожилой крестьянин с широким, изрытым оспой лицом. Весь вечер он сидел молча, но во время голосования старательно и

даже с некоторой торжественностью поднимал руку. Теперь, словно обожженный, кружился в наполненной дымом избе и кричал:

– Попросим их, аспидов, может, помилуют?.. Детишки у нас, детишки!.. А-а-а!!! Егор Силантьевич, любезный, сделай милость, открой дверь! Ведь сродственником я тебе довожусь! Его-ор!

Последние слова он прокричал, уткнувшись лицом в дверную щель, но снаружи раздался пьяный хохот, и все смолкло. Рабочие сгрудились у стены, глядя на Семена Ивановича, точно ожидая, что он укажет им выход. Притихли и крестьяне. Они тоже выжидающе смотрели на Шумова. Раздумывать было некогда. Вынув из кобуры наган, он негромко сказал:

– За мной! – и бросился к окну. Грохнул выстрел. Шумов упал на горячую от углей землю, смутно увидел спины убегающих людей и выстрелил. Он не целился и ни в кого не попал, но почти успокоился. Теперь все зависело от того, как вести себя. Пока они живы. Это главное! Вслед за ним из пылающей избы выбросились колхозники и рабочие. Пламя выросло над крышей огромным грибом. Поодаль молчаливым полукругом стояли сбежавшиеся крестьяне. Несколько растрепанных, заплаканных баб с воплями выскочили из толпы и бросились к мужикам, которые, окружив Шумова, растерянно озирались.

– Мужики! – гневно крикнул Семен Иванович. – До чего дошли сволочи, мироеды! Сперва скотину убивали, теперь за людей принялись! Да неужто терпеть будете?

Но крестьяне молчали. Некоторые, не выдержав его яростного взгляда, отворачивались. На лицах у людей был страх. Тогда Шумов понял, что все висит на волоске. Если он сейчас же не сумеет повести крестьян за собой, случится беда! Вдруг раздался истошный крик:

– Антипова Ваську насмерть убили-и!

Толпа глухо и угрожающе загудела, горестно заплакала какая-то женщина. Антипова любили в селе. Бывший фронтовик, мастер на все руки, он готов был бескорыстно прийти на помощь к любому, не требуя за это платы. Почти в каждой избе можно было найти изготовленные им хлебные лари, кровати или столы. Никто лучше не мог объяснить, что делается на белом свете, о чем пишут в газетах. Антипову было лет сорок, но к нему прислушивались и старики...

Шум усиливался. В руках у некоторых мужиков появились выдернутые из плетней кольца. «Пора», – подумал Семен Иванович и крикнул:

– Пошли, ребята! Они думают в своих усадьбах отсидеться! Не выйдет!

– Не выйдет! – дружно заревела толпа.

Словно бурей сорванные с мест, мужики рванулись за Шумовым. Рядом с ним, плечом к плечу, бежали бледный, но решительный Евграфов и двадцатидвухлетний токарь Пашка Дробот. Глаза Пашки были расширены от страха, но он не отставал от Шумова ни на шаг.

В доме Иванцова были наглухо закрыты все ставни, крепкие ворота заперты, за высоким забором захлебывались свирепые волкодавы, приученные кидаться на людей. Семен Иванович подбежал к забору и, не останавливаясь, не давая остынуть толпе, бросил Пашке:

– Подставь плечо!

– Что делаешь? Убьет! – отчаянно крикнул Евграфов, но Шумов уже сидел на заборе, а через секунду прыгнул во двор. Оттуда раздалось яростное рычание псов, трахнули один за другим несколько выстрелов. Волна людей докатилась до забора, на секунду задержалась и перехлынула через него. Весь двор заполнился крестьянами. Одни пытались сорвать ставни, другие вслед за Семеном Ивановичем кинулись на крыльцо. Несколько мужиков с лицами, потными от жадности и страха, поспешили к хлебному амбару и, кряхтя, пытались сбить с дверей замок.

Шумову наконец удалось сорвать щеколду. Держа наган наготове, он ворвался в полутемный коридор, где остро пахло чем-то кислым. Услышав за стеной голоса, Семен Иванович нащупал фанерную дверь. Она оказалась незапертой. Он очутился в просторной комнате с

высоким потолком. Стены в этой комнате были оклеены новенькими обоями, рамы и подоконники выкрашены белой масляной краской. Он увидел добротную фабричную мебель, которую не стыдно было бы поставить даже в особняк к господину Загрязкину. Мягкий диван поблескивал свежим лаком. На стене висело круглое зеркало, в котором Шумов увидел себя во весь рост, в расстегнутой телогрейке, с черным опаленным лицом.

На широкой кровати с горкой больших и маленьких подушек сидели, прижавшись друг к другу, две женщины, постарше и помоложе. Это были жена и теща Иванцова.

– Где Егор? – крикнул Семен Иванович. Женщины промолчали. Он бросился в соседнюю комнату. Кто-то метнулся навстречу. Мягкое тело ударилось в ноги. Шумов увидел мальчика лет двенадцати-тринадцати, с наголо стриженной продолговатой, как дыня, головой и оттопыренными белыми ушами. Вцепившись в Семена Ивановича, мальчишка завизжал, подпрыгнул и вдруг впился острыми зубами ему в руку. Вскрикнув от боли, Шумов попытался его отбросить, но тот, громко сопя, висел с намертво сжатыми челюстями, как бульдог. Пришлось легонько надавить ему на подбородок. Завопив, мальчишка отскочил и стал швырять в Семена Ивановича чем попало. Летели сапоги, чашки, тарелки. Подоспевший Евграфов схватил его за шиворот и отбросил. Мальчик забился под кровать и выглядывал оттуда, похожий на злого щенка.

...Егор Иванцов стоял на коленях перед иконой и истово крестился. Когда Шумов вбежал в комнату, он даже не оглянулся, словно так был увлечен молитвой, что ничего не слышал. Семен Иванович, не теряя времени на разговоры, сгреб его за шиворот, испытывая сильное желание стукнуть по наглому лицу, на котором поблескивали хитрые глазки.

– Господи помилуй! – забормотал Иванцов, не делая попыток вырваться. – Спаси и помилуй раба твоего! Что делается на белом свете, люди добрые!.. Над невинным человеком измывается, дьяволы, безбожники! Разве давала советская власть вам такое право, чтобы врываться в дом, невинных детей избивать! Что же вы смотрите, хозяева, неужто отдадите своего односельчанина на поругание?

Но вбежавшие в избу крестьяне бросились к Егору с такими угрожающими криками, что он спрятался за спину Шумова и умолк, сразу сбросив маску шута. Семену Ивановичу с трудом удалось удержать разъяренную толпу. Если бы не он, Иванцова порешили бы тут же, самосудом.

– Нельзя, товарищи! – уговаривал Шумов. – В город повезем! Судить будем по всем правилам!

...На другой день рано утром, после похорон Антипова, Семен Иванович со своим отрядом двинулся в обратную дорогу. Гуськом тянулись по дороге телеги. В одной сидели арестованные кулаки со связанными руками. Они угрюмо молчали и, как затравленные звери, поглядывали на лес. На другой телеге поместились Шумов с товарищами. Зорко следили за арестованными, не выпуская из рук оружия, понимая, что здесь, в глухом лесу, их подстерегают всякие неожиданности. Километров пять за телегами бежал мальчишка, который укусил Шумова за руку. Это был сын Иванцова Митька. Он быстро перебирал босыми грязными ногами по обочине дороги и не сводил глаз с отца. Целый час видел Семен Иванович его маленькую фигурку. За все время Митька не произнес ни слова, не плакал, но в лице его была такая решимость, будто он собирался идти за отцом все сто сорок верст до города. Митька отстал только после того, как Иванцов хрипло крикнул:

– Ступай, ступай, сынок! Ноги собьешь!.. Живо домой, кому говорю!.. – И когда мальчишка остановился, Егор добавил, обращаясь не столько к нему, сколько к Шумову: – И мамке передай, что я скоро вернусь! Понял? Очень скоро! Пусть так все и запомнят!..

Труден был путь до Любимова. Ночью, когда был сделан привал, Семен Иванович не ложился спать. С наганом в руке он стоял у костра и глядел на кулаков, лежавших в траве. Егор Иванцов, не переставая, злобно ругался. Он старался подобрать такие оскорбления, которые

больнее могли бы задеть Шумова. Угрожал, что рано или поздно окажется на свободе и тогда отомстит. Брызгая слюной, сладострастно описывал изощренные пытки, которым подвергнет Семена Ивановича. Пашка Дробот с удивлением сказал:

– Вот контра! Как ты терпишь, Иваныч? Пустить его, гада, в расход, и дело с концом!

Но Шумов молчал, ни одна черточка в его лице не дрогнула. На другой день к вечеру выехали из лесу. Вдали уже виднелись дымящиеся заводские трубы. Рабочие повеселели. Евграфов что-то с улыбкой рассказывал Пашке. Тот краснел и застенчиво улыбался. Кулаки, напротив, притихли и жадно курили одну сигарку за другой. Вдруг Шумову показалось, что впереди между деревьями мелькнула человеческая фигура. Он вспомнил о Митьке, но тотчас же прогнал эту нелепую мысль. В глаза ему бросились белая рубашонка, перетянутая узким ремешком, шапка светлых волос. Екнуло сердце.

– Алешка! – неуверенно сказал Семен Иванович и закричал: – Алексей, стервец, ты что там прячешься? А ну, выходи!

На дорогу выскочил Алешка. Несколько шагов он прошел медленно, опустив голову и исподлобья глядя на отца, потом радостно взвизгнул и бросился к телеге. Семен Иванович подхватил его на руки, поцеловал и, точно отвечая на дружелюбно-насмешливые взгляды товарищей, сказал:

– Такой сорванец! Наверняка ведь из дому без спроса убежал! Отвечай, так или нет?

– Я не убежал! – ответил Алешка, шагая рядом и крепко держась грязной ручонкой за край телеги. – Я просто взял и ушел! Я тебя тут уже три дня жду! Я знал, что ты по этой дороге приедешь!.. А эти дяденьки кто? Почему у них руки связаны? Они бандиты?

– Да, сынок, бандиты! – ответил Шумов.

– Тогда их надо посадить в тюрьму! – твердо сказал Алешка и, нахмурившись, заглянул в лицо Иванцову.

Четвертая глава

В тысяча девятьсот сороковом году Лида Вознесенская окончила второй курс Любимовского медицинского техникума. Последний экзамен она сдала четвертого июля. Это был сумрачный, дождливый день. В маленькой комнатке с подслеповатым окном, где стояли кровать и письменный стол, в полдень было так темно, что пришлось зажечь электрическую лампочку. Желтый свет смешался с серым, дневным, скупое сочившимся из окна, и когда Лида взглянула в зеркало, она даже испугалась: таким нездоровым и бледным показалось собственное лицо.

Она сидела за столом, поставив перед собой зеркало. На подоконнике валялись шпильки, гребешок, белела картонная коробочка с пудрой. Причесываясь, Лида думала о том, что платье, которое она купила вчера в магазине, пожалуй, не идет ей. Это очень обидно, потому что истрачены деньги, скопленные с таким трудом. Много месяцев девушка мечтала о замечательном шелковом платье, светло-зеленом, с белыми цветочками, выставленном в витрине ателье. Лида боялась, чтобы его не купили раньше, чем она скопит деньги. И вот, наконец, платье принадлежало ей! Мягкая материя ласково скользнула по коже, даже мурашки пробежали по телу от удовольствия. Но вечером, в техникуме, ее радость была омрачена.

Громко играла радиолка. Вихрем кружились пары. Чувствуя себя нарядной и привлекательной, Лида была уверена, что все девчонки с завистью смотрят на ее платье. Но тут увидела Катю Голубеву и поняла, что в сравнении с Катиним ее наряд никуда не годится!.. На Кате была роскошная серебристая юбка с оборочками и полупрозрачная ослепительно-белая блуза с перламутровыми пуговицами... Ребята не сводили с нее глаз, а на Лиду не обращали внимания. Лиде стало так обидно, что она, ни с кем не простившись, ушла. По дороге девушка говорила себе, что глупо так переживать из-за тряпок, но перед глазами стояла Катя в своей удивительной юбке, и Лида огорченно вздыхала.

Правда, если разобраться, может быть, и хорошо, что она ушла. Осталась бы – не познакомилась бы с Димой! А знакомство получилось интересное.

Вечер был теплый. В городском парке над зеленой листвой плавали, точно маленькие луны, матовые шары фонарей. На скамейках прижимались друг к другу парочки. Стараясь не смотреть на них, Лида проходила мимо. «Что он говорит своей подруге? Наверно, что-нибудь очень нежное!» – думала девушка. Ей-то еще никто не объяснялся в любви.

Лида остановилась у пруда. Здесь было сыро, прохладно. Над водой нудно звенели комары. В кустах был уголок, где Лида часто лежала на траве и мечтала. Она видела, как на другом берегу люди смеются, разговаривают. Жизнь проходила перед ней точно на экране. Это было интересно!..

Но в тот вечер заветный уголок оказался занятым! Раздвинув кусты, Лида увидела рослого худого парня с черным, смешным хохолком на затылке. Парень, расставив длинные, журавлиные ноги, пристально смотрел в воду. Одну руку он вытянул вперед, другую спрятал за спину. Губы поджал, глаза сощурил и, казалось, готовился произнести речь. Поза его была такой странной, что Лида фыркнула и зажала рот рукой, чтобы не спугнуть незнакомца. Между тем юноша наклонился и, продолжая смотреть в воду, сначала нахмурился, потом широко, приветливо улыбнулся. «Зачем он кривляется? – с недоумением подумала Лида и догадалась: – Своим отражением любитесь! Глаз оторвать не может». Сдерживая смех, она подняла камешек и швырнула в пруд. Парень выпрямился. Лицо его стало таким обиженным, расстроенным, что Лида, не выдержав, расхохоталась. Прятаться больше не было смысла. Она вышла из кустов.

Юноша посмотрел на нее сердито, насупив черные как смола брови. Но лоб его быстро разгладился, а в глазах мелькнуло восхищение. Лида была удовлетворена тем впечатлением, которое произвела.

– Я вам помешала? – спросила она. – Как жаль! Я не хотела! Вы были заняты чем-нибудь важным?

– Да нет...

– Вам, кажется, очень понравился этот пруд! – перебила Лида. – Вы глядели в него с таким восторгом!.. Что вы там увидели?

Парень пожал плечами и помрачнел.

– Вы не смущайтесь! – покровительственно сказала Лида, подумав: «Какой смешной!»

Ему было лет девятнадцать. Он был одет в аккуратный, узкий пиджачок и черные брюки, вздутые на коленях. На белой, старательно выглаженной сорочке пестрел полосатый галстук. Юноша выглядел очень смущенным. Лида пожалела его и ласково улыбнулась. Тогда, приободрившись, он сделал попытку выйти из положения:

– Да, я действительно смотрел с восторгом! Но только потому, что увидел в воде вас!

– Не говорите глупостей! – отвернулась Лида, но была довольна.

...Они до позднего вечера гуляли в парке. Лида мало узнала о новом знакомом. Тот оказался неразговорчивым. Молча шагал рядом и вздыхал. С трудом удалось выяснить, что он закончил среднюю школу, живет недалеко отсюда, у тетки, которая работает в ателье закройщицей, а зовут его Дима Иванцов. Когда аллеи парка опустели, Лида спохватилась:

– Ой, мне домой надо!.. Нет, нет, провожать не нужно!..

Договорились встретиться завтра на том же месте, возле пруда. Вечером Лида долго не могла уснуть. Для нее это знакомство было значительным, ярким событием. Ее жизнь не отличалась разнообразием. Она не имела подруг и редко выходила из дому. В свободные часы много читала, а еще больше мечтала.

Мечты были обыкновенные, спокойные. Она, например, не хотела быть капитаном дальнего плавания или великим ученым, ее не манили полеты в стратосферу и открытия новых земель. Выйти удачно замуж, жить в удобной, просторной квартире и иметь много хороших красивых платьев – выше ее фантазия не взлетала. Ей был чужд тот задорный, смелый романтизм, который украшал ее сверстниц. В том, что она выросла такой, пожалуй, был виноват ее отец, Николай Ардалионович Вознесенский, или, как называли его в городе, отец Николай. Он был священником при старой церквушке, служившей пристанищем для множества голубей и давным-давно растерявшей прихожан. Население в Любимове было в основном неверующее. Несколько стариков и старух толпились в дни престольных праздников на потемневшей от дождей паперти. Время от времени отец Николай провожал на кладбище обитый черным крепом вдовий гроб... Жил он бедно, частенько перебивался с хлеба на воду, но добровольной своей службы не бросал – не потому, что фанатично верил в особую миссию, возложенную на него свыше, а по причине непомерной гордыни и упрямства. Как часто в детстве слышала Лида его ядовитые сентенции: «С волками жить – по-волчьи выть!», «Начальнику не поклонись, милости не сподобишься!», «На ихнюю мельницу воду лей, да свое дело разумеи!»

То есть, раз уж настала такая жизнь, не отличайся от других, но будь себе на уме!

«Они...» – так отец Николай с презрением называл преподавателей, бесплатно учивших его дочь, советских и партийных работников, о которых знал только понаслышке, – словом, тех, кто представлял собой новый мир. Этот мир он не то чтобы ненавидел, но не понимал и презирал! Во всем видел плохую сторону. Малейшее упущение со стороны советской власти вызывало у него злорадную усмешку.

– Учись, учись! – говорил он Лиде. – Фельдшером задумала стать? Та-ак! – И непонятно было, чем, собственно, он недоволен?..

В детстве Лиде было жалко отца. Казалось, что его несправедливо обижают. Но в старших классах она начала бессознательно стыдиться того, что ее отец – священник и ходит по улице в длинной черной рясе, над которой смеются мальчишки.

Лида очень страдала оттого, что она как будто не такая, как другие. Ее обижали сочувственные взгляды товарок. «Я не хуже их!» – думала она. И сомневалась: «Может быть, правда хуже?» Ведь дома от отца слышала, что смирение – это признак величия души...

Оттого-то и была ее фантазия бескрылой. Девчата болтают про самоотверженную любовь... Но разве вот такая – героическая, почти сказочная любовь для нее? Ей бы только выйти замуж, свить гнездо!.. И вдруг романтическое знакомство на берегу пруда! Лида не ожидала от себя такой прыти! Как она смело, свободно разговаривала с Димой! Было отчего не спать всю ночь!.. А дождь все лил и лил! Лида спрятала пудру и с сомнением посмотрела в мутное окно. Вряд ли он придет! Кому охота тащиться к пруду в такую погоду? Но в глубине души была уверенность: «Неправда! Придет!»

– Ты куда, Лидия? – спросил отец и выглянул из своей комнаты. Он был высок ростом, с черной бородой и усами. Смуглое, худое лицо поражало своей энергией. Казалось, этот человек вынашивает грандиозный план, в нем зреет огромная сила, вот-вот сделает что-нибудь такое, что удивит всех! Но выражение было обманчивым. Никаких планов отец Николай не вынашивал. Существование его было сонным и бездеятельным. Целыми днями он сидел за столом и писал комментарии к церковным текстам. Это никому не было нужно, не нужно и ему самому, но Николай Ардалионович со свойственным ему бесцельным упрямством продолжал свой нелегкий, утомительный труд.

– Я хочу погулять! – сказала Лида.

– Было бы где! – проворчал отец. – Улица в грязи, весь город запакоостили... Деятели, прости господи! – Он, как обычно, не закончил свою мысль, и осталось непонятным, кто именно запакоостил город и чем, собственно, недоволен отец Николай.

Дима Иванцов ждал Лиду не у пруда, а на углу улицы, где она жила. Он стоял перед газетной витриной, делая вид, что очень увлечен чтением, но то и дело посматривал в сторону ее дома. Увидев девушку, он улыбнулся.

– Каким образом вы узнали мой адрес? – строго спросила Лида, в глубине души восхищенная его предприимчивостью.

– А я шел вчера за вами! – объяснил он.

Медленно пошли по мокрому деревянному тротуару. Дождь кончился, и теперь только отдельные капли звучно падали с крыш. Лида впервые шла по улице рядом с молодым человеком. Ей казалось, что все на нее смотрят. Она инстинктивно прижималась к стене.

Что чувствовал Дима, понять было трудно. Искоса поглядывал на спутницу, но как только встречал ее взгляд, тотчас же отводил глаза. Лицо его было непроницаемым. Может быть, он и волновался, но умел скрывать. У него была привычка потирать пальцами брови, словно разглаживая их. Они говорили о профессиях, которую каждый из них выбрал. Речь Иванцова была отрывистой. Чувствовалось, что ему хочется сказать гораздо больше, но он сдерживается, не желая быть чересчур откровенным.

– Значит, вы любите природу? – спросила Лида, узнав, что он хочет поступить в лесотехнический институт.

– Да, в общем, конечно, люблю! – ответил он. – Лес грозный. И независимый. Любопытных не любит. У него свои тайны, их он никому не открывает! Хорошо в лесу жить! Свободно!

– А мне кажется, скучно. Да еще если всю жизнь!

– Ну, зачем же всю-то жизнь?

– Так вы себе такую профессию выбрали. Ничего не поделаешь!

– Проявить себя можно везде! – немного покровительственно ответил Дима. – Есть еще Народный комиссариат в Москве. Есть разные научные институты. Наконец, преподавателем можно стать!

– Так вы решили прямо в наркомы? – Лида засмеялась. Ей показалась нелепой мысль, что этот мальчишка с хохолком может когда-нибудь стать наркомом!.. Когда она умолкла, Иванцов с неодобрением сказал:

– Во всяком случае, маленькое, тепленькое «место под солнцем» меня не устраивает! Существовать как суслик, всего бояться, всем подчиняться – нет, спасибо! Для этого и жить на свете не стоит!

– Чего же вы хотите?

– Всего! – Он развел руки, словно обнимая землю. – Понимаете? На меньшее я не согласен!.. А самое главное, – помолчал он, – приносить пользу обществу, участвовать в строительстве коммунизма... Вы согласны?

– Не знаю! – вздохнула Лида. – Я так, как вы, не умею... Я больше думаю о том, какие на третьем курсе будут трудные экзамены. Не провалиться бы!..

Они вышли на площадь. Рядом с двухэтажным зданием горсовета волновалась толпа людей. Доносились сердитые голоса.

– Что это? – спросила Лида. – Давайте посмотрим! – Она была очень любопытна и могла забыть обо всем ради какого-нибудь уличного происшествия. Они подошли ближе. На ступеньке сидел, свесив голову, парень в разорванной белой рубашке. Волосы его напоминали сбившийся войлок. С трудом ворочая языком, он длинно и витиевато ругался. Маленькие, светло-голубые глаза были полузакрыты. Перед ним, подбоченившись, стояла тоненькая юная девушка, почти девочка. Ее кулачки были сжаты, кудрявые льняные волосы растрепались. Она напоминала молодого, задорного петушка, рвущегося в бой.

Голосок звенел как натянутая струна:

– Иди сейчас же домой! Позор!.. Так-то ты держишь слово! Кому я говорю, Анатолий!

Девушка энергично тряхнула парня за шиворот. Тот покачнулся и едва не свалился на мостовую.

– Кто он ей будет? – спросил кто-то. – Брат или муж?

– На брата не похож, для мужа рановато! – Густой бас перебил:

– Нынче у них и в шестнадцать лет считается не рано!

Девушка ухватила парня за плечи, попробовала приподнять. Опираясь на стену, тот поднялся и вдруг отчетливо произнес:

– Ты зачем пришла? Катись, пока по шее не попало!

– Вот те раз! – насмешливо сказали в толпе.

Девушка отшатнулась и закрыла лицо руками. Перед ней расступились. Мелькая загорелыми икрами, она пересекла площадь и исчезла.

Пьяный снова опустился на крыльцо. Толпа поредела. Лида схватила Диму за рукав:

– Какой ужас! А ведь совсем молодой, вы посмотрите. Ему лет семнадцать!

Иванцов спокойно ответил:

– Даже и семнадцати нет. Я его знаю. Это Толька Антипов. На заводе в литейном цехе работает. Известный хулиган! И воровством, говорят, занимается!.. Пропащий человек!

– Послушайте, надо отвести его домой! – с жалостью сказала Лида. – Ведь он простудиться может. Знаете, Дима, давайте его отведем! – Она нагнулась над парнем, который уже спал мертвым сном, попыталась приподнять, но не смогла даже сдвинуть с места. Дима стоял на прежнем месте и, видимо, не собирался помогать.

– Ну что же вы? – удивилась Лида. – Видите, я одна не могу!

– Не надо, Лида. Лучше пойдемте отсюда! – недовольно сказал Иванцов и оглянулся, будто боясь, что его увидят здесь, возле этого пьяного.

– Что вам, трудно? – обиделась Лида.

– Не в этом дело! – Он поморщился. – Не понимаю, почему мы должны возиться с этим типом? Во-первых, с ним и тут ничего не случится, он привык... А во-вторых, это просто неудобно! Скажут еще, что мы его приятели.

– Разве? – растерялась Лида.

Она подумала, что Дима, пожалуй, прав, и не могла понять, отчего ей стало вдруг стыдно, точно сделала что-то нехорошее...

– Пойдемте, Лида! – сказал Иванцов и прикоснулся к ее руке. Он, видимо, не думал о ней в эту секунду, но когда рука девушки замерла в его ладони, сразу забыл и о пьяном, и об их споре.

Его круглое мальчишеское лицо стало испуганным и напряженным, а Лида вдруг притихла и боялась отнять у него свою руку... Они медленно пошли по площади.

Вечер промелькнул быстро. Бродили где-то за городом, среди огромных, в три обхвата, стволов, в густой, таинственной тени леса. Ноги неслышно ступали по ковру из опавших хвойных иголок. Сквозь густую листву просвечивало фиолетовое, глубокое, как колодец, небо. Город спал. Доски тротуара по-домашнему поскрипывали. Яркие светились звезды, такие крупные и близкие, что хотелось, приподнявшись на цыпочки, коснуться их рукой. Остановились у калитки, Лида с сожалением сказала:

– Ну, вот я и дома!

Дима крепко держал ее за локоть и молчал. Его дыхание было неровным, как будто он поднимался в гору.

– До свиданья! – неуверенно и немного испуганно сказала Лида. У нее промелькнуло: «Вдруг он меня поцелует?» Стало страшно и в то же время радостно. Она ждала, чуткая, настроженная, как птица, которую так легко спугнуть! Громко скрипнула дверь. Кто-то вышел из дому. Девушка оттолкнула Диму. Тот отступил в тень. На крыльце показался Николай Ардалионович в длинной рясе, которая волочилась по полу, и в очках, тускло блестевших в молочном свете луны. Он пристально смотрел, как казалось Лиде, прямо ей в глаза. Отрывисто прозвучал знакомый голос:

– Кто тут?

Девушка затаила дыхание. Представилось, что он сейчас подойдет и увидит ее рядом с незнакомым парнем. Стало стыдно. Готова была провалиться сквозь землю. Иванцов шевельнулся. Хрустнула ветка. Николай Ардалионович спустился с крыльца, позвал:

– Лида!

Не получив ответа, Николай Ардалионович вернулся в дом.

– Фу! – с облегчением прошептала девушка. – Вдруг бы он нас увидел!.. Вы, наверно, тоже испугались?

– Отец Николай! – с беспокойством сказал Дима. – Я его узнал. Он ваш родственник или сосед?

– Отец, – ответила Лида. Ее голос дрогнул. Она попыталась в темноте увидеть выражение его лица. Иванцов не удивился и не улыбнулся. Он переспросил спокойным, ровным голосом:

– Нет, правда?

– Да, – ответила Лида. Ей хотелось объяснить, что ее отец человек старой закалки, верит в Бога, но то, чем занимается Николай Ардалионович, не имеет никакого отношения к ним, Лиде и Диме.

...Все это хотела сказать Лида, но не решилась. Рука Иванцова, которая прикасалась к ее локтю, стала вялой. Он еще что-то говорил, голос звучал ласково, предлагал в ближайшее воскресенье поехать кататься на лодке, но теперь Лиде уже не казалось, что он может ее поцеловать... Как будто ничего не изменилось, так же ярко сияла луна и в воздухе стоял острый и нежный запах жасмина, но Лиде вдруг захотелось плакать.

– До свиданья! – сказала она, перебив Диму на полуслове. Он не стал ее удерживать.

Пятая глава

Свернув в переулок, Зина Хатимова замедлила шаги. Ее душили слезы. В ушах звенел голос Анатолия: «Катись отсюда, не то!..» Она отбросила гордость, поспешила на помощь, как настоящий друг, а он вот как отблагодарил!

Небольшого роста, худенькая, с двумя жидкими рыжеватыми косичками, Зина торопливо постукивала каблучками по тротуару. Она вытерла слезы, вернее – размазала их по щекам, мельком взглянула на свое отражение в витрине и подумала: «Нос красный, глаза опухли, ужас! Тонька, конечно, сразу прицепится, где была, с кем подралась. А Шурка уставится жалостливыми глазами... Фу! Терпеть не могу!» Оглянувшись и убедившись, что на нее никто не смотрит, Зина подбежала к высокому забору, подтянулась на тонких, но сильных руках и перемахнула на другую сторону. Мелькнуло голубое ситцевое, изрядно уже поношенное и выцветшее платье и загорелые, покрытые царапинами ноги.

Очувшись на обширном пустыре, который полого спускался к реке, Зина сбросила туфли и, держа их в руке, подошла к топкому берегу.

Поеживаясь от холодной воды, Зина вброд перешла неширокую речку и полезла по склону, заросшему кудрявой зеленью. По пути она одолела еще несколько заборов и изгородей и наконец очутилась в своем дворе. Просторный, ровный, он почти весь был занят под огород. На любовно возделанных грядках зеленел картофель, торчали игрушечные копыя лука. У забора огород кончался. Там, сплетаясь ветками, сплошной стеной стояли кусты.

Пригнувшись, чтобы ее не заметили из окон, Зина юркнула в кусты. Несколько метров она проползла на животе, громко сопя и поджимая губы каждый раз, когда в руку или ногу впивалась колючка. В глухом месте, скрытый от посторонних глаз, стоял небольшой шалашик, вернее – конура из фанеры, крытая старыми листьями толя. Зина легла на вытертый коврик, подложив под голову руки. Перед глазами была дырявая крыша, сквозь которую виднелась желтая листва деревьев. В шалаше было душно. Над ухом звенел комар. Зина, привстав, прищепнула его ладонью и снова легла. Закрыв глаза, она думала о том, что на этом месте два года назад познакомилась с Толькой Антиповым. Знакомство было странным.

В тот вечер Зина тоже была очень расстроена, вот почти так же, как сейчас. На рассвете, умываясь, она нашла возле реки щенка, мокрого, беспомощного, дрожащего. Когда она взяла щенка на руки, тот от избытка чувств лизнул ее прямо в нос. Это решило его судьбу. Зина спрятала находку под кофту и незаметно принесла домой. Она спала вместе с Шурой, старшей сестрой, в маленькой комнатке, окно которой выходило во двор. Тоня, которая была уже совсем взрослой, студенткой, имела отдельную комнату, где занималась с утра до вечера, а мама поставила для себя топчан в кухне. Там ей было, возможно, не так удобно, зато покойно. По крайней мере могла отдохнуть, придя с завода. Вера Петровна работала в заводоуправлении уборщицей. Это была скромная женщина, с увядшим прежде времени лицом, всегда спокойная, приветливая и готовая оказать услугу каждому, кто к ней обратится...

Увидев Зину, Шура, уже проснувшаяся и стоявшая на полу босая, в трусиках и майке, внимательно посмотрела на сестру:

– Что это ты прячешь под кофтой?

– Ничего! – независимо ответила Зина.

Когда Шура ушла в школу – она училась в первую смену в восьмом классе, – Зина поставила под кроватью ящик с высокими стенками и устроила щенка. Целый день она ухитрялась незаметно носить щенка то молоко, то кусочки колбасы со стола. Зина даже не пошла в школу, сказав Тоне, что у нее болит голова. Ложась спать, девочка взяла щенка в постель. Она вела себя так осторожно и ловко, что сохраняла тайну три дня. Зина изобрела для щенка имя: Азар – и думала о нем круглые сутки. Когда уходила в школу, Азар дремал в ящике, набитом тряп-

ками и разнообразной едой. На четвертый день Вера Петровна, подойдя к Зине, чтобы поправить сползшее во сне одеяло, увидела растолстевшего, важного Азара, который в царственной позе дремал на Зининой подушке.

– Убери его! – строго сказала утром Тоня, с которой мама поделилась своим открытием. Зина промолчала, но вечером снова взяла в постель щенка. Рассердившись, Тоня закричала:

– Ты что же, нарочно? Весь дом вверх дном перевернула! Еще этого не хватало! Сейчас же выброси этого пса, или я тебя отправлю вместе с ним спать во двор!

Когда настало время ужина, в доме не оказалось ни щенка, ни Зины. Тоня, Шура и Вера Петровна по очереди выходили на крыльцо и звали:

– Зина! Зиночка-а!

Ночь молчала. Тоня зажгла электрический фонарь и минут сорок бродила по саду, по уснувшему переулку, даже спускалась к реке, но не нашла сестру и вернулась встревоженная.

– Ну вот! – жалобно сказала Шура. – Наверно, ты ее обидела и она совсем убежала!

А Зина была рядом. Она сидела в шалаше и прижимала к груди сопевшего от наслаждения Азара. Зина видела, как Тоня вошла в дом. Стало тихо. Так тихо, что девочка услышала биение собственного сердца. И вдруг за забором раздался мальчишеский голос:

– Ну, и долго ты будешь тут сидеть?

Зина испуганно обернулась, но увидела только шершавые доски. Послышался шорох. Над забором показалась вихрастая голова. К Зининым ногам прыгнул босой паренек в огромном пиджаке, явно с чужого плеча. Он приблизил к ней круглое, веснушчатое лицо и с оттенком уважения сказал:

– Вот ты какая!

– Какая? – спросила Зина, отодвинувшись.

– Красивая! – убежденно ответил паренек. – Ты что тут делаешь?

– Я-то в своем дворе, а ты?

– За морковкой полез, у вас морковь хорошая, да ты помешала! – невозмутимо объяснил мальчишка. Ему было лет пятнадцать. Широко расставленные светлые глаза смотрели дерзко и весело.

– Украсть хотел? – с любопытством спросила Зина.

– Не украсть, а взять! – наставительно сказал любитель моркови. – За такие слова, знаешь? Как дам, полетишь через забор!

– Неизвестно, кто полетит! – фыркнула Зина.

Они помолчали, затем гость вздохнул и мирно поинтересовался:

– Ты зачем сюда забралась?

Зине было стыдно говорить, что убежала из-за щенка. Повод теперь показался недостойным. Она на ходу сочинила:

– В доме есть один человек. Никто его не знает, но он пришел к нам и живет! И вот недавно выяснилось, что он меня ненавидит! Не хочет, чтобы я здесь жила. И я убежала. Теперь ни за что не вернусь. Конечно, я не собираюсь жить в шалаше. Я поступлю на завод и устроюсь в общежитие. – Зина с любопытством смотрела на паренька и думала: «Неужели верит? Ой, не могу, вот дурак-то!»

– На завод? – задумчиво переспросил мальчишка. – Это было бы здорово, потому что я тоже на заводе работаю... И жили бы тогда совсем рядом... Но только ты врешь!

– Как вру? – растерялась Зина.

– Очень просто! – вздохнул он. – Я тебя знаю. Ты Зинка Хатимовская. Вас три сестры. И никто здесь посторонний не живет. Ты что же, за дурака меня считаешь?

– Во-первых, не Зинка, а Зина! – рассердилась она. – А во-вторых, подумаешь, тоже таинственный незнакомец. Известный хулиган Толька Антипов! Уходи, пока я сестер не позвала! Я вот тебе дам морковку, ишь, наострился!

Толя встал и долго смотрел на нее, прищурившись, сжав кулаки. Зина тоже вскочила, готовая пуститься наутек.

– Эх ты! – глухо сказал наконец Антипов и, круто повернувшись, направился к воротам.

– Постой! – шепотом позвала Зина, но он не услышал. Она подумала: «Ну и не больно-то нужен! Проваливай!» Однако на другой день, встретив его на улице, обрадовалась и так приветливо улыбнулась, что Толя подошел и поздоровался. Стали встречаться почти ежедневно. Как только стемнеет, он поджидал у дома, прячась в густой тени забора. В первый же день Зина решила его испытать и наскоро придумала, что подвергается серьезной опасности. Да, да! Вот уже неделю за нею по пятам ходят какие-то неизвестные мальчишки и, видимо, замышляют недоброе.

– Ну? – удивился он. – Кто это может быть? Да ты не бойся! В крайнем случае я их подкараулю, фраеров! Я им грабки переломаю!

С его языка то и дело слетали непонятные блатные словечки. Он носил широкие брюки, засунутые в сапоги. Сапоги были брезентовые, и Зина знала, что у Толи есть тайная, страстная мечта – купить настоящие, хромовые, на белой подкладке, чтобы можно было ее вывернуть. Во рту у Толи поблескивали коронки из какого-то желтого металла. Он утверждал, что они золотые, но Зина не верила. Откуда бы он мог взять золото? Кепка у него была блинчиком, с крохотным круглым козырьком и пуговкой. Когда он шагал по улице, слегка покачиваясь, сгорбившись и засунув руки в карманы, ребята и девушки молча уступали дорогу, с неодобрением оглядывались, а участковый милиционер Козырьков подозрительно косился и говорил:

– Ох, Антипов, смотри у меня!.. Допрыгаешься!

– Привет фараону! – равнодушно бросал Анатолий, проходя.

Зине с трудом удалось его приучить не употреблять при ней свои словечки... Он относился к ней немножко насмешливо и в то же время с робостью. Зина знала, что Толя считает ее красавицей. Ей это нравилось, хотя она готова была допустить, что он малость преувеличивает...

– Пошли яблоки воровать! – предложил он как-то.

– Надо говорить не «воровать», а «производить культурную прополку»! Понял? – с ученым видом поправила Зина. – Пойдем! Это интересно, да?

Они ползли на животах по мокрой от росы земле, как ящерицы, проникали под заграждения из колючей проволоки. Замирая от страха, набивали животы и рубахи зелеными, кислыми до оскомины яблоками. А потом медленно возвращались по уснувшему пригороду, наблюдая, как блеснит лунная дорожка на реке, которая сверху казалась брошенным в траву серебряным кнутиком...

Прошел год и еще шесть месяцев. Снова наступила весна. Их отношения оставались такими же дружескими. Зина по-прежнему смело обнимала его за плечи и встряхивала, приговаривая:

– Почему рубаха грязная? Почему?

Анатолий как будто не чувствовал, что девушка прижимается к нему. Рослый, с мускулистыми руками и загорелым, грубоватым лицом, он вел себя с нею как неловкий подросток. Но однажды все стало иначе.

Вечером Зина отправилась купаться. У нее был излюбленный уголок, возле небольшой бухточки. К берегу здесь было трудно подойти из-за разбросанных на песке ржавых консервных банок и битого бутылочного стекла. В это место не заглядывали купальщики. Зина чувствовала себя вполне свободно. Как обычно, она сняла одежду и медленно поплыла, наслаждаясь лаской воды.

Услышав за спиной смех, девушка обернулась. Несколько парней, хохоча, держали в руках ее одежду. Указывая на Зину пальцами, они поднялись по косогору и уселись на краю обрыва, размахивая платьем и выкрикивая что-то оскорбительное. Зина сидела в воде, дрожа

не столько от холода и страха, сколько от жгучего возмущения. Что делать? Судя по поведению, они собираются продержат ее здесь до ночи. Место пустынное, некому прийти на помощь. Не может ведь Зина до утра просидеть в воде!

Вдруг на обрыве появился Толя. Бросив взгляд на парней, он моментально понял, в чем дело. Наверху произошел короткий и выразительный разговор. Один из хулиганов, протяжно взыв, схватился за окровавленное лицо и пустился наутек. Остальные даже не пытались сопротивляться. Они узнали Антипова. Его слава была им достаточно хорошо известна. Но убежавший унес и платье. Толя попытался его догнать, но где там! Антипов, безнадежно махнув рукой, остановился, присел поодаль от воды, не решаясь подойти ближе, и крикнул:

– Тебе совсем не в чем вылезти?

– Не задавай, пожалуйста, глупых вопросов! – стуча зубами, сердито ответила Зина. – Подойди, я плохо тебя слышу!

Толя лавиной скатился к берегу, увлекая тучу камней. Теперь их разделяло шагов пять.

– Придется тебе сбегать к нам, тихонько вызвать Шурку и объяснить, в чем дело. Только предупреди, чтобы Тоне не проболталась. Пускай даст платье, тапочки, ну и все остальное! – сказала Зина. – Что ты стоишь? Иди! Слышишь? Не смей на меня так смотреть! – Она сидела по горло в прозрачной, как стекло, воде, сжавшись в комок и скрестив руки на груди.

Глаза Анатолия потемнели. Он сделал шаг вперед. Зина поспешно отплыла на середину реки и сказала:

– Ну ступай же, я тебя очень прошу!

Он, не оглядываясь, поднялся на обрыв. Через полчаса вернулся, положил на камень узелок и хрипло сказал, избегая смотреть на Зину, которая уже посинела от холода:

– Шуры не было, вот Тоня дала. Что тут, не знаю... Ох и орала на меня, я думал, уши лопнут! Решила, что я во всем виноват!

– Отвернись! – попросила Зина, подплыв к берегу. Толя с готовностью лег на песок ничком. Опасливо косясь на него, девушка вылезла и, не попадая в рукава, стала натягивать на мокрое тело платье.

Медленно поднимались по тропинке. Зина впереди, помахивая сорванным по дороге прутиком, Толя сзади. Слышалось его тяжелое дыхание. Зине вдруг захотелось обернуться и ласково взъерошить парню волосы. Она с трудом удержалась от соблазна. Но тут Анатолий неожиданно схватил ее за плечи и поцеловал в губы. Девушка вырвалась и замахнулась. Но ее рука застыла в воздухе. Он стоял перед нею покорный, с умоляющими, несчастными глазами. Такое выражение Зина впервые видела у него. И вместо того чтобы ударить, она растерянно сказала:

– Что это значит? Ты, наверное, с ума сошел!

– Нет! – отрывисто сказал он. – Я просто тебя люблю. Понятно? С самого начала. Понятно? Я зарабатываю пятьсот тридцать, а через год буду получать семьсот. Через полтора года мне будет восемнадцать! Ты должна дать мне слово!.. – Он говорил так, будто швырял в нее камнями.

– Ах, вот что, значит, я должна! – насмешливо сказала Зина. – Значит, выходит, я у тебя в долгу?

Ее лицо горело, сердце стучало, как молоток. Она плохо понимала, что говорит, и никак не ожидала того, что он сделает. Толя снова схватил ее в охапку и неловко чмокнул в щеку. На этот раз она, не задумываясь, вlepила ему звонкую пощечину и сказала:

– Только еще подойди, попробуй!

Девушка убежала, оставив Толю на дороге, и три дня разговаривала с ним таким ледяным тоном, что ей самой наконец стало совестно.

Вечером в субботу, это был как раз день получки на заводе, Зина услышала на улице шум. Она заложила спичкой учебник и выбежала в коридор. У двери встретила Тоня. На щеках у Тони темнели красные пятна. Сестра решительно загородила дверь:

– Ну, Зиночка, дождались наконец! Я всегда говорила, что это знакомство до добра не доведет!

– В чем... дело? – пролепетала Зина, почуяв недоброе. – Что там?! Да говори быстрее!

– Твой друг, от которого ты в таком восторге, нализался до полусмерти! Стекло у Тарасова, нашего соседа, выбил, в милиционера камнем швырнул. Сейчас собрал каких-то босяков и на гитаре играет. Серенаду под твоими окнами устраивает! Вообще, дорогая сестрица, я давно хочу с тобой серьезно поговорить! Мать целыми днями на работе, я занимаюсь, Шурка по своей дурацкой доброте тебя покрывает, вот ты и отбилась окончательно от рук! Но я предупреждаю...

– Пусти меня! – перебила Зина.

– Еще чего! – рассердилась Тоня. – Только этого не хватало!

– Пусти! – тихо повторила девушка. Взглянув на ее побледневшее лицо, Тоня круто повернулась и молча ушла в свою комнату.

Зина была уже на крыльце. Она пробежала по саду и распахнула калитку. По улице, обнявшись, шли трое парней. В середине шагал Толька. Пиджак на нем был порван, лицо опухло. Под глазом темнел синяк. Он размахивал гитарой и сипло пел:

Не для меня цветет весна,
не для меня любовь до гро-ба!..

Увидев Зину, он остановился, отшвырнул приятелей и, глядя мимо нее косящими, чужими глазами, сказал:

– З-зиночка!.. Радость моя!..

– Пошел вон! – с презрением ответила Хатимова и захлопнула калитку. Сквозь занавеску Зина еще долго видела Толю у забора. Он обнял столб, вид у него был очень жалкий, и девушка не могла долго сердиться, тем более что чувствовала себя виноватой.

Через неделю они помирились, но вскоре Анатолий снова напился и ночевал в милиции.

– Нет, брат, нам не по пути! – сказала Зина. – Можешь ко мне не являться! Ясно?

...Она часто встречает своего дружка на улице. Толя еще больше опустился, ходит оборванный, грязный. С Зиной не здоровается. Так тянется уже полгода. Сегодня не вытерпела, захотела ему помочь, и вот что вышло.

«Пропавший человек», – сказал кто-то в толпе...

Зина всхлипнула, спрятав лицо в мягкую, душистую траву. Как обидно! Она не велела ему приходить, а сама думает о нем день и ночь. Что делать? Как вытащить его из трясины? На завод, что ли, пойти?.. Вряд ли поможет!.. Если бы с кем-нибудь посоветоваться... Узнать, отчего стал пьянствовать. Может быть, у него горе? Обычно пьют с горя!.. Но поздно, поздно!

Зина долго лежала в шалаше. Было уже темно, когда она вошла в дом. Вера Петровна еще не возвращалась с работы. Тоня заперлась у себя. Слышался ровный, приглушенный голос. Она готовилась к экзамену и вслух перечитывала конспекты. В столовой было темно и тихо. Из двери, которая вела в комнату Шуры и Зины, пробивался тонкий луч света. «Значит, Шура дома!» – подумала Зина и осторожно заглянула в замочную скважину. Старшая сестра, босая, подоткнув подол, старательно возила тряпкой по полу. У порога стояло ведро с грязной водой.

Маленькая, полная, Шура проворно двигалась по комнате, изредка выпрямляясь, чтобы ладонью смахнуть пот. Ее нельзя было назвать красавицей, как, впрочем, и дурнушкой. На год старше Зины, Шура была похожа на сестру. Если Зина привлекала неистощимой энергией и задором, то у Шуры выражение лица было мягким и мечтательным. Зина не ходила, а бегала, не

говорила, а тараторила, всегда куда-то спешила, а у Шуры, мечтательной и серьезной, был более спокойный характер. Она вступила в такой возраст, когда весь свет кажется странно изменившимся и необыкновенно заманчивым. Душа доверчиво раскрывалась навстречу счастью, которое, как Шура чувствовала, было близко... Аккуратная и трудолюбивая, Шура помогала вести хозяйство Вере Петровне: варила обед, ходила на базар за продуктами, стирала. Внешне колючая и грубоватая, Зина очень любила старшую сестру и часто испытывала угрызения совести из-за того, что не принимала участия в работе по дому, предоставляя Шуре одной справляться и с мытьем полов, и с приготовлением пищи. Вот и теперь Зина шепотом выругала себя и ворвалась в комнату, едва не уронив ведро.

– Ну зачем ты моешь! – жалобно сказала она. – Я же знаю, что нынче моя очередь! Дай тряпку и отдыхай! Я ужасная свинья, пожалуйста, не сердись!.. Это в последний раз! – Зина попыталась вырвать тряпку, но сестра мягко отвела руку:

– Не нужно!

– Я хочу помочь! – Зина чуть не плакала.

– В другой раз! – улыбнулась Шура и внимательно посмотрела на нее. – Постой, почему у тебя глаза красные? Ты ревела?

Зина махнула рукой и отвернулась.

– Опять, наверно, из-за Толика?

– Ой, Шурка, какая я несчастная! – По Зининой щеке поползла слезинка. С ожесточением смахнув ее, девушка продолжала: – Подумай, ведь он стал настоящим пьяницей. Алкоголик какой-то! Не смеяся, я абсолютно не влюблена, это Тонька придумала, а она всегда издевается! Но жалко же человека. Вот и работу бросил! А как он одет! Лохмотья, точно у Барона из пьесы «На дне»! Но, знаешь, какая у него душа! Шурик, ты только не смеяся...

– Я не смеюсь! – грустно ответила Шура. – Что ты, малыш, конечно, это очень серьезно!

– Только очень хороший человек! – горячо и убежденно сказала Зина. – Просто его не понимают... Он рассказывал про свою жизнь. Отца кулаки застрелили в деревне, мать от туберкулеза померла. Он в колхозе работал, а потом в город переехал! Мечтал специальность приобрести. Поступил на завод. А когда человек один и никто об его судьбе не заботится – ему очень трудно! Свихнуться – раз плюнуть! А тут еще я... Он думает, я его презираю!.. – Зина всхлипнула, но прикусила губы. – Вот и оцетинился, как еж! И стали про него говорить «пропавший»... Шурочка, миленькая, научи, как помочь? Надо же что-то делать!

Шура сама готова была заплакать. Сестры обнялись и долго сидели, прижавшись друг к другу.

– Послушай! – помолчав, сказала Шура. Зина удивилась, почувствовав в ее голосе новую трезвую нотку. – Я, кажется, смогу помочь. Я еще не знаю точно, но есть такие люди, понимаешь... Нет, пока ничего больше не скажу!

– Как ты можешь помочь? – с надеждой спросила Зина.

– Знаешь что! – вскочив с кровати, сказала Шура. – Подожди здесь. Никуда не уходи. Я скоро вернусь!

Она сосредоточенно, как на чужую, посмотрела на Зину и вышла. С детства младшая сестра привыкла верить Шуре. Если уж Шура что-нибудь обещала, то непременно выполняла. Зина подошла к окну и стала смотреть в безлюдный темный переулок. Хуже всего было вот так – ждать, сама не зная чего!

Шестая глава

А Шура была недалеко. Она пересекла улицу и поднялась по ступеням на крыльцо каменного одноэтажного дома. Пришлось приподняться на цыпочки, чтобы дотянуться до электрического звонка. Дверь открыли тут же, точно Шуру ждали. На улицу выглянул высокий нескладный парень с взъерошенными волосами и тонкой шеей. На остром носу поблескивали круглые очки. На юноше была застиранная клетчатая рубашка – ковбойка.

– Это ты, Шура? – удивился он и неловко затоптался в дверях; наконец, спохватившись, отступил в сторону: – Заходи же!

...Шура никому не рассказывала о том, как познакомилась с Алешкой Шумовым и Женей Лисицыным, даже маме, с которой была вполне откровенна. И не оттого, что стыдилась дружбы с мальчишками. У них в семье на такую дружбу смотрели просто, без той ненужной и вредной подозрительности, которая может загрязнить самые чистые отношения. Члены семьи относились друг к другу с полным доверием. Никогда Вера Петровна не спрашивала дочерей, где те были и почему поздно пришли. Если Тоня, по праву старшей, иногда и давала советы Шуре и Зине, то деликатные, ненавязчивые и не затрагивающие их самолюбия... Шура ни с кем не поделилась просто потому, что вначале не придавала новому знакомству никакого значения, а позже, когда дружба окрепла, было уже как-то неудобно сообщать о ней ни с того ни с сего.

...Прошлой зимой Шура отправилась на каток. День был пасмурный, ветреный. Каток устроили на реке, вдали от города, под крутым обрывом, на котором темнел густой лес. Здесь было тихо, безлюдно. В этот день никому, кроме Шуры, не пришло в голову кататься на коньках. Лед был завален мокрым, рыхлым снегом, который непрерывно тяжелыми хлопьями валился с неприветливого неба.

Она попробовала разогнаться, но коньки скользили плохо. Девушка уже через полчаса устала. Одежда промокла. Тогда Шура решила выехать на середину реки, где ветер не давал снегу задерживаться на льду. Ходить там было запрещено, о чем предупреждала надпись на деревянной табличке, прибитой к дереву, но Шура, раздосадованная плохой погодой, готова была на все, лишь бы прокатиться несколько кругов. Она разогналась на гладком, зеленоватом льду и вдруг услышала громкий треск. Шура провалилась в воду. Она угодила в полынью, присыпанную снегом и потому незамеченную. Вода, словно железным обручем, охватила тело. Руки и ноги заломило от холода. Шура подплыла к краю полыньи и попыталась вылезть на лед, но пальцы скользили, а меховая куртка и тяжелые ботинки с коньками тянули вниз. И все-таки она не закричала. Не потому, что растерялась, а просто показалось неудобным звать на помощь, когда сама была виновата. Руки потеряли чувствительность. Девушка забарахталась в черной воде. Впервые явилась мысль, что она ведь может утонуть! Стало страшно, Шура вскрикнула.

...Если бы в школе в этот день не отменили двух уроков и Алешке Шумову с Женькой не пришла в голову мысль совершить прогулку на лыжах, Шуре пришлось бы плохо! Взобравшись на обрыв, ребята тяжело дышали, они осматривали реку, выбирая место, где можно съехать. Внезапно Алешка вытянул шею и спросил:

– Ты ничего не видишь?

– Ничего, а что? – удивился Лисицын и закричал: – Стой! Куда? Там под снегом пни! Разобьешься!

Но Алексей уже мчался вниз, вздымая тучи снежной пыли, фигурка с вытянутыми руками мелькнула в воздухе. Женька зажмурился. Через секунду Шумов, сбавляя скорость, ехал по льду. Он упал рядом с полынью и протянул Шуре лыжную палку. Девушка пыталась схватиться, но пальцы не слушались. Она уже несколько раз скрывалась под водой. На волосах

блестели тонкие ледяные сосульки. Не теряя ни секунды, Алешка подполз к краю и, рискуя свалиться, схватил Шуру за шиворот. Вскоре Хатимова лежала на снегу, а он растирал ей руки, пытаясь привести в чувство.

Подъехал запыхавшийся Женя Лисицын, посмотрел на Шуру, чья одежда быстро покрывалась ледяной коркой, и со страхом закричал:

– Она воспалением легких заболеет! Нужно переодеться!

Не медля, он стал расстегивать меховую куртку-безрукавку, потом снял свитер и расшнуровал лыжные ботинки-пъексы. Оставшись в рубашке и лыжных брюках, Женька взялся было и за пояс, но Алешка укоризненно сказал:

– Брюки-то хоть оставь, чудака! Как по городу пойдешь?

Шура открыла глаза и приподнялась. Шумов помог ей встать и скомандовал:

– Бери эти тряпки и беги на берег! Там за деревом переоденься, мы тебя подождем!

– Но как же?... – стуча зубами, растерянно пролепетала Шура.

– Живо, без разговоров! – прикрикнул Алешка.

Взяв одежду, она заковыляла на коньках к берегу.

Друзья стояли молча, пока она переодевалась. Потом Шумов снял телогрейку и отдал Жене, а сам остался в свитере. Лисицын приплясывал на снегу в шерстяных носках, пока не догадался залезть на пенек.

– Скоро там? – крикнул он.

– Сейчас!.. Не могу шнурки развязать. Они мокрые, набухли! – виновато ответила Шура. Наконец вышла из-за дерева. В свитере с закатанными рукавами, огромных, не по росту ботинках и заледеневших, твердых, как фанера, штанах, звеневших при каждом ее шаге, Шура выглядела достаточно нелепо.

– Ой, не могу! – захохотал Женька. – Не дай бог встретить такую фигуру в темном переулке!

– Бежим! – сказал Алешка, и они гуськом друг за другом вскарабкались на обрыв. Весь путь до города пробежали галопом, причем Шура ни на шаг не отставала от ребят. По улицам пронеслись вихрем. Прохожие изумленно расступались.

– Прибыли! – крикнул Шумов, когда показался знакомый переулок. У калитки он остановился, глубоко вздохнул, и дыхание стало совершенно ровным, будто и не бежал.

– Ой, что теперь будет! – жалобно сказала Шура. – Увидят, начнут расспрашивать, придется сознаваться, что провалилась! Ужас!

– Пойдем ко мне! – предложил Женька. – Я напротив живу. Дом пустой, никто не увидит. Высушишь свое платье, переоденешься, хоть обратно иди на каток!

– Не знаю! – смущенно отступила Шура. – Может, неудобно?

– Почему? – возразил Алешка. – Очень даже удобно! У Женьки три комнаты, и печка топится! Что тут особенного?

Пока сушилось платье, Шура и Женя играли в шахматы. В просторном халате Жениного отца, поджав босые ноги, девушка сидела на диване и не торопясь переставляла фигуры. Сперва Женька и слышать не хотел о том, чтобы играть с нею. «Ни к чему! – высокомерно процедил он. – У меня третья категория: Мне с тобой будет неинтересно!»

– Правда, – подтвердил Алешка. – Действительно чемпион! Даже теорию изучает по книжке!

– Я теорию не изучаю, – скромно ответила Шура. – Но надеюсь, что продержусь некоторое время!

Без особенного труда она выиграла у Жени две партии. Шура еще в первом классе стала увлекаться шахматами и в прошлом году на соревнованиях в Доме пионеров заняла второе место. Продолжать состязание Шура отказалась, хотя Женя упрашивал ее чуть ли не со сле-

зами на глазах. Он кричал, что победа, одержанная Шурой, не считается, так как его не предупредили, что она сильный противник.

– Но мне больше не хочется! – отнекивалась Шура, смущенная тем, что огорчила хозяйина. – Ты очень хорошо играешь, я ведь случайно поставила тебе мат.

Женька немного успокоился и отправился в кухню, где на плите кипел белый эмалированный чайник. Поздно вечером ушла Шура домой. Ей понравился шумливый, азартный Женя, но молчаливый, серьезный Алеша, который за все время не произнес и пяти слов, был ей больше по душе.

...Так началась дружба.

С первого класса Шумов и Лисицын учились вместе. Девять лет просидели на одной парте. Дня не могли обойтись друг без друга. Уроки готовили по очереди, то в Женькином доме, то у Алешки. Отец Жени, старший инженер локомобильного завода Лисицын, с симпатией, относился к заместителю начальника механического цеха Семену Ивановичу Шумову и был рад, что сорванец и лентяй Женька дружит с сыном такого уважаемого человека. В свою очередь бабушка Елизавета Ивановна любила Женю почти так же, как собственного внука. Женина мама умерла, когда он был маленьким. Отец поздно возвращался с работы и не всегда замечал, что брюки и рубаха у сына в грязи и требуют ремонта. Елизавета Ивановна стирала Алешину дружку одежду и кормила обоих вкусными домашними обедами. Так же поступал инженер Лисицын: покупая сыну обновку, не забывал сделать подарок и Алешке. Теперь к неразлучной паре присоединилась Шура Хатимова.

Она вскоре заметила, что Женя старается подражать Алешке. Роняет слова так же неторопливо, как он, делая вид, что обдумывает каждую фразу, правда частенько забываясь и переходя на свою обычную скороговорку. Женя пытается усвоить Алешину решительную и стремительную походку, но ему не удается, потому-то он немножко горбится. Кроме того, Лисицын ловит каждое слово приятеля и, хотя всегда отчаянно спорит с ним, в конце концов поступает так, как рекомендует Шумов. Женя всегда спешит и постоянно куда-нибудь опаздывает. Уроки не готовы, постель не прибрана, ботинки не почищены.

– Времени не хватило! – махал он рукой.

А Леша на первый взгляд был медлителен, даже неповоротлив, но угнаться за ним было трудно. Шура это поняла, когда вместе с ребятами пошла на лыжную прогулку. Лисицын, изо всех сил работая палками, мчался так, что снег летел из-под лыж, и как будто развивал невероятную скорость, а Леша, опустив голову и расправив плечи, скользил плавно, без рывков. Движения были строго рассчитаны и потому казались медленными, но он легко оставил позади Женю и исчез за деревьями... Эти походы на лыжах проделывались неуклонно каждый день, независимо от погоды. Шура не могла понять, зачем тратить столько времени без пользы.

– Может, вы хотите стать чемпионами? – допытывалась она. – Ну покатались, займитесь чем-нибудь еще!

Женя подмигивал Алешке и отвечал:

– Нам так надо! А зачем, не скажем! Девчонкам знать не положено!

Шумов молча улыбался. Шура очень любила, когда он улыбался.

«Такой человек не может обмануть», – думала она. Алешка располагал к себе не только взрослых, но и малышей. Шумов и Женя учились в другой школе, не там, где сестры Хатимовы. Однажды Шура зашла за ребятами в бывший особняк Загрязкина, на дверях которого висела теперь табличка «Средняя школа № 3», и в коридоре увидела Алешу. Его шумной толпой окружали первоклассники, карабкались на плечи, висели на руках и оглушительно галдели. А он молча и ласково улыбался. Заметив Шуру, парень смутился.

– Вот, прохода не дают! – объяснил он, разводя руками, словно оправдываясь. – Такие смешные пацаны. Расскажи им, отчего северное сияние происходит! Любопытные...

Однажды Шура случайно узнала тайну, в которую упорно не желал ее посвящать Женька Лисицын.

В солнечный весенний день Шура проснулась рано, часов в шесть. Она быстро оделась, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Зину, и вышла во двор. Было холодно. Мороз сковывал землю. Белым мохнатым инеем покрылись ветки деревьев. Но снега уже не было. И солнце сияло на безоблачном синем небе празднично, а хлопотливые воробьи чирикали возле ног Шуры с такой самозабвенной отвагой, что ей стало весело и захотелось сделать что-нибудь необыкновенное. «Пойду разбужу Алешку и Женьку!» – мелькнула озорная мысль. Последнюю неделю все трое готовились к экзаменам. Вчера засиделись поздно. Ребята, верно, спят крепким сном. То-то удивятся, когда Шура их поднимет!

Девушка побежала к Алешке, решив начать с него. Подойдя к дому, она взобралась на завалинку и заглянула в окно. Солнце отсвечивало в стекле, долго не удавалось ничего разглядеть. В конце концов Шура увидела маленькую комнату, скудно обставленную нехитрой мебелью. Под потолком были прикреплены турник и кольца, к стене прижалась узкая кровать. «Где же Алешка? – удивилась Шура. – Наверно, он тоже проснулся и куда-нибудь вышел». Девушка нерешительно открыла калитку и направилась к сараю, видневшемуся в глубине двора. Там она заметила умывальник. Дверь сарая была притворена. Шура заглянула в щель. Шумов спал. Он лежал прямо на холодной, промерзшей земле, закутавшись в тулуп, опустив наушники у шапки, и спал. «Что случилось?» – бросилась к нему Шура. Ей пришло в голову, что Леша поссорился с родителями, может быть, его выгнали из дому... Испуганная и расстроенная, она затормошила его. Алексей проснулся, сел и удивленно посмотрел на девушку. Наверно, ее лицо было очень растерянным, потому что в глазах у Лешки мелькнула усмешка.

– Здравствуй! – сказал он и прислонился к стене, придерживая на плече сползающий тулуп. – Сейчас, наверно, часов шесть, да? – Окончательно проснувшись, он встревожился. – Почему ты пришла? Что-нибудь случилось?

– У меня? Нет! – ответила Шура. – Я сама хотела задать этот вопрос. Почему ты спишь не в доме, а на улице? Можно ведь простудиться!

– Во-первых, не на улице, а в сарае! – серьезно ответил Алешка. – Во-вторых, как раз для того, чтобы не простудиться, я и сплю на свежем воздухе. А в-третьих, я это делаю уже не первый год, так что можешь за меня не беспокоиться.

– Как! И зимой?

– Да, и зимой.

– И когда морозы? – Шура могла подумать, что он хвастается, если бы не знала, с кем имеет дело.

– И в морозы! – улыбнулся Алешка. – Только, конечно, укрываюсь потеплее! И у меня есть спальный мешок.

– Но зачем? – удивилась Шура. – Честное слово, это мальчишество! Конечно, я понимаю, что все герои подвергались лишениям, чтобы закалить свой дух, но тогда почему ты сразу не улегся на гвозди, как Рахметов? Подражать, так уж лучшим образцам!

– Подожди, ты не поняла! – растерянно ответил Алешка, подняв светлые брови. – При чем тут герои? Я никому не подражаю. Просто мы с Женькой решили после окончания школы поступить в военное училище, чтобы стать командирами Красной армии. Ну, ты же знаешь, какие качества требуются от командира?

– Хорошо стрелять, быть преданным Родине! – не задумываясь, ответила Шура. – Конечно, это еще не все. Нужны знания...

– В общем, ты права! – встал Шумов. – Надо быть образованным человеком! И физически подготовленным. Сильным, ловким, выносливым. Быстрее всех плавать, бегать, ходить на лыжах. Уметь обходиться без еды, без постели. Этому не научишься за два дня. Даже за два года. Теперь ты поняла?

– Да, – ответила Шура, почему-то притихнув. – Я поняла...

Алешка оделся, и они пошли к Жене, который ждал их с учебниками. Весь день Шура была задумчивой, а вечером, когда сложили книги и, уставшие, немного обалдевшие, вышли во двор, с грустью сказала:

– Если бы вы знали, мальчишки, как я вам, в сущности, завидую!

– Ага! Наконец-то признала наше превосходство! – шумно обрадовался Женька, а Алексей внимательно посмотрел на девушку и промолчал.

...Шура еще не знала, могут ли помочь Зинину горю Женья и Леша, но, когда сестра плакала у нее на плече, вспомнила о друзьях и решила с ними посоветоваться.

– Хорошо, что ты пришла! – сказал Лисицын, снимая очки и кладя их в карман. – Весь вечер читаю, уже глаза заболели. Как раз хотел сбежать к тебе или к Лешке!

– погоди, не тараторь! – поморщилась Шура. – Дело есть. – Она рассказала о разговоре с Зиной. – Сестра права! – закончила Шура. – Все это от равнодушия. Каждый его осуждает, а помочь некому. И хороший человек пропадает. Мы должны что-то придумать! Ты согласен?

– Знаю я Антипова! – с сомнением сказал Женья. – Он такой, что лучше не связываться. Вот что Алешка скажет...

Через полчаса Лисицын и Шумов сидели в тесной комнатке у сестер и внимательно слушали Зину. Та с удивлением разглядывала незнакомых ребят. Сперва она ни за что не хотела рассказывать о Толе. И лишь после того, как Шура предупредила, что нужна полная откровенность, Зина стала доверчивее. Впрочем, говорила она немного.

– Все о нем, наверно, слышали! – отвернувшись, буркнула девушка, смущенная тем, что чужие люди узнают ее тайну. – Но вы никому не верьте! Толя был моим товарищем. Он хороший, даже очень хороший человек! Не хуже вас, во всяком случае! – заносчиво прибавила она. – Но у него жизнь неудачно сложилась. Рос без родителей. В общем, это длинная история. А теперь он даже в тюрьму может попасть!

– Очень просто! – поддержал Женья. – Но ты, Зина, не беспокойся. Раз мы взялись, все будет в порядке! Правда, Алешка? Мы с ним потолкуем! Если надо – и на завод сходим! Я могу даже с отцом посоветоваться! Верно, Леша? Почему ты молчишь?

– Чепуха! – с легкой досадой ответил Алексей.

– Как чепуха? – растерялся Женья, а Зина, слушавшая Лисицына неодобрительно, посмотрела на Шумова с надеждой.

– Слишком все у тебя легко! Слова меньше всего нужны. Он и разговаривать не станет! Ему другое надо!

– А что ему надо, ты скажи, что? – обиделся Женька.

– Не знаю! – помолчав, хмуро ответил Леша. – Откуда я могу знать?

Он встал и попрощался с девушками.

– Как же быть? – встревожилась Зина. – Значит, ничего не сделаете? Напрасно, выходит, я вас позвала!

– Почему напрасно? – обернулся к ней Шумов. – Мы подумаем и потом вам скажем. Эти дела быстро не решаются!..

Когда вышли на улицу, Женья буркнул:

– Свинство с твоей стороны! Я действительно хотел помочь, ты меня перебил, а сам тоже ничего не предложил! Так, брат, всякий сумеет.

Алешка вздохнул и виновато ответил:

– Конечно, ты прав! Я перед тобой виноват.

– Ладно! – сразу повеселел Лисицын. – Не стоит ругаться из-за Тольки Антипова! Я, говоря между нами, его терпеть не могу. Он в прошлом году у меня лыжи сломал. Сани застряли у мужика, а Толька помогал вытащить. «Дай-ка, – говорит, – твою лыжу на минутку!»

Я дал. А он поддел сбоку сани и сломал. Пополам треснула. И смеется. «Это, – говорит, – издержка производства!...»

Алексей слушал Женю невнимательно. Он огляделся и спросил:

– Куда мы забрели? Кажется, Левобережная улица?

– Да. А что? К твоему дому можно проходным двором пройти. Через забор. Он низкий, я лазил.

– Не в этом дело, – остановился Алешка. – Вон заводское общежитие, в бараке! Ты не спешишь? Зайдем, посмотрим, как ребята живут. И Только увидим!

– Спит, наверно, с похмелья! – проворчал Женя. – Вообще, раз ты меня раскритиковал, я лично с ним говорить отказываюсь.

Недовольно ворча, он побрел за Алешкой. Вошли в темный коридор, толкнули дверь, обитую войлоком, и очутились в большой комнате, уставленной кроватями. Молодой рабочий, расстелив на столе лист ватмана, рисовал заголовок для стенной газеты. Вместо абажура к лампочке приспособили пожелтевшую бумагу, свернутую трубочкой. Углы комнаты тонули в полумраке. Громко тикали ходики. Алешка и Женя, немного робея, подошли к столу. Кроме художника, в общежитии никого не было.

– Здравствуйте! – сказал Алешка. – Вы не знаете, где живет Толя Антипов?

Парень ткнул кисточкой в угол. Только теперь ребята увидели на одной из кроватей спящего человека.

Он лежал ничком, подогнув руку, и дышал с таким трудом, как будто во сне взбирался на гору. Другая рука свесилась с кровати, беспомощная и неподвижная, – рабочая рука с мозолями и черной, металлической пылью, вьевшейся в кожу. Казалось, она только что выпустила напильник...

– Я же говорил, с похмелья! – бесцеремонно сказал Женька и с недоумением посмотрел на товарища, осторожно и даже с некоторой лаской прикоснувшегося к плечу Антипова.

– Проснись! – негромко сказал Алексей.

Антипов застонал, перевернулся на спину и открыл глаза, которые сначала были бессмысленными, затем стали изумленными. Он вскочил, ладонью смахнул волосы со лба и подозрительно спросил:

– Кто такие?

– Мы пришли с тобой поговорить! – с солидным и покровительственным видом ответил Женя. – Дело в том, что ты себя плохо ведешь. До каких пор это может продолжаться!.. Вчера ты снова...

– Замолчи, пожалуйста! – с досадой перебил Алексей и обратился к Антипову: – Ты не слушай, что он говорит. Я-то, например, просто хочу с тобой познакомиться. Понимаешь? Ты очень нужен для важного дела. Хочу попросить тебя об услуге.

– А кто ты такой? – неприязненно и насмешливо спросил Антипов. Он встал и оказался одного роста с Алексеем. Но плечи у него были такими широкими, он расставил ноги так твердо и уверенно, что Шумов и Лисицын рядом с ним выглядели мальчишками.

– Меня зовут Алеша Шумов! – ответил юноша. – Наверно, знаешь моего отца. А это Лисицын, старшего инженера сын...

– Ну и что? – отставив ногу, спросил Антипов. Он достал из кармана пачку папирос и дрожащими пальцами зажег спичку. Его глаза были красные, точно он натер их песком, лицо измятое. На щеке краснел след от подушки. – В чем дело? – повторил он, по очереди глядя на Женьку и Алексея. – Что вам надо? Перевоспитывать пришли?

– Не в этом дело! – с замешательством ответил Шумов. – Я уже сказал...

– Брось! – перебил Антипов. – Идите-ка отсюда подальше! Понятно? Пока по шее не попало! Юные пионеры!

– С тобой по-хорошему, а ты... – обиженно начал Женька, но Анатолий схватил его за шиворот.

– Поговори! – процедил он. – Пришел в моей душе копать? Беги отсюда, пока цел!

Алешка схватил его за руку, но Антипов уже отпустил Женю и, переваливаясь, вышел из комнаты. Лисицын и Шумов помолчали. Потом Женька потер рукой шею, на которой остался след от воротника, и жалобно сказал:

– Чуть не задушил! Ну и пальцы! Железные какие-то!..

Раздался сочувственный голос художника:

– Все зря, хлопцы! Напрасно, говорю, время теряете! Разве с ним найдешь общий язык? Выселить его надо к чертовой матери, и дело с концом! Мало того что пьяный приходит, шумит, скандалит, так еще у ребят вещи пропадать стали! Не иначе как шарит по тумбочкам! На водку где-то надо деньги брать! Это уже последнее дело! А вы – беседовать. С ним многие пробовали, бесполезно! Вас, наверно, из райкома прислали?

– Нет! – ответил Алешка; щеки его горели не то от возмущения, не то от стыда. – Никто нас не присылал. Мы сами. Но пришли зря!..

Было поздно, когда ребята остановились возле Алешкиного дома.

– Слушай! – вдруг обеспокоенно сказал Лисицын, всю дорогу молчавший. – А как же насчет лодки?

– Какой лодки? – не понял Шумов.

– Так завтра последний экзамен, а лодка не отконопачена. Как же по реке поедem? Я уже Шурке сказал, чтоб продукты приготовила!..

Помолчав, Алешка тихо заметил:

– Легко тебе живется, Женька!

Кивнув, он скрылся в доме. Лисицын удивленно крикнул:

– Почему, Алеша? Почему ты так сказал?

– Ладно!.. Спокойной ночи! – раздался из окна голос Шумова.

...Отец тоже решил лечь в сарае. Он расстелил соломенный матрац и разделся. Было темно, пахло сеном. Сквозь щели блестели звезды. Семен Иванович долго не мог уснуть. Он сел и закурил трубку.

– Алешка, ты спишь?

– Нет! Я думаю, – не сразу откликнулся сын. – Надо найти какой-нибудь способ! Не буду себя уважать, пока не найду!..

– О чем ты? – удивился Семен Иванович. Алешка рассказал о Толе Антипове.

– Это кажется диким! – горячо закончил он. – Живет парень при советской власти. Сам рабочий и сын бедного, нищего крестьянина, который погиб за советскую власть. Живет он среди нас, а жизнь у него как при капитализме!.. В школе не учится, работает кое-как, пьет водку! Все видят, но о том лишь думают, как бы его наказать! Одни хотят из общежития выселить, другие – чуть ли не в тюрьму посадить, только бы он людям настроение не портил. А разве не для него мой дедушка кровь пролил? Отец, надо что-то делать!..

– Знавал я одного Антипова! – задумчиво ответил Семен Иванович. – Неужели его сынок?.. Хорошо, что ты решил вмешаться, Алешка! Так и надо! Какой совет дать?.. По-моему, разговоры не помогут. Анатолию встряска нужна! Понимаешь? Чтob душа перевернулась! А как его встряхнуть – сам подумай! Я помогу, если будет нужда. Все-таки депутат горсовета. Устроим Антипова в школу, работу подберем, чтob учиться мог! Почувствует, что при советской власти живет!.. А сейчас спи!

Когда Алешка уснул, Семен Иванович тихонько подошел к нему и долго смотрел на лицо сына, даже во сне не утратившее озабоченного выражения. Он смотрел и думал о том, что Алешка незаметно стал совсем взрослым. Руки еще тонкие, мальчишеские, грудь не вполне развившаяся и мускулы только намечаются, но заботы не детские. Чужая судьба волнует его

так же, как своя. Он хочет бороться за то, чтобы не только ему одному жилось хорошо, а всем людям. Это признак зрелости. Значит, вырос...

Такие мысли мелькали у Шумова-старшего, а тем временем Алешкин лоб разгладился, он начал дышать ровнее, и скоро его губы приоткрылись в беззаботной, счастливой улыбке. Тогда сразу стало ясно, что парню всего семнадцать лет и снится ему, должно быть, обыкновенный мальчишеский сон, возможно даже та самая лодка, которую нужно так срочно законопатить!..

Через несколько дней Алешка и Женя, сдав последний экзамен, на рассвете отправились на рынок, чтобы купить все необходимое для двухнедельного похода по реке. Они придирчиво рассматривали блестящие рыболовные крючки, которые продавал молчаливый дед с бородой, от старости уже не белой, а серовато-зеленой. Подходили к торговкам, разложившим на лотках пирожки и сайки. Растягивали руками длинную сеть, которую показывал бравый загорелый парень в клеенчатой фуражке с начищенным медным якорем. День был ясный, летний. Солнце припекало. Ребята зашли в дощатую будку, где из земли торчала заржавленная труба, с трудом отвернули кран и по очереди принялись ловить ртом бьющую вверх толстой струей ледяную, почему-то сладковатую на вкус воду. Вдруг услышали шум. Раздались крики:

– Держи вора! Лови, лови!

Выглянув, Алешка увидел Анатолия Антипова. Выпучив глаза, открыв рот, он бежал к забору, держа в руке плетеную кошелку, откуда торчал селедочный хвост. За ним мчалась беспорядочная толпа. Антипов завернул за угол фанерной продуктовой палатки. Преследователи на секунду потеряли его из виду. За короткий миг Шумов успел заметить и потный, светлый вихор, прилипший ко лбу Анатолия, и длинную красную царапину на щеке, и расширенные от страха глаза. И еще вот что запомнил Алешка: темную, загрубевшую руку, державшую кошелку немножко на отлете, словно та могла испачкать брюки. Сильные пальцы небрежно поддерживали ее. Казалось, сумка случайно, против воли хозяина, прилипла к ладони!

Шум нарастал. Через секунду преследователи должны были заметить Антипова, прижавшегося к стене. И тут, повинуясь неясному, неожиданному побуждению, Алешка вполголоса позвал:

– Эй! Слышишь? Давай сюда!

Антипова не пришлось приглашать дважды. Он нырнул в будку, спрятался за спину Женьки и присел на корточки, стараясь занять как можно меньше места. Не обращая внимания на Женю, который неодобрительно покачивал головой, Шумов высунулся за дверь. К будке подбежал милиционер и, придерживая кобуру, нетерпеливо спросил:

– Куда он девался?

– Туда! – махнул рукой Алешка.

– Я же говорил, отрезать надо было! – с досадой закричал сержант и пробежал. За ним последовали человек шесть. Остальные возвратились на базар. Все стихло. Анатолий выпрямился и поднес к глазам кошелку. Он с таким удивлением ее разглядывал, точно видел впервые.

– Краденая? – спросил Шумов.

Антипов пожал плечами.

– Дай сюда! – Алешка брезгливо отшвырнул сумку и строго сказал: – Пойдем!

Он прикрутил кран и вышел из будки. Антипов безропотно шел за ним. Женька замыкал шествие. По очереди перелезли через забор и молча зашагали рядом по безлюдной улице. Затем соскользнули по обрыву к реке. К тому месту, где любила купаться Зина. Здесь было пустынно. Блестел усыпанный осколками стекла песок. От воды тянул прохладный ветерок. Алешка сердито обратился к Антипову, который успел оправиться и со спокойным любопытством смотрел на ребят:

– Что дальше будем делать?

Анатолий вздернул выгоревшие брови, расправил плечи и с наслаждением потянулся:

– А ты что за спрос? – Весело глядя на оторопевшего Алешку, он подмигнул: – Ты парень – хват! Есть способности! Хороший жиган из тебя выйдет! Низко кланяюсь. Засим – адью! – Толька насмешливо приподнял сплюсненную кепочку.

– Постой! – тихо сказал Шумов. – Значит, у тебя совсем нет совести?

– Пошел ты знаешь куда! – бросил Антипов и сплюнул.

Шумов задумчиво взглянул в наглое, грязное от пота лицо и неожиданно с размаху ударил Анатолия по зубам. Лешкина рука с виду была тоненькая, слабая, и удар показался неумелым, неловким. Поэтому было удивительно, что такой крепкий, сильный парень, как Антипов, пошатнулся и едва не упал. Женька вытаращил глаза. Он был ошеломлен. Анатолий, выругавшись, бросился на Алешку. Казалось, сотрет того в порошок. Но его лицо вдруг столкнулось с твердым, как камень, кулаком противника. Антипов упал. И тут же вскочил. Из разбитой губы текла кровь.

– Ах, ты так! – прошипел он, сунув руку в карман. Блеснула финка. Лисицын молча кинулся наперерез. Вдвоем быстро отняли нож. В заключение Алешка еще раз стукнул Тольку по физиономии и, тяжело дыша, спросил:

– Ну, что?.. Теперь... будешь... разговаривать, как человек?!

Антипов сидел на песке и вытряхивал из ботинка камешки. Под глазом темнел синяк. Обувшись, он встал и угрюмо сказал:

– Силен! Не спорю. Бокс изучал?

– Не крути! – прикрикнул Алешка. – Если мало, могу прибавить!

– Что тебе нужно? – буркнул Толька.

– Чтоб ты человеком был! Воровство – последнее дело! Я сам отвел бы тебя в милицию, да жалко одну девушку, она считает тебя замечательным парнем. По-моему, ошибается. А может, и нет. Во всяком случае, пока ты такого отзыва не заслуживаешь. Но твой отец погиб за советскую власть. Об этом все знают. Это факт. Потому-то я с тобой и заговорил. Думаешь, для того он отдал жизнь, чтобы сынок при социализме селедку воровал? Тебя могли убить, а за что? Во имя чего? Мой дед тоже был убит казаками в семнадцатом году, а в отца кулаки стреляли, как в твоего. Поэтому я тебе говорю: давай руку и будем дружить. Хочешь?

Антипов исподлобья глядел на Алешку. Мокрая прядка высохла и, встав дыбом, блестела на солнце, как золотая.

– Причешись, – улыбнулся Шумов. – На расческу... И учти, ты нас еще не знаешь. Мы тебе не дадим жить так, как до сих пор. Будем лупить каждый день, пока сам не согласишься, что мы правильно делаем!

– Ишь ты! – хмуро сказал Толька, но губы тронула улыбка.

– Ты умный человек, я думаю! – спокойно закончил Алешка. – Рассуди-ка, что лучше? На хорошей работе быть, в школе учиться или в тюрьме сидеть... Ты, между прочим, сколько классов кончил?

– Шесть! – помолчав, неловко ответил Антипов.

– Об этом мы подумаем... И еще я поговорю с отцом, чтобы тебя опять приняли на завод! А теперь, если хочешь, проводи нас. По дороге еще потолкуем.

Анатолий не ответил. Он резко обернулся, отступил на шаг. По обрыву, осторожно придерживаясь руками за кусты, спускался рослый, слегка сутулый человек лет пятидесяти в синей милицейской шинели. Он был без шапки, темные редкие волосы, не скрывавшие лысину, блестели от пота. Окруженные мелкими морщинами глаза смотрели на ребят со строгим любопытством. Круглое лицо, несмотря на сурово сдвинутые брови, казалось добродушным. Не верилось, что этот мужчина может по-настоящему сердиться. Если бы не шинель, он был бы похож на бухгалтера или счетовода. Однако Толька даже не пытался убежать. По-видимому, он хорошо знал, кто был перед ним.

– Не спеши, Антипов! – отдуваясь и вытирая пот со лба, сказал милиционер. – Я за тобой с самого базара бегу.

– Ах ты, гад! – с ненавистью взглянул Толька на Шумова. – Теперь я понял, для чего ты мне зубы заговаривал. Милицию дожидался! Умен. Купил меня за рупь двадцать...

– Я ничего не знаю, – хмуро ответил Алеша.

– Веди меня в тюрьму! – сплюнув, сказал Анатолий и надвинул на глаза кепку.

– Прямо сразу в тюрьму? – усмехнулся мужчина – начальник Любимовского отделения милиции Юрий Александрович Золотарев. – Не спеши, Антипов. Еще успеешь!

– Не в гости же к себе поведешь! – осклабился Толька, и его лицо, бывшее еще недавно таким внимательным и добрым, вновь стало вызывающе наглым.

– Раз ты настаиваешь, пойдем, – с еле уловимой улыбкой согласился Золотарев и взглянул на помрачневшего Алешку. – А ты, парень, загляни завтра ко мне в отделение. Понял?

– Зачем?

– Надо! – Юрий Александрович еще раз вытер платком лысину и обратился к Толе: – Чего нос повесил? Умел воровать, умей и ответ держать. Так, что ли?

Антипов втянул голову в плечи и принялся взбираться по откосу. Отдуваясь, Золотарев последовал за ним. Вскоре они скрылись за кустами. Солнце палило. Женька, который до сих пор сосредоточенно жевал травинку, дернул друга за рукав:

– Неладно получилось! Он подумает, мы его выдали!

– Да... – Шумов вздохнул. – Теперь пропал Толька. Посадят его в тюрьму, а там... В общем, что говорить!

– Ты пойдешь завтра к Золотареву? – спросил Лисицын.

– Пойду! – ответил Алеша. – А как же?..

Седьмая глава

В дежурной комнате милиции было накурено и жарко. Большая комната с закопченным потолком и узкими окнами, загороженными решетками, была разделена деревянным барьером на две неравные части. В одной стоял громоздкий, покрытый чернильными пятнами письменный стол, где поблескивал телефон и лежали картонные папки с «делами». Положив локти на потертое сукно, поскрипывал пером дежурный по городу. Он писал протоколы допросов, выслушивал телефонные сообщения и покрикивал на арестованных, сгрудившихся во второй, меньшей части комнаты. Среди них были торговки, уклонявшиеся от уплаты рыночного сбора, подвыпившие парни, давно утратившие хмельной задор, и несколько мрачных, молчаливых молодых людей, обвинявшихся в вооруженном ограблении. В эту компанию попал и Анатолий Антипов.

Поручив дежурному его допросить, Золотарев прошел в кабинет. На стене висели портреты Ленина и Дзержинского. Сквозь открытое окно доносился шум близкого рынка. Капитан присел на кресло, сосредоточенно разминая папиросу и вспоминая расстроенное и в то же время нарочито беззаботное лицо Антипова, которого он вел по людным улицам. Анатолий от взглядов прохожих поеживался, но тут же, силясь до конца выдержать роль «забубенного» парня, гордо поднимал голову и независимо сплевывал под ноги. Все его повадки говорили опытному Золотареву о том, что парень лишь недавно вступил на скользкую тропу «блатной» жизни и еще есть возможность вернуть его к честному труду. Юрий Александрович пытался заговорить, но Анатолий отмалчивался. Начальнику отделения было смешно и грустно видеть попытки Антипова казаться преступником-рецидивистом. Сколько таких ребят он встречал! Одних удавалось спасти, другие слишком далеко зашли по кривой дорожке легкой жизни. И судьба каждого из них волновала Золотарева. Но коренастый, хорошо сложенный парень, недавний литейщик Антипов особенно интересовал Юрия Александровича. Что-то необычное, чистое и смелое уловил капитан в его сердитом взгляде. Ему понравился Анатолий, как иногда без всякой, казалось бы, причины нравятся совершенно незнакомые люди. Что его ждет? Камера предварительного заключения, потом суд и исправительный лагерь? Золотареву стало так по-человечески жаль юношу, что он даже удивился. Ведь у него давно выработалось профессиональное спокойствие, и подобные случаи вовсе не были ему в диковинку.

Выйдя в дежурную комнату, Юрий Александрович услышал осипший басок милиционера, который допрашивал Анатолия.

– Фамилия? Адрес? – отрывисто бросал он и, если Антипов медлил с ответом, тотчас же раздражался: – Ты не жуи слова! Не к теще на блины попал. Тут тебя выучат по струнке ходить!

Анатолий пытался что-то объяснить вздрагивающим голосом, но дежурный, явно наслаждаясь его растерянностью, перебивал:

– Придется тебе сшибить рога! А ну, хлопцы, вы люди бывалые! Научите его свободу любить! – В ответ слышался довольный гогот арестованных, которые были рады неожиданному развлечению.

Юрий Александрович нахмурился. Он хорошо понимал состояние Анатолия. Тот растерялся, попав в чуждую обстановку. Раньше Антипова задерживали за мелкие провинности, но разговаривали тогда с ним по-иному. Не сажали за перегородку, а приводили в кабинет к замполиту или оперуполномоченному и старались убедить, что его поведение не доведет до добра. Антипов привык относиться к увещаниям с насмешкой. Теперь же все было иначе. С ним никто не церемонился. Его обступили насмешливо ухмыляющиеся люди, готовые, как ему казалось, напасть, оскорбить, ударить... Золотарев подумал, что встряска принесет Антипову пользу, но был недоволен поведением дежурного милиционера, нарушившего его приказ и позволившего себе грозить арестованному.

– Никитин! – негромко окликнул капитан. – Делаю вам замечание!

– Простите, товарищ начальник! – помолчав, ответил дежурный, сразу понявший, в чем он провинился.

– Вам скучно, – продолжал Юрий Александрович. – Но не устраивайте из допроса развлечение. Не забывайте, что перед вами не манекен, а человек, подтрунивать над которым вам никто не дал права!

...Золотарев шел домой с чувством неудовлетворенности.росло ощущение, что он не успел сделать важного дела. Об Антипове, впрочем, он не думал, так как заботы, нахлынувшие в течение дня, заставили забыть об утреннем происшествии.

Юрий Александрович вытер на крыльце сапоги и вошел в столовую. Он увидел стол, накрытый накрахмаленной скатертью и уставленный тарелочками с закуской. Между блюдом с тушеным мясом и вазой с яблоками красовался пухлый графин, наполненный вином. «По какому случаю Соня распорядилась?» – удивился капитан и заглянул в спальню. Портьеры свисали до пола; в комнате царил мягкий полумрак, пронизанный пыльным солнечным лучом. Жены не было и тут. Недоумевая, Золотарев выглянул во двор. Возле жестяного рукомойника склонилась над тазом чья-то бронзовая, мускулистая спина. Софья Аркадьевна, высокая, темноволосая, до сих пор сохранившая девическую горделивую осанку и спокойную, строгую красоту, держала в руке мохнатое полотенце.

– Борька! – внезапно охрипнув, крикнул Юрий Александрович.

Мужчина во дворе выпрямился. Это был стройный человек лет двадцати пяти с коротко стриженными волосами и добрыми черными глазами, смягчавшими суровое, обветренное лицо. Он наскоро вытерся и побежал к дому, поднимая легкие облачка пыли неуклюжими кирзовыми сапогами.

Через полчаса отец и сын сидели за столом, слегка охмелевшие, растроганные встречей. Золотарев отодвинул наполовину опустевший графин.

– Надолго ты к нам?

– На один день, – ответил Борис, виновато посмотрев на мать. – Нашу эскадрилью на Запад перебрасывают, я проездом... Теперь, пожалуй, еще реже будем видеться. Международная обстановка тревожная...

– Да, да, – перебил Юрий Александрович, нарочно не глядя на жену, которая опустила руки и перестала убирать со стола. – Когда же тебе еще кубик дадут? Уже три года ты в лейтенантах! Или начальству не угодил?..

Шутка не удалась. Борис нахмурился. Золотарев сообразил, что задел больное место. Зачем нужно было напоминать, что именно из-за него, Юрия Александровича, сыну так трудно служить? Вспыхнула старая, уже притупившаяся обида. Почему Боря должен нести ответственность за несчастье, постигшее отца три года тому назад?

– Мама, я посуду помогу помыть, ладно? – сказал Борис и отправился в кухню.

– А я во дворе посижу! – крикнул ему вслед Золотарев.

Было душно, безветренно. Мерцали звезды. Вспомнился вдруг почему-то Толька Антипов. Капитан вскочил с завалинки. Он понял, почему судьба этого дерзкого паренька так его взволновала. Дело в том, что Толька напоминает его сына – Бориса. Ведь точно таким же когда-то был и лейтенант. А что ждет Антипова?.. У Юрия Александровича мелькнула мысль, показавшаяся сначала нелепой. «Почему бы и нет?» – пробормотал он и, отбросив сомнения, зашагал к воротам.

...Дежурного не было на месте. Клевал носом вооруженный милиционер, охранявший арестованных. За перегородкой копошились какие-то фигуры. Пользуясь тем, что его появление осталось незамеченным, Золотарев взглянул в желтый, пыльный полумрак. Когда привыкли глаза, он увидел пятерых или шестерых парней, которые сидели на полу, скрестив ноги, и играли самодельными картами в штоссе.

– Есть во весь! – услышал Золотарев. – Гони пиджачок, Толик!

– На, возьми, – последовал ответ.

Юрий Александрович заметил Антипова. Тот сидел среди картежников в одних трусиках. Лицо его осунулось.

– Не робей, к утру повезет! – насмешливо сказал кто-то.

– Проигрывать нечего, – уныло ответил Антипов.

– Хочешь, на милиционера сыграем? – вкрадчиво предложил прежний голос. – Ставлю на кон твои тряпки. Ну?

«Вот так и пропал бы парень, – подумал капитан. – Проиграет – будет вынужден, выполняя долг бандитской «чести», напасть на милиционера и предстанет перед судом уже по обвинению в серьезном преступлении... Нет! Нельзя оставить его здесь». Юрий Александрович прошел за перегородку, взял Антипова за плечо и вывел в коридор. Анатолий не сопротивлялся. Стесняясь обнаженных рук и ног, смотрел в сторону, кривил губы.

– Отдайте вещи! – приказал Золотарев.

Картежники поспешно бросили на пол пиджак, брюки и разбежались по темным углам.

– Пойдем! – мрачно сказал Юрий Александрович. На улице Толька перевел дыхание. Темнели дома. Вокруг не было ни души.

– Ты вроде в гости ко мне набивался, – испытывая странное смущение, сказал Золотарев. – Ну вот... Можешь прогуляться... Чаю попьем. Я тебя с сыном познакомлю...

– Зачем? – удивленно спросил Толька.

– Черт его знает! – неожиданно ответил капитан. – Так... Взбрело в голову... Интересный ты человек!

Его откровенность заинтриговала Антипова.

– Куда идти-то? – грубым голосом спросил он и засунул руки в карманы.

...Софья Аркадьевна лишь на секунду задержала взгляд на госте и тут же как ни в чем не бывало ласково пригласила его к столу. Она много лет жила с Золотаревым и привыкла ничему не удивляться. Лейтенант перестал помешивать ложечкой в чашке и с интересом взглянул на Антипова, который от смущения держался преувеличенно развязно.

– Позвольте познакомить вас! – кашлянув, сказал Юрий Александрович. – Знаменитый литейщик Анатолий Антипов...

– Был когда-то литейщиком! – дерзко перебил Анатолий и локтем отодвинул стакан. Явно насилуя себя, он добавил: – Я на базаре засыпался вовсе не по литейному делу! Нырять в кошелки, да лягавые меня выловили!

Густо покраснев, он исподлобья взглянул на Софью Аркадьевну. Та сочувственно, с материнской жалостью покачала головой. Все молчали. Тогда Анатолий принялся ковырять вилкой картошку. Он вздрогнул, услышав насмешливый голос лейтенанта:

– А перечисли-ка, знаменитый ныряльщик, известные тебе моря и океаны!

– Какие еще моря? – не понял Толька.

– Или скажи: чему равен квадрат суммы? Сколько километров до Луны? Молчишь?

Антипов изумленно смотрел на Бориса.

– Какой царь правил на Руси в семнадцатом веке? – не унимался тот. – Эх ты! Ни черта не знаешь! Для чего же тогда на белом свете живешь? Сколько тебе лет? Семнадцать? В твои годы писатель Гайдар полком командовал, Пушкин «Руслана и Людмилу» написал. А ты? Каких вершин достиг? У старухи сумку украл?

Антипов чувствовал себя так, будто совершил что-то очень неприличное. Такое ощущение он испытал впервые в жизни и растерялся.

– Я, брат, был точно таким же, как ты! – вздохнув, негромко сказал лейтенант. – Я в Одессе под лодкой ночевал. Тебе и не снилось то, что я пережил. Это был двадцать третий год. Разруха. Голод. Я гордился тем, что я босяк. Меня называли уркой, и нэпманы прятались от

меня в подворотни, несмотря на то, что мне было всего восемь лет от роду. Они знали, что по моим пятам идут знаменитые одесские бандиты Костя Валет и Дядя Ус. Меня загребали во время облав, но я убегал и снова занимался шкодами...

Лейтенант закурил и машинально, очевидно по старой привычке, лихо передвинул языком папиросу в угол рта. Анатолий ловил его слова почти не дыша. Он не сомневался в том, что лейтенант говорит правду. Но как же сын Золотарева дошел до такой жизни? И что было с ним потом?

Уловив в Толькиных глазах жадное любопытство, Борис усмехнулся и с прекрасно разыгранным презрением закончил:

– Вот каким я был. Разве сравнить с тобой, сопляком? И то бросил. Учиться пошел. Стал летчиком, командиром Красной армии. Почему? Потому что сообразил: жизнь один раз дается, нет смысла ее по тюрьмам гноить. Пусть дураки этим занимаются, решил я, а с меня довольно романтики!.. Трудно было. Приятели грозились зарезать, да я наплевал... А сейчас время и вовсе не такое, как тогда! Хочешь на завод – иди на завод! Хочешь учиться – учись на здоровье. Тут только жить!.. А ты? Сколько ты мучаешься из-за паршивой сумки! Игра явно не стоит свеч, товарищ... Не обижайся за правду!

– Я не обижаюсь, – пробормотал Анатолий.

Он после этого еще пытался дерзить, но его упорство было сломлено. Он стесненно озираясь по сторонам и с тоской глядел на дверь. Пожалев его, Юрий Александрович вызвал Тольку на крыльцо и сказал:

– Ступай домой. Поздно уже. А утром приходи в отделение. Подумаем, что тебе делать дальше.

– Посадите? – осведомился Антипов.

– Там видно будет.

– А если не приду?

– Ты мне психологию не разводи! – рассердился Золотарев. – Скажите пожалуйста, какая сложная натура! Выпись хорошенько, разговор будет серьезный.

Толька, не прощаясь, направился к воротам.

Борис сидел рядом с матерью, помогая распутывать шерстяную пряжу. Они вполголоса разговаривали и, когда слышались шаги, умолкли. Золотарев не обиделся.

– Что за секреты? – спросил шутливо.

– Да вот, мы с мамой установили, что ты не стареешь! – улыбнулся лейтенант. – Такой же, каким был в двадцатом году. И это хорошо, что ты такой... Иначе я не был бы здесь рядом с вами!

– Неправда, – помолчав, ответил капитан. – Тебе все равно не дали бы пропасть, как не дадут пропасть Тольке Антипову.

...Еще долго сидели в тесной спальне. Никто не нарушал молчания. Родные, близкие люди, они так хорошо понимали друг друга, что могли обходиться без слов. И когда на лоб Софьи Аркадьевны набегала морщинка – и Золотарев и Борис тотчас же догадывались, какая мысль ее встревожила. А стоило нахмуриться лейтенанту, как муж и жена торопливо переглядывались, словно делясь опасениями за судьбу сына. У каждого из них было много забот, и все-таки они были счастливы настолько, насколько могут быть счастливы любящие люди, собравшиеся вместе после разлуки.

Восьмая глава

Проходя парком, Лида подумала, что уже ровно год миновал с того дня, как она познакомилась с Дмитрием. Тогда вот так же трогательно выглядывали из вздувшихся почек клейкие листочки и даже как будто те же самые парочки виднелись на влажных от росы скамейках. Но нет, нынче все не так! Деревья, люди и дома стали почему-то ниже ростом, а расстояния таинственно сократились. Если в прошлом году путь до техникума казался далеким, то ныне Лида затрачивает на него всего десять минут. Изменился и отец, Николай Ардалионович. Он и теперь исправно служит в церкви, но только прихожан поубавилось, а седины в черных волосах стало побольше. Он сгорбился и почти сравнялся ростом с Лидой. Это было странно и пугало ее. Она не догадывалась, что выросла сама.

Сегодня настроение у Лиды праздничное. Экзамены сданы. К лету удалось, урезывая себя во всем, сшить новое платье. И главное, как оригинально придумала! Никто не догадается! Купила в магазине обыкновенную подкладку для пальто, такую блестящую, светло-сиреневого цвета, и самостоятельно сшила модное, длинное платье со стоячим воротником и молнией на талии. На сей раз триумф был полный. На выпускном традиционном вечере в техникуме девчата завистливо косились на ее платье, а мальчишки просто глаз отвести не могли. Вот и нынче Лида надела новое платье.

Сегодня ей хотелось быть особенно нарядной и привлекательной. На рассвете почтальон принес телеграмму от Дмитрия. Тот сообщал, что занятия в лесотехническом институте окончены и он выезжает в Любимово, где проведет все лето. Не виделись полгода. В январе Дмитрий гостил недолго, и поговорить-то как следует не успели.

Зимой они договорились, что поженятся, как только Лида закончит техникум. Диме останется учиться еще два года. Как-нибудь проживут на ее зарплату. Последнее время Лида вполне уверена в Диме. Он, конечно, любит ее. Письма из Брянска приходили часто. Иванцов рассказывал о занятиях, о том, какие книги прочел, делился своими планами. Чувствовалось, он нуждается в ней. Но еще недавно Лида не знала, чем кончится дружба. Поведение Дмитрия было странным. Он то ни на час не оставлял ее одну, то не показывался неделями. Утром дарил духи или цветы, а вечером разговаривал так холодно, что девушка со слезами убегала. Парень как будто не мог решить, связывать ли судьбу с Лидой или прервать знакомство, пока не поздно. Она догадывалась, что Дима колеблется, и не могла понять, какое препятствие мешает им быть счастливыми. Самолюбие было задето. «Пожалуйста, не стану навязываться!» – думала Лида и решала не встречаться больше с Иванцовым. Но стоило Диме ее приласкать, как девушка забывала о своей обиде.

Она не понимала, почему юноша под разными предлогами отказывается зайти к ней в гости и в свою очередь избегает Лиду приглашать к себе. Он и прощается-то всегда на углу, не провожает до калитки, как будто боится приблизиться к дому. Долго поведение парня оставалось загадкой, наконец Лида сообразила, в чем дело. Точно повязку сорвали с глаз! Это случилось однажды в парке. Им повстречались незнакомые ребята, хорошо одетые и воспитанные. Они оказались приятелями Иванцова. Тот с явной неохотой представил им Лиду. Невнятно прожевал ее фамилию и, пока юноши расточали любезности, волновался и не находил себе места, словно опасаясь, что подруга скажет что-нибудь лишнее... Внимательно поглядев на его бледное, покрывшееся красными пятнами лицо, девушка внезапно догадалась, что Дима просто-напросто боится. Ну да, боится, как бы кто-нибудь не узнал о его связи с дочерью священника! Он не хотел быть родственником служителя культа, оттого и колебался...

Лида оторопела от такой догадки. Но поведение Иванцова свидетельствовало о том, что ошибки нет. Тогда девушка решила поговорить с ним начистоту – в последний раз.

– Если ты меня стыдишься, какая же это любовь? – плакала Лида, уткнувшись в обледеневшую скамейку. Был январь. Они сидели в пустом парке. Не дождавшись ответа, девушка вскочила и побежала к выходу. Горе душило ее. Она была убеждена, что их любовь кончена!.. Иванцов остановил Лиду на улице, привел обратно в парк, усадил на скамью, обнял за плечи, затем проговорил негромко и проникновенно:

– Я уважаю твои чувства. Ты оскорбилась за отца, и ты в общем права. Но выслушай. Жизнь сложилась так, что с детства я предоставлен себе. Похлопотать за меня некому. Приходится самому пробивать дорогу. Когда-нибудь ты узнаешь мою биографию, тогда поймешь, что я обязан быть осторожным, если хочу добиться успеха. А я хочу. И не только для себя. Для нас обоих. Потому, что я тебя люблю. Если уж говорю «люблю», значит, так и есть. Я слов на ветер не бросаю! Когда столкнешься с действительностью не по книгам – поймешь, что прожить трудно. Твой отец, возможно, очень хороший человек, но, к сожалению, избрал профессию, которая в наше время не пользуется уважением. Я в этом не виноват. Ты тоже. Пойми меня, дорогая!.. Если любишь и хочешь быть счастливой, доверься мне. Я поведу тебя правильной дорогой. Уедем в другой город, где нас никто не знает. Отцу будем посылать деньги. Конечно, как же иначе. Это твой долг! А пока придется быть предусмотрительными. Здесь, где люди знают друг друга, не стоит афишировать наши отношения... Ты согласна?

Лида слушала внимательно. «Что ж, – думалось ей. – Он не так уж неправ! Стоило ли обижаться? Говорит, что любит... Это, в конце концов, самое важное».

– Я тебе верю! – ответила она. – Но только отца не оставлю никогда. Это уж как хочешь!..

В душе долго оставался неприятный осадок, который иногда напоминал о себе внезапными, казалось бы, беспричинными слезами.

Николай Ардалионович не мешал Лиде встречаться с Иванцовым. Он чувствовал, что в дочери происходит непонятная для него ломка, и не досаждал ей вопросами и поучениями...

Зима тысяча девятьсот сорокового года была трудной для девушки. Тяжело было учиться и одновременно заниматься хозяйством. Переписывать лекции, посещать анатомичку, а вечерами мыть полы, чинить и чистить старые, заплатанные платья, чтобы всегда быть хорошо одетой, чтобы никто не догадался, как ей нелегко... Пришла весна и принесла облегчение. А лето сулило счастье! Вот Дмитрий приехал! Три месяца они будут вместе!..

Дом, где жил Иванцов, находился возле парка, в конце короткого переулочка. Тут между камнями пробивалась ярко-зеленая трава, а стены из серых плит уже теперь, в середине июня, обросли кудрявым плющом.

– Здравствуйте! – робко сказала Лида пожилой даме в шелковом халате, которая вышла на ее стук. – Я к Диме. Он ведь приехал? – Женщина с ног до головы оглядела девушку и, невнятно буркнув что-то среднее между: «Проходите» и «Проваливайте!» – повернулась спиной. Лида почти год была знакома с теткой Иванцова, закройщицей Таисией Филимоновной, но все еще не привыкла к ее недовольному взгляду и в присутствии этой неприветливой женщины терялась и сидела как на иголках. Лиде здесь не нравилось. Она чувствовала себя в этом доме как в тюрьме. Стены, оклеенные темными обоями, давили на нее... Квартира состояла из трех комнат. В столовой, загроможденной тяжелой неуклюжей мебелью в чехлах, было негде повернуться. Все вещи были дорогие, безвкусные и мрачные. Хозяйка как будто отгородилась от всего мира толстыми стенами, длинными портьерами, не пропускающими шум, и крепкой дубовой дверью, к которой был приспособлен огромный замок.

Дмитрий, когда был дома, запирался в своей комнате на ключ; в свою очередь Таисия Филимоновна, выходя даже в кухню, защелкивала хитроумную задвижку на дверях спальни, чтобы племянник не проник туда в ее отсутствие.

Пока Лида сидела в столовой и ждала Дмитрия, тетка сновала мимо, ни на секунду не оставляя ее одну, точно боясь, что гостья может что-нибудь стащить. Девушке было неприятно, но она отгоняла обиду, не желая разрушать праздничное настроение, с которым пришла сюда.

Наконец хлопнула дверь и появился Дмитрий.

– Ты здесь! – обрадовался он.

Лида не раз пыталась себе представить, как он выглядит, но не ожидала, что Дима совершенно не изменился. Он был точно таким же, как зимой, в светлом костюме и полосатой сорочке с галстуком, ботинки блестели, розовое, смуглое лицо сияло. Карие глаза смотрели ласково.

– Я ведь еще утром приехал! – сказал он, усадив ее рядом с собой на диван. – Ох и соскучился же я! Хотел сразу к тебе бежать, но сначала пришлось сделать одно дело...

– А ты хорошо выглядишь! – перебила Лида. – И все такой же! Только подбородок как будто затвердел. Раньше ты был похож на мальчишку, который притворяется взрослым, а теперь действительно стал мужчиной!.. Димка! Как я рада!..

– И я! – шепотом ответил он. – Но не перебивай! Я хочу рассказать, где был утром. Это будет иметь важные последствия. Видишь ли, я решил, что за лето должен заработать деньги, чтобы зимой успешно заниматься! Стипендия маленькая, мне в этом году приходилось то дрова колоть, то на вокзале чемоданы таскать. А если заработаю летом, смогу не халтурить. Вступлю в студенческое научное общество! Сделаю какую-нибудь работу, и, может быть, потом меня оставят в аспирантуре... Окончить дни в лесной чаще я, честно говоря, не расположен! – Он засмеялся, показав ровные белые зубы.

– Где же ты был все-таки? – улыбнувшись, спросила Лида, довольная тем, что он с ней делится своими заботами.

– В горкоме комсомола. Это я еще зимой сообразил! Я пришел к секретарю, Ане Егоровой, сказал, что, пожалуй, смогу поехать на все лето в пионерский лагерь вожатым. И как раз оказалась свободная вакансия. Причем последняя! Понимаешь, как здорово! И отдохну, и в лесу поброжу, обдумаю тему для будущей работы, а осенью еще получу кучу денег! Питание-то бесплатное! Я уже все рассчитал!

Голос у Иванцова радостно звенел, а карие глаза так весело блестели, что Лида невольно заразилась его настроением. Он был очень доволен собой, тем, как складываются дела, и готов говорить об этом без конца. А Лида вполне разделяла восторг Димы и с удовольствием его слушала. Он не нашел бы более терпеливой собеседницы. Долго обсуждали, что придется взять в пионерский лагерь. Какие учебники, костюмы, снаряжение для рыбной ловли. Лида потребовала, чтобы Дима показал одежду, может быть, нужно кое-что починить и погладить. Дмитрий согласился, не усмотрев в ее предложении ничего особенного и даже не поблагодарив. Потом он рассказал о том, как прошла экзаменационная сессия. Он упомянул о преподавателях, с которыми был в очень хороших отношениях, потому что заранее узнал, какие у них привычки и слабости, и постарался к каждому, как он выразился, «подобрать ключик», о дружбе с секретаршей декана, с которой познакомился специально для того, чтобы узнать содержание самых трудных и каверзных билетов. И это ему удалось... В результате Дмитрий благополучно сдал экзамены. Даже декан, не считавший его талантливым и как-то сказавший, что Иванцов звезд не схватит, в присутствии студентов похвалил Иванцова. Дмитрий с увлечением делился с Лидой своими успехами, и она испытывала гордость при мысли, что такой умный и способный человек любит ее! Наконец Дмитрий спохватился, что они все время говорят только о нем, и спросил:

– Ну а ты как? Что с учебой?

– Все в порядке! – весело ответила Лида и глазами указала на тетку, которая сновала мимо, с ожесточением вытирая тряпкой мебель и всем видом показывая, что непрошенная гостья очень стесняет ее.

– Слушай, я совсем забыла о вечере! – сказала Лида. – Как бы не опоздать! Будет интересный концерт самодеятельности.

Еще утром, получив телеграмму, она взяла два билета в заводской Дворец культуры, где по случаю досрочного выполнения квартального плана решили устроить молодежный бал.

– Хорошо придумала! – ответил Дмитрий и незаметно пожал ей руку. – Пойдем ко мне. Посмотришь мои галстуки. У тебя хороший вкус!

Тетка с осуждением посмотрела вслед и, хлопнув дверью, ушла. Она давно жалела о том, что обещала умирающей сестре взять мальчика, который остался круглым сиротой. Ведь и отец находился неизвестно где. Пока Димка был маленьким, ей нравилось командовать им, потому что своих детей у Таисии Филимоновны не было, и к тому же было приятно хвастаться перед соседками добротой и чутким сердцем. «Кто бы еще взвалил на свои плечи такую обузу!» – любила говорить она. Таисия Филимоновна надеялась, что в лице Димки обретет в будущем поддержку. Благодарный за все, что она для него сделала, он позаботится о тетке, когда та состарится. Но эти надежды едва ли могли сбыться. Чем старше становился Димка, тем меньше уважал Таисию Филимоновну. Уже учась в старших классах, он ее в грош не ставил, а за последний год стал вовсе чужим. Больше всего оскорбляло, что он просто не желал ее замечать, как будто она была мебелью. Словно не в ее доме жил... «Выселю, и дело с концом!» – думала тетка, но знала, что сделать это трудно, особенно теперь, когда Дмитрий стал взрослым. Он умеет постоять за себя!.. И два человека жили рядом, презирая друг друга. Между ними не было ничего общего. А иногда племянник смотрел на тетку так ожесточенно, что та даже начинала его побаиваться.

Спрятавшись за открытой дверцей шкафа, как за ширмой, Дмитрий снял брюки, сорочку, в которой приехал из Брянска, и остался в синих трусах и белой спортивной майке. Ноги у него были тонкие, мускулистые, а грудь широкая, обросшая курчавыми черными волосами. На мгновение он высунулся из-за шкафа, Лида увидела его и покраснела, но не отвела взгляда. Она смотрела, смущенно улыбаясь, нежное влюбленное выражение появилось в ее добрых голубых глазах. Чувствуя, что сердцу стало тесно, Лида сказала:

– Как ты загорел! Когда только успел! – Она попробовала рассмеяться, но голос ее дрогнул. Губы Иванцова приоткрылись, он вдруг быстро подошел к ней и обнял.

«Не надо! – хотела сказать Лида, но прошептала: – Дима!».

Он поднял ее на руки и понес куда-то. Лида зажмурилась. Стало страшно. Попыталась вырваться, но так ослабла, что не могла шевельнуть рукой. И эта слабость была почему-то приятна... За несколько секунд, пока Дмитрий нес ее к кровати, Лида успела подумать о многом. Сначала мелькнула мысль, что напрасно вошла к нему в комнату, потом вспомнился вечер, когда Дима стоял у пруда... Какие крепкие руки! Обнял так, что дышать трудно! Голова кружилась, щеки пылали... Прикоснувшись к мягкой прохладной подушке, Лида увидела склоненное над нею, покрытое каплями пота лицо...

И вдруг почувствовала, что его руки разжались. Сперва она даже не поняла, что произошло. Иванцов сидел на кровати, поглаживая пальцами брови. Лиде стало нестерпимо стыдно. Кое-как заколов шпильками волосы, она хотела выйти из комнаты, но тут хлынули слезы. Девушка почувствовала себя глубоко несчастной и оскорбленной. Точно сквозь вату доносился голос Иванцова, который шептал, робко прикасаясь к ее руке:

– Прости меня! Я не должен был... Мы сумасшедшие!.. Хорошо, что вовремя опомнился! Как бы я смог закончить институт, если бы... Ну, понимаешь! Ведь не всегда это бывает безнаказанно!..

Нет, она не понимала. Что он такое говорит? До нее дошло только, что могла выйти неприятность. Какая?.. Дмитрий несвязно бормотал о ребенке, пеленках, пропащей жизни. Наконец она поняла и отвернулась. Ей стало горько.

С трудом удалось Иванцову успокоить девушку. Только во Дворце культуры Лида постепенно пришла в себя и даже заулыбалась.

Девятая глава

Они, конечно, опоздали. Танцы были в разгаре. Но концерт еще не начинался. Сквозь распахнутые окна в зал заглядывали бледные звезды. Влажный, пахнувший травой ветерок касался разгоряченных лиц. На сцене сидели два баяниста и старательно растягивали мехи своих нехитрых инструментов. Они устали и временами фальшивили, но никто этого не замечал. Публика тут собралась самая разная. Можно было встретить и рабочих с локомотивного завода, и студентов, и школьников. Молодежь вначале держалась обособленно, но во время танца все смешались. Будущие медики приглашали девчонок из ремесленного училища, а скромные и неловкие заводские парни лихо отплясывали со школьницами в белых платьях. Во время перерывов ребята и девушки, обмахиваясь платочками, гуляли по фойе и рассматривали картины местных художников – пейзажи, портреты передовиков производства, натюрморты...

– Я устала! – пожаловалась Лида, протанцевав два круга. – Угости меня мороженым!

– Сейчас, Лидушка! – с готовностью ответил Иванцов, бывший в этот вечер необыкновенно услужливым. Усадив ее на диван, он вернулся через несколько минут с двумя серебряными тюбиками. Молча ели мороженое. Дмитрий отставил руку, боясь испачкать новый костюм; Лида с любопытством разглядывала наряды женщин, прикидывая, какие платья были бы ей к лицу.

На соседнем диване сидели трое юношей и громко разговаривали. Лида услышала ломающийся, очень настойчивый басок и невольно прислушалась. Голос принадлежал светловолосому парню лет восемнадцати, одетому в спортивный костюм. Распахнутый воротник открывал крепкую шею. Рядом с ним Лида увидела ребят примерно того же возраста. Один, очень высокий, в тенниске и коричневых лыжных шароварах, поглядывал на товарищей сверху вниз. Круглые роговые очки казались лишними на его юном, румянном лице, точно были надеты ради шутки. Второй юноша, пониже ростом, сидел, положив руку на спинку дивана. Скрытая сила чувствовалась в его коренастой фигуре.

– Прямо не знаю, что делать! – рокотал басок. – По математике провалился, а с переэкзаменовкой осенью вряд ли что выйдет! Вам-то что! Ты, Алешка, с пятерками перешел, и Женька не отстал. Вам только гулять!.. А у меня – труба! Когда готовиться? Правда, можно отпуск за свой счет взять, но, честно говоря, денег у меня нет и взять негде.

– Вот положение! – сочувственно сказал парень в очках. – Но ты не падай духом! Постарайся уж как-нибудь!

– Ты, Женька, сам не знаешь, что говоришь! – с упреком перебил его тот, кого звали Алешей. – Разве дело в его желании? Человек в горячем цехе работает, летом там настоящее пекло. К вечеру еле ноги волочит. Не до учебников!.. Тем более – математика! Конечно, Толька, ерунду спорил насчет того, что некому помочь. Я мог бы с отцом потолковать, пожил бы пока у нас или у Женьки, у них целый дом пустой. Мы-то в пионерский лагерь поедem. Горком посылает вожатыми... Занимайся хоть с утра до вечера, никто бы тебе не мешал!

– Это ты брось! – покачал головой Толька. – Жить я у вас не буду! Кончен разговор!.. Нет уж, придется остаться на второй год. Жаль, конечно, столько трудов пропадет, да, видно, ничего не попишешь!.. Дался мне этот восьмой класс! Лучше бы сразу в техникум! Прожил бы как-нибудь на стипендию-то!..

– погоди, погоди! – перебил Алеша, и по его лицу было видно, что он что-то придумал. – Ты знаешь, мне в голову пришла одна мысль... Завтра на бюро горкома будет утверждаться решение общезаводского комсомольского собрания о приеме тебя в комсомол. Я, как член бюро, буду присутствовать. И заодно поговорю о тебе с Аней Егоровой.

– О чем поговоришь? – не понял Толя.

– Нет, слушай, это действительно выход! – загорелся Алешка. – Мне известно, что есть вакантное место старшего пионервожатого. Я предложу, чтобы послали тебя. Будешь получать четыреста рублей в месяц. Вполне хватит. И сможешь заниматься. Главное, мы с Лисицыным там будем! Поможем, в случае чего. А на заводе отпуск возьмешь за свой счет!.. Видишь, как все хорошо получится! А ты говоришь «на второй год»!..

– Постой! – недоверчиво сказал Толя. – Меня старшим пионервожатым? Ты что, обалдел? Я же не справлюсь. Я даже в комсомоле еще не состою!

– Справишься! – азартно закричал Женька так громко, что проходившие мимо девушки, вздрогнув, оглянулись. – Ты еще лучше справишься, чем мы! А комсомольский билет тебе дадут завтра вечером после бюро!

– Ох, ребята, заморочили вы мне голову, я же могу всех подвести! – всплеснул руками Антипов, посмотрев на часы. – Сейчас самодеятельность начнет выступать, а я еще не переоделся.

– А мы ничего и не знали! – удивился Лисицын. – Ты будешь стихи читать? Или петь?

– Плясать, – смущенно ответил Анатолий и направился к маленькой двери, которая вела за кулисы.

Лида расслышала не все, но поняла, что у Димы появился соперник. Иванцов ведь тоже намеревался поехать в пионерский лагерь!.. Она хотела сказать ему о подслушанном разговоре, но увидела, что Дима и сам не пропустил ни слова. Он воспринял известие с большим беспокойством, которое даже не пытался скрыть. Нахмурившись, Иванцов глядел вслед Толе, и его глаза были такими злыми, что девушке стало неловко.

– Что ты! – тихо сказала она. – Не придавай этому значения. Ведь Егорова тебе уже обещала...

Но Дима не слушал. Он встал и, сказав Лиде на ходу: «Обожди, я сейчас вернусь!» – прошел за кулисы. «Что он задумал?» – встревоженно подумала девушка.

А Иванцов был возмущен так, словно у него отняли вещь, давно ему принадлежащую. Осуществляя свои планы, он мог развивать поистине бешеную энергию. Там, где речь шла о его интересах, Иванцов был неистощимо изобретателен и предприимчив. Действовал быстро и решительно.

Дмитрию хотелось схватить Антипова за рукав и закричать: «Как ты смеешь? Это я должен получить место старшего пионервожатого! Я так решил! Иначе разрушатся мои планы! Попробуй только встать у меня на дороге!» Но пока поднимался по ступенькам на сцену, он немножко остыл и сообразил, что из такого прямого и грубого разговора ничего хорошего не выйдет. «Надо подобрать к нему ключик!» – решил он. Дмитрию было всего двадцать лет, но он уже знал, что у многих людей есть в биографиях моменты, которых они стыдятся. Играя на этом чувстве стыда, а иногда и страха перед разоблачением, можно добиться от таких людей чего угодно. Это он и называл деликатно: «Подобрать ключик!»

Иванцов знал Антипова давно и помнил, что в его биографии есть немало скользких моментов, но чем больше думал, тем яснее становилось, что сыграть на них будет нелегко!.. Антипов был хулиганом. Об этом все знают! Но то-то и худо, что все знают! Ведь людям известно также, что Анатолий давно оставил прежние привычки, учится в школе и стал передовиком производства! Нет, на этом не сыграешь!.. Но Иванцов не отчаивался. Он решил, что поищет и найдет способ устранить с пути соперника. «Как глупо! Как некстати все это!» – пробормотал Дмитрий, оглядываясь.

Он стоял на сцене. Прямо перед ним спускалось с потолка огромное полотнище, разрисованное какими-то полосами и пятнами. Занавес был уже открыт. Концерт начался. Скрытые от Иванцова задником, по авансцене двигались артисты. Но вот Дмитрий увидел Анатолия. Тот стоял за кулисами возле ящика с песком и, тужась, натягивал узкий сапог. Потом притоп-

нул ногой о пол и легонько, как бы пробуя силы, прошелся вприсядку. В этот момент раздался громкий голос конферансье:

– Русский народный танец «Коробейники» исполнит литейщик локомобильного завода Анатолий Антипов!

Послышались аплодисменты. Толя заметался, сразу растерявшись. Он туго затянул белый шелковый пояс, расправил рукава, взглянул на сапоги. И с досадой поморщился. Левый сапог был густо вымазан чем-то белым, наверно известкой. Антипов беспомощно оглянулся, ища, чем бы вытереть. В углу сцены он заметил бархатное знамя, стоявшее в чехле у стены. Переходящее Красное знамя, врученное локомобильному заводу за перевыполнение плана. Его отдали на хранение во Дворец культуры и нынче, в суматохе, отодвинули в глубь сцены. Антипов кинулся в угол, поспешно вытер чехлом сапог и бросился на сцену, навстречу отчаянно махавшему рукой конферансье, который всюду разыскивал Толю и наконец нашел... Разумеется, вытирая сапог, Антипов не отдавал себе отчета в том, что делает. Он схватил первое, что попало под руку, это оказался чехол от знамени, но Толя не обратил на него внимания. Так или иначе, он почистил им сапоги на глазах у Иванцова.

Правда, надо сказать, что и Иванцов в первый момент, подобно Анатолию, не увидел ничего особенного в этом поступке. Он подумал только, что поговорить с Антиповым сегодня вряд ли удастся. Глупо торчать за кулисами, привлекая к себе внимание. Дмитрий вернулся к Лиде. Они сели на свои места в зале и просмотрели концерт до конца, потом до полуночи танцевали в фойе и ушли из Дворца культуры почти последними. Дмитрий ни разу не вспомнил об Антипове, но был весел и беззаботен, точно предчувствуя, что все его планы осуществятся. Лида, заметившая перемену в его настроении, не знала, чему ее приписать, но не расспрашивала. Ей было хорошо известно, что Дмитрий человек на редкость скрытный. Да он даже, если бы захотел, не смог ответить, так как сам не понимал, отчего на душе стало легко...

И только когда вышли на улицу и очутились под черным небом, в глухом, узком переулке, Иванцов задумался. Рука, поддерживавшая Лиду за локоть, ослабла. Он замедлил шаги и начал пальцами разглаживать брови, что служило признаком напряженной работы мысли. А Лида, полная впечатлений, болтала без умолку:

– Какая ночь! Не хочется домой... Дождемся, когда луна взойдет! Она нынче круглая, желтая, как медная сковородка!.. Ты обратил внимание, какая прическа была у моей соседки справа? Пойдет мне, если я так причешусь?.. Почему ты молчишь? Куда мы идем?.. Давай погуляем еще немножко!..

– Хорошо, хорошо! – рассеянно ответил Дмитрий и, точно очнувшись, спросил: – Кстати, ты знаешь по фамилиям ребят, которые сидели рядом с нами в фойе? Ну, тех, чей разговор ты слышала, – добавил он, заметив, что Лида смотрит на него с удивлением.

– Нет, не знаю! – не сразу ответила девушка. – А зачем тебе? Разве ты все еще встревожен?

– Теперь уже нет! – ответил Иванцов и прижал ее локоть. – А вот и луна... Ну, ну, посмотрим, похожа ли она на сковородку!

Он замолчал и остановился. Перед ними, точно из-под земли, выросла высокая человеческая фигура. Лида слабо вскрикнула. Дима загородил ее плечом и заглянул в лицо незнакомому. Он увидел пожилого бородатого мужчину без шапки, в телогрейке и сапогах. Стриженная голова напоминала шар. Длинные руки свисали чуть ли не до колен.

– Что вам нужно? – сдерживая невольную дрожь в голосе, спросил Дмитрий.

– Ты нужен! – простуженно ответил мужчина. Тон его не был угрожающим, скорее, наоборот, ласковым. Иванцов удивился и подошел вплотную, пытаясь разглядеть путника. Может быть, они знакомы? Нет!.. Вряд ли... В это время огромная красная луна выплыла из-за крыш и улица как по волшебству изменила облик. Дома, заборы и сама земля словно засветились изнутри нежным молочным светом. На мостовую легли черные тени, казалось,

нарисованные тушью. И мужчина из таинственного незнакомца превратился в обыкновенного, плохо одетого, запыленного человека лет пятидесяти с морщинистым, утомленным лицом. Лида сразу перестала его бояться.

– Нищий, наверно, – шепнула она Иванцову. Но тот выпустил ее руку и подался вперед. Девушка услышала, как он растерянно пробормотал:

– Нет, не может быть... Лида! – обратился он к ней. – Ступай домой! Мне нужно поговорить с товарищем... Не обижайся. Извини, потом я все объясню... До завтра!

– погоди, но как же... – отступила девушка.

– До свиданья! – нетерпеливо повторил Иванцов, по-прежнему глядя не на нее, а на мужчину, который стоял, расставив ноги, как на корабле, и улыбался. Лида снова почувствовала тревогу. Она ничего не понимала. Значит, Дима и этот нищий знакомы? Но что между ними может быть общего? Очень странно!.. Она пошла не оглядываясь. На углу девушка не вытерпела, посмотрела туда, где оставила Диму. Но улица была уже пустынна...

Нищий тем временем втащил Иванцова в густую тень и обнял за шею твердыми, негнущимися руками. Он уткнулся обросшим колючим лицом в щеку юноши и тяжело задышал. В горле у Димы застрял комок. Он судорожно обхватил широкую спину путника.

– Отец! – прошептал он. – Это ты!..

– Сынок! – радостно и растроганно сказал Егор Силантьевич, выпуская, наконец, сына из объятий и любовно оглядывая со всех сторон. – Ишь, какой стал!.. Я ведь сперва не признал! Только по голосу, когда заговорил, почувал родную кровь!.. Ах, Митька, Митька! Вырос, подлец! Костюмчик-то как у ответственного работника! Слышал, в институте наукам обучаешься? Верно?

– Верно, – улыбаясь, ответил Иванцов, с любопытством рассматривая отца. – А ты ничего. Держись!.. Постой, ты как же здесь очутился? Тебе вроде бы десять лет дали. Ты должен был, значит, только в сорок третьем освободиться... Или сбросили срок? Помиловали?

– Убежал! – шепотом ответил Егор Силантьевич и оглянулся. – Потому и не пришел к Таиске! Она дура, проболтаться может. Убежал, и все тут! – Он счастливо засмеялся, показывая мелкие, почерневшие зубы. – Третий месяц по лесам скитаюсь. Оборвался, одичал! Но все же до родных мест добрался!.. У меня тут дела кое-какие есть! Рассчитаться надобно, все долги уплатить!.. Это хорошо, сынок, что ты здесь! Боялся, не застану! Одному тяжело...

Иванцов говорил, не замечая того, что лицо у Дмитрия как бы окаменело и стало чужим, настороженным.

– Ты, брат, вот что! – продолжал он. – Беги-ка живым духом домой и тащи деньги, сколько есть, одежонку подходящую и шапку или кепку. Я-то свою арестантскую забросил, а голова, сам видишь, стриженная, приметная, да и от солнца жарко!.. Поесть тоже принеси, а неплохо, ежели и водочки достанешь! Выпьем с тобой, сын милый, за расчудесную нашу встречу!.. Я тут обожду! Нельзя мне по городу ходить, боюсь!.. – Он хотел потрепать сына по плечу, но тот мягко, но решительно отодвинулся.

– Та-ак! – незнакомо прозвучал в темноте его голос. – Стало быть, сбежал!.. Хорошее дело! Что же дальше?

– А вот долги уплату, и на Запад! – буркнул Егор Силантьевич. – Сидел я с одним человеком в камере, он мне растолковал, как через границу перебраться!.. Только сперва дельце одно сделаю, о котором восемь лет мечтал! Семен Шумов живой еще?.. Живой! Я знаю! Спрашивал! На заводе начальником стал. Депутат Совета!.. Попомнит он меня... Ты, сынок, после будешь спрашивать, а сейчас беги, неси, что сказал! Да живей, голодный я!..

Дмитрий долго молчал, отвернувшись. Потом тихо и твердо ответил:

– Не пойду я, батя!

– Как не пойдешь? – удивился Егор Силантьевич. – Я же тебе толкую, одежонку надо, да и закусить тоже!.. Ты что это? – Он недоумевающе смотрел на сына, и потрескавшиеся, обветренные губы вздрагивали от волнения и обиды.

– Не пойду! – с сердцем повторил Иванцов и отступил на шаг. Когда снова заговорил, голос звучал отчужденно, жестко. – И одежды от меня не жди, и денег не дам!.. Так вот ты, значит, как пришел? Вот что для меня припас? Хороша радость! Сам, точно волк бешеный, по лесам скачешь – и мне такую же участь приготовил?.. Дураков нет, батя!

– Постой, постой! – отступил старик. – Ты как же со мной разговариваешь, стервец! Ты что грубишь! Я вот возьму палку потолще!.. Ты как язык-то свой поворачиваешь... Родному отцу!..

– Ну тогда вот что, батя! – холодно перебил Дмитрий. – Придется уж вам меня послушать! Вы хотели лбом каменную стенку развалить. Но, однако, лоб разбили, а стенка еще крепче стоит. Меня ваш пример не прельщает. Слава богу, образованный! Не зря без отца-матери вырос!.. Я вас в гости не звал, вы и без того мою жизнь достаточно искалечили! Меня еще в деревне иначе, как кулацким отродьем, не называли! Ничего. Выдюжил. Встал на ноги. Теперь вы что же хотите? Все побоку? Вместе с вами на одну веревочку? Не бывать этому! Доносить не пойду, смысла мне в этом нет. Скажите и за то спасибо. А теперь ступайте своей дорогой! Счастливого пути! – И юноша отвернулся.

– Постой! – бросился к нему отец. – Митька, что же это?.. Да ты ли такие слова произносишь? Может, я обознался? Злого врага за своего сына принял? Не совестно тебе больного, голодного старика в шею гнать? Митька, сынок! О тебе ведь я плакал там, на далекой Воркуте! А как там мой парень растет, думал я, как учится, что ест, где спит? Спешил к тебе, хотел к сердцу прижать, приголубить, взгляни, на последнюю десятку чего купил в подарок! – Он лихорадочно полез в карман, торопливо развернул грязный платок. При свете луны неярко блеснула полированная крышка дешевого портсигара. – На вот, возьми! – совал портсигар Егор Силантьевич. – Ведь куришь, наверно?.. Ну, пошутили, погорячились – и хватит! Один ты остался! Все меня ловят, как бешеную собаку... Не с кем слова сказать... Митенька!

Иванцов со странным чувством смотрел на плакавшего перед ним старого, оборванного человека. Да, Егор Силантьевич по-настоящему плакал. Крупные слезы скатывались по седой бороде. Не выдержали нервы многодневного напряжения. Глядел на него Дмитрий, и не верилось ему, что это и есть родной отец, о котором в детстве немало было пролито слез... Нет! Этот старик олицетворяет собой что-то бесконечно чужое, далекое, грозное!.. От его объятий Дмитрий чувствовал в спине холодок. Ему ничуть не было жаль отца. Слова, горячо произносимые Егором Силантьевичем, его не трогали. Он томился, желая лишь одного – чтобы эта сцена поскорей кончилась.

– Молчишь? – спросил Егор Силантьевич и, наклонив голову, заглянул в глаза сыну. – Да я вижу, ты не заговоришь! Не из таких! Выходит, зря я перед тобой бисер рассыпаю! И здесь, стало быть, жизнь надо мной посмеялась! Ну что ж. Ладно! Ухожу я, сынок... А ты будь счастлив, если сможешь! Только слышишь? Принеси поесть и денег. Ничего больше не требую! Но это ты обязан! За то, что родил я тебя, в люльке ночами качал. Когда болел, на руках таскал! За пряники и леденцы, что привозил для тебя из города, помнишь? Али забыл?.. За все обязан передо мной! Зверь ты бесчувственный! Не позволишь же ты родному отцу помереть голодной смертью!..

– Не могу! – раздраженно прервал Дмитрий. – Узнают, что я вам помогал, – прощай, институт! Еще арестуют! И эти ваши мысли насчет Шумова выбросьте из головы! Я не о нем забочусь! Мне на него наплевать. И не о вас. Вы-то, видать, так ничему и не научились! Но если скандал будет, обратно же мне несдобровать! Так что по-хорошему предупреждаю. Уходите нынче ж ночью.

– По-хорошему? – осклабившись, переспросил Егор Силантьевич. – А если не послушаюсь, тогда что? По-плохому?

– Тогда по-плохому! – прошипел Иванцов. – Запомните, батя, если еще увижу вас в Любимове, клянусь, схожу куда следует и донесу!..

– Эх, Митька, Митька! – покачал головой отец. – Будь ты проклят. Не видать тебе счастья в жизни!

Он долго стоял, сгорбившись, втянув голову в плечи. Не шевелился и Дмитрий. Наконец Егор Силантьевич вздохнул и, не прощаясь, не взглянув даже на сына, медленно побрел прочь. Его ноги тяжело шаркали по булыжнику. Он стал как будто меньше ростом. Иванцов смотрел вслед до тех пор, пока отец не скрылся за углом. Потом вздохнул, точно сбрасывая тяжесть, огляделся и быстро зашагал домой.

Десятая глава

В субботу, двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года, Анатолий Антипов проснулся рано. Подоконник был розовый от солнца, но углы большой комнаты еще тонули в полумраке. Толя полежал несколько минут с закрытыми глазами. Ему было радостно, но он не мог понять, отчего. Он сознавал, что нынешний день не такой, как другие, особенный, но забыл, что же должно произойти. И вдруг вспомнил: он вызван в городской комитет. На бюро будет решаться вопрос о его приеме в комсомол!

Анатолий сбросил одеяло и спрыгнул на пол. В трусиках и майке, он распахнул окно. Влажный утренний воздух ворвался в комнату, Антипов вдохнул запахи травы, реки, распускающихся цветов. За окном общежития густо кудрявилась зелень. Между деревьями белели корпуса завода. Чувствуя, как все тело наливается силой, Анатолий быстро проделал несколько гимнастических упражнений и оделся.

Было еще рано, но он решил пойти на завод и поговорить с мастером Селезневым насчет приспособления для воздушного охлаждения тяжелого литья. Всю зиму Антипов ломал голову, пытаясь найти способ быстро остужать тяжелые отливки. Долгие вечера проводил в технической библиотеке, рисуя на листочках, вырванных из тетрадки, неумелые эскизы. Оттого и запустил математику в вечерней школе...

Дело в том, что тяжелые отливки весом в шестьдесят – сто тонн, прежде чем их вынуть из форм, должны остыть. А остывают они очень медленно, по двадцать – тридцать дней, и загромаждают весь литейный цех. Из-за них нельзя заливать новые формы. Они ограничивают выпуск продукции. Литейщики сумели бы перевыполнять нормы, но не могли, потому что производственная площадь была занята стынущими отливками.

Анатолию пришло в голову, что можно искусственно охлаждать тяжелое литье. Нужно сделать специальные формы, в стенках проложить чугунные трубы и пропускать через них холодный воздух. Тогда отливки будут охлаждаться не в течение месяца, а за каких-нибудь двенадцать – четырнадцать часов!..

Улицы были еще пустынные. Проходя мимо пивной палатки, Анатолий увидел на траве спящего человека. Когда он поравнялся с ним, человек проснулся и сел, протирая опухшие глаза. Анатолий узнал Федьку Козлова, своего прежнего собутыльника. Федька недавно освободился из тюрьмы, где отсидел год за воровство. Теперь он нигде не работал и редко бывал трезвый. Его небритое, измятое лицо на фоне яркой зелени и чистого, синего неба выглядело больным и даже страшным, как будто принадлежало не живому человеку, а мертвецу. Увидев Антипова, Федька приподнял кепку:

– Привет стахановцу! Что, Толик, перековался?

От него даже на расстоянии нескольких шагов несло водочным перегаром.

– А ты все пьешь! – с тягостным чувством сожаления и досады ответил Анатолий.

Ему неприятно было видеть этого человека, который напоминал, каким был сам Антипов еще недавно. Сейчас Толе казалось странным и почти не верилось, что он вот так же валялся на земле, сквернословил, жизнь его была бесцельна, и все интересы сводились к удовлетворению самых низменных потребностей... Теперь Толя учился в школе, мечтал об институте. У него были друзья, любимая девушка. Его должны были принять к комсомолу!.. И Анатолий испытал сильное желание подойти к Федьке и сказать: «Остановись, пока не поздно! Оглянись, посмотри, как прекрасна жизнь! Открой глаза!». Но он не подошел и не крикнул, потому что хорошо знал Федьку и понимал, что таких людей, как он, словами не проймешь.

– Пока! – сказал он и, предъявив пропуск, вошел в заводские ворота.

Мастера Селезнева Толя нашел во дворе и, усадив на влажную от росы скамью, принялся рассказывать о своем приспособлении. Он волновался и некоторые фразы повторял по два

раза, как будто боясь, что иначе Селезнев их не поймет. Мастер молча дослушал до конца и, вынув кисет, стал медленно свертывать сигарку. Закурив, он прокашлялся, вытер губы и одобрительно похлопал Анатолия по плечу:

– По-моему, дело стоящее! Пойдем, я тебя познакомлю с инженером, который в бюро изобретений работает. Может, он что посоветует!

Инженер Круглов сидел за письменным столом в маленькой стеклянной кабине на антресолях механического цеха. Внизу, в пролете, гудели станки. Время от времени громко взвизгивал под резцом металл. Тяжело гремели подъемные краны. Здесь, под потолком, эти звуки сливались в оглушительный шум, привыкнуть к которому было трудно. Чтобы услышать друг друга, приходилось громко кричать, как в лесу.

Инженер Круглов был низенький, полный мужчина лет тридцати, с узкими плечами и аккуратным пробором. Пиджак его был застегнут на все пуговицы, галстук, несмотря на духоту, туго подпирал воротник. Лицо у Круглова было добродушное и приветливое. Он улыбался даже тогда, когда для этого не было повода. Улыбка на его лице была так же естественна, как седина на висках у мастера.

Круглов, улыбаясь, выслушал Антипова и сказал приятным, высоким тенорком:

– А вы присядьте. Я должен подумать! Значит, как вы говорите?.. Специальные формы с воздушным охлаждением?

Он сморщил узкий лоб и замолчал. Впрочем, пауза длилась всего несколько секунд. Инженер встал, подошел к стеклянной стене и задумчиво поглядел вниз, в цех. Когда он обернулся, улыбка расплылась еще шире.

– Понимаете, товарищи, ничего не получится из этого дела! – с сожалением сказал он. – Мне неприятно вас огорчать, но истина дороже!.. Изготовить такие формы, как вы предлагаете, очень трудно. Они будут стоить так дорого, что эффект, полученный от их применения, не окупит затрат. Понятно?

– Яснее ясного! – вздохнул мастер и повернулся к Анатолию: – Видишь, какая штука, брат!.. Учиться надо. Голова-то у тебя хорошо работает, а знаний маловато. Ну, попрощайся с товарищем инженером и пойдем. Уже гудок был.

– До свидания! – сказал Анатолий. Он был очень расстроен и разочарован, но ни на минуту не усомнился, что Круглов сказал правду и изобретение никуда не годится. Если бы он знал, о чем думал инженер Круглов в те несколько секунд, пока они ждали его ответа, то, вероятно, не согласился бы так легко с приговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.